

НЕВЛЯ

29 • 2012

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Владимир Смирнов Тюремные этюды	10
Лев Пономарев Чудовищный закон	14
Михаил Бурляш Короткое свидание	18
Александр Хныков Картинки из зоны	23
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений прав человека (январь – март 2012 года)	26
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	32
Макс Махмаг Звонок	60
Дмитрий Рыкунов Кто нас судит?	80
Александр Зимбовский Дело Торбеева. Милиция не любит файеры	85
Помогите спасти малолеток!	88

СИДИ И ЧИТАЙ

Максим Громов Тюремные рассказы 94

Алексей Мокроусов Одна страна, два языка,
две географии 110

Екатерина Матвеева Из книги «История одной
зэчки» 116

Георгий Демидов Люди гибнут за металл 127

Примо Леви Оттепель 133

ИСТОРИЯ

Легендарные тюрьмы 140

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталия Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталия Малыхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталия Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах

По состоянию на **1 апреля 2012 года** в учреждениях УИС содержалось 741,6 тыс. человек (–14,0 тыс. человек к началу года), в том числе:

– в **755 исправительных колониях** отбывало наказание 623,5 тыс. человек (– 16,1 тыс. человек), в том числе:

– в **145 колониях-поселениях** отбывало наказание 41,7 тыс. человек (– 2256 человек);

– в **5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1788 человек (+ 14 человек).

В 230 следственных изоляторах и 165 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях содержалось – 14,3 тыс. человек (– 2235 человек).

В 7 тюрьмах отбывало наказание 0,9 тыс. человек (– 83 человека).

В 46 воспитательных колониях для несовершеннолетних 2,7 тыс. человек (– 60 человек).

В учреждениях содержится 60 тыс. женщин (– 1692 человека), в том числе 50,0 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, и 10,0 тыс. чел., в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу, при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 768 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

2459 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 471,8 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

53 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений, 587 центров трудовой адаптации осужденных, 52 лечебно-производственных мастерских и 41 учебно-производственная мастерская.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 318 вечерних общеобразовательных школ и 547 учебно-консультационных пунктов, 333 профессионально-технических училища и 235 обособленных структурных подразделений, действуют 555 храмов, 702 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 343,1 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 51,3 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 7,2 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **8 учреждений высшего профессионального образования** с 7 филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центров и пунктов, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Задачей полиции по доставлению в медицинские организации лиц, находящихся в состоянии опьянения, является оказание необходимой помощи в целях предупреждения опасности, угрожающей их жизни и здоровью (*Приказ МВД РФ от 23.12.2011 № 1298 «Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации»*).

Утверждена Инструкция, определяющая порядок доставления лиц, находящихся на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах и других общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации государственной или муниципальной систем здравоохранения.

Инструкцией, в частности, предусмотрено, что сотрудники полиции при обнаружении лиц, находящихся в состоянии опьянения, в том числе несовершеннолетних, при необходимости оказывают им первую помощь, организуют незамедлительный вызов на место выездной бригады скорой медицинской помощи, о чем докладывают в дежурную часть территориального органа МВД РФ, и действуют в соответствии с указаниями дежурного, а также обеспечивают сохранность имущества лиц, находящихся в состоянии опьянения.

Дополнен Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Фе-

дерации (Постановление Правительства РФ от 22.02.2012 № 144 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров»).

В частности, в список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в РФ запрещен (список I), включены позиции: 3-Бутаноил-1-метилиндол [1-(1-метил-1H-индол-3-ил)бутан-1-он] и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень; Диметокан [(3-диэтиламино-2,2-диметилпропил)-4-аминобензоат].

Соответствующие дополнения также внесены в крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса РФ, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 07.02.2006 № 76.

Кроме того, позиция «Гаммабутиролактон» исключена из списка сильнодействующих веществ для целей статьи 234 и других статей УК РФ и из крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 УК РФ (Постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 964) и включена в список психотропных веществ, оборот которых в РФ ограничен и в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля (список III).

Усиление ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних (Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»).

Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» направлен на повышение эффективности противодействия преступлениям, совершаемым против половой неприкосновенности детей.

В соответствии с Федеральным законом усиливается ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, а также за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией и оборот порнографических материалов или предметов.

В частности, в отношении лиц, ранее судимых за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего и вновь совершивших такие деяния, усиливаются меры наказания, вплоть до пожизненного лишения свободы.

Вводится новое обстоятельство, отягчающее наказание, – совершение преступления в отношении несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое законом возлагаются обязанности по воспитанию ребенка или осуществлению надзора за ним. Устанавливается запрет на применение условного осуждения и отсрочку отбывания наказания в отношении лиц, совершивших указанные преступления. Изменяются условия реализации такими лицами права на условно-досрочное освобождение и замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

За преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет, условное осуждение назначаться не будет.

Условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным не менее четырех пятых срока наказания, назначенного за указанные преступления. При этом учитываются результаты судебно-психиатрической экспертизы.

Федеральным законом вводится порядок продления применения мер медицинского характера на период после освобождения лиц, совершивших данные преступления.

Суд вправе назначать комплекс принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, которые совершили такие преступления в возрасте старше 18 лет и страдают расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости. По мнению законодателей, такой комплекс может включать возможность применения профилактических медикаментозных средств, в том числе химической кастрации.

Осужденному за преступления против половой неприкосновенности (свободы личности), который отбывает наказание в виде лишения свободы, предоставляется возможность добровольно пройти освидетельствование комиссией врачей-психиатров, чтобы выявить педофилию (ее отсутствие) и определить соответствующие меры медицинского характера. Такое предложение делает администрация учреждения, исполняющего наказание, не позднее чем за 6 месяцев до окончания отбывания наказания, либо при получении ходатайства об УДО или о замене неотбытой части наказания более мягким видом, либо до внесения представления о таковой. Это не касается осужденного, к

которому по решению суда применяются принудительные меры медицинского характера в связи с выявленным у него психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Также установлена уголовная ответственность за использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов.

Дополнительно вводятся новые органы дознания (*Федеральный закон от 01.03.2012 № 17-ФЗ «О внесении изменения в статью 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*).

Межрайонные и городские (районные) отделы наркоконтроля наделяются полномочиями органов дознания.

Необходимость этого вызвана следующим. Эти подразделения входят в структуру территориальных органов наркоконтроля и не являются юридическими лицами. Поэтому они не признаются самостоятельными органами дознания. Между тем они расследуют около 2/3 всех уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотиков. Они вынуждены согласовывать процессуальные решения с руководством территориальных органов ФСКН России, которые и осуществляют полномочия органа дознания. Такая практика нередко приводит к нарушению установленных сроков расследования.

Владимир Смирнов

Тюремные этюды

Сегодня в тюрьме банный день. Помывка.

Рядом со мной под душем фыркает Юсуф. Мне что-то стукнуло в голову, и я спрашиваю:

– Вот сейчас отпустят на свободу. Голым пойдешь?

– Вот как есть пойду! До Узбекистана! – Юсуф стучит себя кулаком в грудь и тарачит на меня глаза. – Большой срок давали. Очень большой! Что тут скажешь...

Ваха Умалатов по национальности чеченец. За пособничество террористам осужден на десять лет, но утверждает, что его заставили себя оговорить.

После средней школы Ваха собирался поступать в медицинский. Отец, учитель, прочил его в хирурги. Но в Чечне началась заваруха. Молодым было не до учебы.

Ваха человек степенный, несмотря на молодость – ему всего тридцать. Он никогда не суетится. Летом, в жаркий день, когда все раздевались в локальной зоне до трусов, Ваха оставался в брюках и черной майке с коротким рукавом. Он не позволял себе появляться на людях без штанов. Много лет он целомудренно держался своих обычаев, достойно представлял свой народ.

Мы с Вахой сыграли в шахматы несколько тысяч партий. Однажды за игрой я его спросил:

– Как по-чеченски «хлеб»?

Ваха сказал:

– Бепк.

В другой раз я узнал у Вахи, как будет «вода» на его языке.

Он молвил:

– Хи.

Потом я справился, как звучит «свобода». Для заключенного вопрос сакраментальный.

Ваха проглотил кадык:

– Маршо.

Мне показалось, что чеченские слова трудно выговаривать, и не стал учить язык.

Через несколько дней за очередной партией в шахматы Ваха поинтересовался, почему я спросил только эти три слова.

Я пожал плечами. Ваха тяжеловерсно покачал головой и сказал, будто выдавая мне большой секрет:

– Это три главных слова.

Я подумал и в душе согласился с ним.

В шахматы общий счет у нас с ним был ничейный.

После обеда прогулка. Как кроты выбираемся на свет божий. С непривычки режет глаза. Давно нездоровится. А по весне совсем сдал – сердце болит, грудь заложило, кашель неотвязный мучает. На второй год сидения кажется, что из тюрьмы уже никогда не выберешься.

И такой тоже запомнится тюрьма. Март, солнечное утро. На горизонтальных прутьях решетки, как на нотном стане, разместились воробьи и чирикают на все лады. Хвалят мир божий. Я их называю «мои ласточки». Каждый день подкармливаю хлебом. Я им несказанно рад.

Высокий, мослатый и худой Кугумов Леша умел радоваться самой малой радости. Возьмет за живое музыка, и Кугумов вытанцовывает прямо на плацу. Корявое лицо его преображается. Он топчется как слон вокруг себя, переступает с ноги на ногу, в поясе перегибается, локтями ловит такт и даже пальцами будто что-то стрижет.

А вот припевка у него всегда одна:

Гоп-стоп, Канада,

Нам рублив не надо.

Доларей нам дайте,

А вы, хлопцы, грайте.

На любую музыку положит и речитативом выговаривает и в склад, и в лад.

Колька Барышев за день до своего освобождения долго наблюдал, как я кормлю в локальной зоне воробьев, а потом говорит:

– Вова, ты уйдешь, кто ж их кормить будет?

– Найдутся добрые люди.

Колька безнадежно сказал:

– Вряд ли. Ты молодец, дай тебе Бог здоровья.

Я обомлел. Больше всего поразила похвала. Я-то думал, Колька за спиной подтрунивает надо мной, а выходит, ошибался.

В тюрьме погоняло дают не для конспирации, как иногда думают, а для удобства общения. Это еще с древних времен идет. Вот что сказано у Карамзина: «Уже при Дмитрие Донском некоторые именитые граждане именовались по родам или фамилиям вместо прозвищ, каким прежде различались люди одного имени». В камере «люди одного имени» всегда найдутся. Крикнешь: «Саня!» – отзовется несколько человек. Погоняло получают чаще всего по фамилии. Макар – Макаров, Фрол – Фролов и так далее. Но дают погоняла и по профессии, по роду деятельности, в том числе и преступной. Одну цыганку, которая сидела за наркотики, звали Мать-Героиня. А к одному электрику прилипла кличка Двести Двадцать.

Могут дать прозвище и по внешнему виду, в том числе и «от противного». Маленького, дохлого Виталика кликали Могучий. В сергиево-вопосадской тюрьме работал воспитателем некий Олег Юрьевич, маленький, кривоногий, с тугим низким задом и круглым животом. Прозвали его Клоп. За вонючий характер.

Из двухсот пятидесяти человек в нашем бараке не было погоняла только у одного. Так и звали по фамилии – Лукуткин. Неряшливый и малодушный был эзк.

Подъем на зоне в семь часов, но я, уж не знаю почему, встаю задолго до подъема. А в семь я уже на спортплощадке. Походить по мягкой травке босиком – удовольствие каких мало. Это остро ощущается после тюрьмы, где можно провести долгие-долгие годы и не увидеть ни травинки. А я, признаться, по уши влюблен в природу, хотя какая, к лешему, в колонии природа. Так, камень бел-горючий да плакун трава. Но я безумно рад тому, что есть.

На спортивный пяточок меня сопровождает Тимка. Это мой котенок. Мы с ним неразлучные друзья. Прежний хозяин отказался от него, а я приютил, чтобы исподволь душа не каменела. Котенок – это лучик света, с ним чуточку оттаивает мерзлая душа.

Кошки и собаки стерегут наш дом, но не столько от воров или мышей и крыс, сколько от воздействия потусторонних сил, которые незримо существуют вокруг нас, но о которых мы покамест мало знаем.

Я занимаюсь на спортплощадке полчаса, и Тимка от меня не отстает. Делает какие-то кульбиты, выписывает кренделя, карабкается по снарядам, по шведской стенке и деревянным брусьям. Иногда срывается, чудом повисает на передних лапах, и тогда приходится его спасать, снимать оттуда, чтобы он, неугомонный, снова мог озорничать.

Хлопотно, конечно, с ним. Нужен глаз да глаз. Но за короткий срок я так прилип к нему, что, если бы Богу понадобилась чья-то жизнь, я бы с радостью отдал свою, лишь бы сохранить котенка.

Живем мы душа в душу.

После занятий я, по пояс голый, люблю поваляться в скудном разнотравье. Благо на дворе июнь. Лягу на землю, притулюсь к ней грудью, уткнувшись лицом в траву и смотрю, как бежит, торопится куда-то по делам проворный муравей и вперевалку пробирается степенный жук. Им-то, поди, трава-мурава кажется дремучим лесом, может, непроходимым даже. И почему-то сразу я добрею, ощущаю себя исполином, горы своротить могу. Чувствую, что и на мне лежит ответственность за этот бесконечно хрупкий мир.

Тимка, утомившись, нежится на солнце. Вытянулся на боку, но глаз с меня не сводит.

Я протягиваю руку и срываю воздушный шар одуванчика. Тимка-непоседа тут как тут. Потянулся носиком навстречу. Весь он как натянутая тетива, смотрит пристально ясными глазами, но держится стойко: мало ли что? Я медленно подношу одуванчик к губам и внезапно сильно дую на него. Тимка от неожиданности приседает, но поздно: пушистые снежинки одуванчика густо облепили черную мордашку. И тотчас как ужаленный шарахается Тимка в сторону, мотает что есть силы головой и ловко помогает себе лапкой. Норовит отряхнуться.

Белый пух легко и быстро улетучивается, исчезает прямо на глазах.

– Ну что, испугался, боягуз, бояка?

Я укоряю Тимку и ласково подзываю к себе.

Тимка снова крутится возле меня. Он долго зла не держит.

А мимо зоны мчатся поезда. Товарные и пассажирские. По ним бы можно было сверять часы, да только здесь другое измерение. И счет другой.

Лев Пономарев

Чудовищный закон

На этой неделе в Госдуме уже на второе чтение от имени Правительства РФ вносится законопроект № 597884-5 «О внесении изменений в статьи 76 и 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

Своей второй частью законопроект вводит уголовную ответственность за единственные доступные заключенным мирные акции протеста – коллективные голодовки протеста и коллективные членовредительства. Эти акции по сути являются жестами отчаяния. Очевидно, что люди, находящиеся в заключении, лишены очень многих прав – их наказывают по любому поводу, часто неоправданно. Весь исторический опыт, в том числе советский, показал, что во многих случаях единственным способом донести информацию о нарушениях прав до начальства и общественности были коллективные голодовки и членовредительства.

Даже в советское время коллективные голодовки и членовредительство не считались злостным нарушением режима (ст. 62 ИТК РСФСР).

В случае своего принятия это нововведение приведет к катастрофе с соблюдением прав человека в местах лишения свободы, лишив заключенных последнего средства остановить произвол, издевательства и пытки.

Авторы законопроекта ссылаются на то, что количество массовых голодовок и членовредительства возрастает. Цитата из пояснительной записки к вносимому законопроекту: *«Если в течение 2007 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы зафиксировано 15*

Публикуемый текст размещен в блоге Л. Пономарева :http://www.echo.msk.ru/blog/lev_ponomarev/870092-echo/ 19 марта 2012, 16:42

случаев группового членовредительства и 11 групповых отказов от приема пищи, то в 2008 году – уже 28 групповых актов членовредительства и 11 групповых отказов от приема пищи. В 2009 году тенденция к проведению таких протестных акций лишь усилилась (зарегистрирован 31 групповой акт членовредительства и 15 групповых отказов от приема пищи). За 2010 год зарегистрировано 76 случаев группового членовредительства и 8 случаев группового отказа от приема пищи. Ряд групповых протестных акций совершается значительным (до 1000 человек) числом осужденных».

В любом нормальном обществе такие тревожные сведения были бы восприняты как признак глубокого кризиса пенитенциарных учреждений, парламент назначил бы специальные слушания, инициировал парламентское расследование, принял бы законы, создающие дополнительные гарантии соблюдения прав человека в местах лишения свободы, усилил гражданский контроль.

Общероссийское движение «За права человека», фонд «В защиту прав заключенных» и другие правозащитные организации, опираясь на данные от родных заключенных, журналистов и из других источников, утверждают, что рост акций мирного протеста – это прямое следствие существования до сих пор не только «пресскамер», но и целых «пыточных зон» – десятков изоляторов и колоний, в которых заключенные подвергаются унижениям, издевательствам, угрозам физических и моральных пыток и пыткам.

Пытки и насилие организуются как самими работниками администраций, так и по их указанию особыми, специально подобранными осужденными. Причем разрекламированная ликвидация зловещих «секций дисциплины и порядка» на эту практику никак не повлияла.

Россия остается единственной страной в Европе, в которой фактически существуют десятки концлагерей. Типичная картина издевательств над заключенными в таких «прессзонах» обычно выглядит следующим образом. Приходящий этап пропускается через коридор, который образуют работники администрации и охранники с резиновыми дубинками, и они стараются ударить каждого заключенного, заключенные бегут, падают, роняют свою поклажу, часто на них дополнительно натравливают собак.

Я называю это словом «концлагерь», поскольку такое я видел только в детстве в фильмах про фашистские концлагеря. После этого заключенных психологически ломают: заставляют надеть красные повязки

(признак заключенного, сотрудничающего с администрацией, – «активиста»), а тех, кто отказывается, заставляют раздеваться догола, заставляют голыми стоять часами, залезают в интимные места (под предлогом личного досмотра), заставляют мыть пол и унитазы зубными щетками и т.д., в общем, всячески унижают. Тех, кто отказывается выполнять эти совершенно незаконные садистские требования, жестоко избивают и помещают в штрафной изолятор (ШИЗО). Бывает, что люди проводят там в ужасных условиях месяцы.

Следует подчеркнуть, что общее число колоний и СИЗО в России – более тысячи. Число таких пыточных зон – несколько десятков. Казалось бы, это немного и их вполне можно было бы ликвидировать. На самом деле система специально сохраняет их, так как сейчас любой заключенный, который хочет бороться за свои права, уведомляется о том, что существуют пыточные зоны, где его будут избивать и пытаться, могут изнасиловать и убить, и в случае неповиновения он будет переправлен в такую зону.

Одиночного протестующего нетрудно запрятать в штрафной изолятор, в карцер, сделать так, чтобы его жалобы никогда не покинули стен тюрьмы или колонии. Только акции коллективной солидарности протестующих заключенных могут заставить органы власти, и в первую очередь вышестоящее начальство и прокуратуру, обратить внимание на массовые и грубые нарушения прав человека, на нечеловеческие условия. Объявление мирных акций протеста преступлением наравне с насильственными действиями прямо провоцирует заключенных на бунты и вандализм.

Поэтому ликвидировать пыточные зоны и практику пыток и издевательств можно только путем массовых мирных акций протеста, проводимых заключенными, которые должны быть поддержаны общественностью извне.

Некоторую надежду на непринятие этой поправки дает то, что даже профильный комитет Госдумы по безопасности уже высказался против ее принятия. Вот цитата:

«Акты голодовки и членовредительства не являются с очевидностью фактами противоправного поведения, что не дает оснований к безусловному отнесению их к деяниям, рассматриваемым как злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания.

Кроме того, поведение осужденных, связанное с причинением вреда своему здоровью, напротив, требует дополнительного внимания и проверки соблюдения требований режима в деятельности исправи-

тельного учреждения и выявления причин, способствующих или повлиявших на совершение подобных действий.

Учитывая изложенное, часть вторая проекта закона подлежит исключению при подготовке законопроекта к рассмотрению во втором чтении».

Мы не должны допустить принятия второй части этого законопроекта.

Поэтому я обращаюсь к депутатам Государственной думы с призывом не голосовать за этот законопроект. А вместо принятия закона я призываю парламентариев назначить проведение открытых парламентских слушаний о нарушении прав человека в уголовно-исполнительной системе, о ходе и концепции ее реформы.

Я обращаюсь также к государственным правозащитным институтам – Уполномоченному по правам человека в РФ В.П. Лукину, в Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека и Общественную палату РФ: этот зловещий закон должен быть остановлен.

Следует отметить, что первая попытка провести этот законопроект была предпринята в сентябре. Тогда нам удалось ее не допустить. Сейчас его протащили незаметно в первом чтении.

Михаил Бурляш

Короткое свидание

Сонечка Лисицына крутила руль и нервно поглядывала по сторонам. Навигатор вел ее в какую-то глушь. Вдоль дороги мелькали серые деревья, однобокие, полуразрушенные избушки и высоковольтные столбы.

«Да уж, занесло меня сегодня», – грустно подумала Сонечка, раскуривая тонкую сигаретку. Навигатор упрямо загонял ее в какую-то тмутаракань. Впрочем, это было неудивительно, ведь Сонечка ехала в «зону». Такое вот сегодня у нее было странное задание.

Сонечка была жизнерадостной голубоглазой блондиночкой двадцати лет, достаточно смысленной в пику всем дурацким анекдотам про блондинок. Она работала помощником преуспевающего адвоката, к которому ее пристроил папа, и заочно училась на юридическом. Адвокат особо работой Сонечку не нагружал, хотя периодически давал разные дурацкие задания. Вот, например, в этот раз он отправил ее в небольшой городишко за двести километров от Москвы, чтобы забрать какие-то бумаги у одного зэка.

Сонечка сначала отнекивалась, однако адвокат был непреклонен – мол, надо и срочно, ничего не поделаешь, а послать больше некого.

Хуже всего было то, что накануне отъезда позвонила какая-то тетка, назвавшаяся сестрой этого «клиента» и попросила захватить с собой передачку. Внутренне коря себя за слабоволие и неумение сказать «нет», девушка согласилась.

В итоге, с утра заехав к тетке за баулом и из-за этого не успев выехать из Москвы до пробок, Сонечка прибыла к месту назначения только к двум часам. «А в тюрьме сейчас макароны», – почему-то вспомнилась ей фраза из «Джентльменов удачи».

Припарковавшись рядом с чьим-то покоцанным стареньким «мерседесом», Сонечка с опаской вышла из машины. Ее белые брючки и

оранжевый шарфик заметно оживляли окружающую серую картину. Прямо перед подобием стоянки она увидела неказистую пристройку, отдаленно смахивающую на здание сельсовета. За пристройкой начался забор с колючей проволокой и торчали крыши барачков.

С трудом вытащив из багажника баул с передачей, Соня поковыляла к пристройке. Навстречу ей шел какой-то невзрачный мужчина в милицеской форме.

– Извините, – обратилась к нему Сонечка, – а вы не могли бы мне подсказать...

– Передачи там! – невежливо перебил Сонечку мужчина, профессионально обшарив взглядом ее нарядную фигурку и ткнув пальцем в неказистую металлическую дверь.

– Спасибо... – пробормотала Сонечка вслед удалявшейся спине и потащила баул в указанном направлении.

За дверь было шумно и многолюдно. Какие-то теткы шуршали пакетами, сурового вида парни распаковывали картонные ящики с печеньем, а в углу на дорожной сумке сидела молоденькая девчущка и высыпала в прозрачный пакетик сигареты из пачек. В общем, все в полутемной тесной комнатке были заняты делом. Все, кроме Сони.

Постояв на пороге с полминуты, Сонечка кашлянула и спросила громко:

– А кто последний передачу сдавать?..

На секунду шуршание-шебуршание стихло, все бегло взглянули на Соню – впрочем, без особого любопытства – и вернулись к своим занятиям.

Соня поняла, что надо выбрать для наведения справок кого-то одного. Поставив баул в угол и присмотревшись к окружающим, она подошла к худенькому пареньку лет двадцати пяти. Паренек оказался вполне учтивым и объяснил Соне, что сначала надо написать заявление о приеме передачи и о предоставлении краткосрочного свидания, а потом передать его приемщице в окошечко и ждать, когда вызовут. Таков порядок, и поэтому очереди тут никакой вовсе и нет.

Образцы заявлений висели на стене. Сонечка начала писать на заранее подготовленных листах бумаги и вдруг обнаружила, что в заявлении на передачу нужно указывать полный список продуктов.

Пришлось выпотрошить содержимое баула прямо на пол, слегка отодвинув в сторону одну из чужих коробок с печеньем.

– Эй, а конфеткы-то разворачивать надо, – вдруг сказала ей какая-то тетка.

– И чай надо высыпать в прозрачный пакетик, – заметила другая.

– Сигареты в пачках не возьмут у тебя, – добавила девчушка, высыпавшая сигареты в пакетик.

– А колбасу вареную вообще нельзя, – констатировал любезный паренек.

И Соня поняла, что похоже влипла с этой дурацкой чужой передачкой.

...Следующие двадцать минут она разрывала пакетики и коробочки, перекладывала, сортировала, пересыпала... В общем, шуршала пакетами, как и все остальные. Когда Соню наконец вызвали к окошечку, ее ждал новый удар. Окошко было зарешечено, и отверстие для передачи было таким маленьким, что половина Сониных кульков туда просто не пролазила.

Закусив губу и сдвинув мешающийся шарфик вбок, шестеря про себя утреннюю тетку последними словами, Соня начала очередную перерасфасовку. Из окошечка сурово прикрикнули, чтобы «не чухалась», от чего Сонины движения стали еще более суетливыми и бестолковыми.

Наконец это бесконечная тягомотина закончилась, и Соню повели на свидание по длинному коридору с ядовитым давящим на глаза освещением.

Перед каждой дверью тетка в униформе останавливала Соню, нажимала на какую-то кнопку, после чего несколько секунд противно дребезжал оглушительный звонок и дверь открывалась. У Сони от этих звонков тряслись поджилки. Будучи девушкой впечатлительной и не избалованной стрессовыми ситуациями, она вдруг представила, что ее ведут внутрь навсегда, и от этой идиотской фантазии к горлу подкатила тошнота... «Никогда, никогда в жизни больше ни ногой сюда!!!» – пронеслось у нее в голове...

Наконец двери закончились, и Соня оказалась в небольшой узкой комнате.

Ее пустили в левое отделение, где уже сидели три женщины и какой-то подросток, и она заняла единственное пустующее место напротив лысого крепыша лет тридцати пяти. Он снял трубку стоящего перед ним телефонного аппарата и жестом предложил ей сделать то же самое.

– Здравствуйте, это вы – Василий Пилипченко? – сказала Соня и тут же поняла, что ляпнула глупость. Разве могли ей на свидание привести кого-то другого?

– Так точно, милая барышня, – бодро ответил лысый. – Кого заказывали, того и получайте!

– Меня зовут Соня, я от Николая Андреевича, – сочла нужным пояснить Соня. – Он сказал, что вы должны ему какие-то документы передать...

– Да, да, все верно, – ответил Пилипченко, – их сейчас принесут. Поговорите со мной немножко, Соня, расскажите, что там сейчас «в миру» делается, как жизнь свободная протекает, так сказать.

Соня смутилась. Она не рассчитывала, что придется развлекать светской беседой какого-то незнакомого зэка. Кроме того, после предшествующей возни с кулечками и мешочками она была неимоверно раздражена и не представляла, о чем можно поговорить.

Пилипченко как будто прочитал ее мысли.

– Соня, вы только не нервничайте, место у нас тут, конечно, не особо приятное, но и не такое уж страшное. Те же люди, что и на воле, только, может, чуть менее везучие. – Он усмехнулся. – Расскажите, что сейчас носят, что заказывают в ресторанах, что идет в кинотеатрах, о чем говорят на кухнях... Просто расскажите о каком-нибудь своем обычном дне – мне это безумно интересно. Ну, пожалуйста, я прошу вас...

И Соня вдруг как-то сразу успокоилась и начала рассказывать. Сначала неуверенно и сбивчиво, потом оживленней и подробней. Через десять минут разговора она уже весело смеялась, пересказывая сидящему напротив нее зэку забавную историю, случившуюся два дня назад в их офисе с разносчиком пиццы. Она так увлеклась беседой, что уже не замечала ни конвойных у двери, ни стекла между ними, ни треска в трубке, ни отдаленного дребезжания звонков в коридоре...

Василий слушал не перебивая.

Он смотрел на девушку, и она была для него глотком свежего воздуха, весточкой с воли, первым нежным подснежником среди подтаявшего грязного снега.

Разговор вычерчивался неровными штрихами, как график осциллографа. Они то смеялись, то переходили на пониженный доверительный тон, то высказывались на какие-то глобальные темы, то спрашивали друг друга о любимых книгах и фильмах...

Соня смотрела на Василия со все возрастающим удивлением – он был начитан, остроумен, делал интересные, глубокие замечания «в тему» и даже пару раз восхитил ее оригинальной точкой зрения на, казалось бы, банальные вещи.

– Вы такой необычный человек, Василий, – говорила Соня, – я даже не ожидала, что с вами будет так интересно разговаривать...

– А чего ожидала? Увидеть головореза в ватнике, который через слово будет вставлять мат и по «фене ботать»? – отвечал Василий. – Эх, Сонечка, жизнь гораздо многогранней и удивительней, чем мы о ней думаем. Не суди опрометчиво...

Через час разговора они уже были на «ты», причем переход этот произошел совершенно естественно и незаметно для обоих.

Еще через час они уже перебивали друг друга, смеялись, шутили и говорили о каких-то совершенно невысказанных пустяках и глупостях.

Когда дежурный объявил, что время свиданий закончилось и заключенным нужно идти на проверку, Соня с удивлением обнаружила, что проговорила с «каким-то незнакомым зэком» почти три часа.

– Спасибо, Соня, что поговорила со мной, – сказал он прощаясь. – Документы тебе дежурный на выходе отдаст, их принесли уже. Ты замечательная девушка, спасибо тебе еще раз, я тебе желаю счастья, искренне. Николай Андреичу пламенный привет! И... Знаешь еще что?.. Может быть, приедешь еще?

Женщины, подросток, дежурный, другие зэки – все уже были готовы покинуть комнатку свиданий и выжидающе смотрели на Соню, кто раздраженно и нетерпеливо, кто спокойно и равнодушно...

Соня вспомнила серую безжизненную дорогу, ведущую к тюрьме, свое раздражение из-за несуразно собранной передачи, панический ужас, вызванный тюремным звонком и захлопывающимися за ней решетками, и трусливую мысль, начинавшуюся со слова «никогда...».

И прежде чем положить трубку и в последний раз посмотреть Василию в глаза, сама до конца не понимая происходящего, она ответила ему: «Я ПРИЕДУ»...

Картинки из зоны

Миха-черторез

Шла ранняя весна. Из степи от сгнивших трав уже тянуло свежим оживлением жизни. На зоне это предшествующее потеплению настоящему время всегда приносит тоску. Миха-черторез, обычно после работы сидевший на кровати на втором ярусе, как турок скрестив ноги, смотрел в одну точку на стене. Одолевали мрачные мысли. Они подкрадывались в такие вот несладкие мгновения раздумий о своей жизни.

– Ты что, Миха, хочешь взглядом стену просверлить? – спросил его Костик, чернявый, с вставленными рандолевыми – под золото – зубами. Типичная для зоны технология протезирования.

Миха молчал как истукан.

Зэки в проходняке, почириривши, затеяли светскую беседу.

Так кто, ты говоришь, написал «Тараса Бульбу», Некрасов?

– Не, Гоголь.

– Не, Некрасов. Эй, Миха, кто написал «Тараса Бульбу»?

– Гоголь.

– Так он же одни страшилки писал. «Вий» и все такое.

– Гоголь, – терпеливо сказал Миха.

Ему в последнее время явно нездоровилось.

– Миха, ты бы мне вырезал что-нибудь веселенькое к свиданке, – попросил кто-то из зэков.

– Так он только чертей режет.

И впрямь Миха искусно резал поделки из дерева. Но в последнее время резал чертенят. Были они потешные и злые, будто бы смеялись над его жизнью.

Никому Миха не говорил, что пришел ему развод от жены.

На следующий день после работы Миха, предварительно записавшийся в санчасть, так как сильно болела у него голова – даже цифир

не помогал, – пошел в положенное время из своего сектора через центральный плац на аллею, которая вела к санчасти. Тут у него была своя задумка. Нравилась ему женщина-медработник. И едва Миха вступил на аллею, как увидел ее, идущую от КПП тоже к санчасти.

Они шли в нескольких десятках метров друг от друга, и Миха своей ковыляющей походкой, с глазами, будто запорошенными слезой, с чуть согнутой вперед фигурой, с длинными волосами – готовился уже к освобождению, – шел за женщиной, точно привязанный какими-то своими мечтами. Оборвали его мечты голоса. Зэки из сектора, где были этапники, стояли у ограды и отпускали сальные шутки в сторону этой женщины. Миха взбесился, он стал орать оскорбительное, стараясь отвлечь зэков от приятного ему человека. Вначале те затихли, одурев от такой наглости, а затем двое из них, самые шустрые, точно обезьяны, перелезли через решетчатый забор локального заграждения, а поскольку Миха-черторез терпеливо ждал их, накиннулись на него, осыпая градом ударов, пока он не упал на землю.

...В санчасти Миха очухался. Состояние после избиения было тяжким. Болел сильно бок. Подошла знакомая ему женщина к его кровати. Потрогала его лицо со щетиной и синяком бурым под глазом.

– Болит?

– Да, немного, – признался Миха и, глядя на нее во все глаза, от чего-то своего неожиданно улыбнулся, показывая желтые от цифира неровные зубы.

Бунт

Уже были слышны первые выстрелы со стороны контрольной вахты, а в рабочей зоне все еще урчали надрывно токарные станки, ухали огромные ножницы, как бумагу разрезая железные листы, урчали прессы, выдавая из бесформенной массы пластмассовые детали для промышленных вентиляторов. Завод есть завод, хотя он и в зоне. Но понемногу станки останавливались. Вольные мастера, как-то сразу же помрачнев, молча уходили с территории рабочей зоны. Точно воды в рот набрали.

– Бунт в жилой зоне, – подойдя к Карпову, совсем тихо, почти на ухо, сказал Мишка, его приятель, низенький зэк с веснушками на всей физиономии.

И точно в подтверждение его слов, кажется, совсем рядом резанула воздух, без сомнения, автоматная очередь. Чьи-то крики немного отдаленные, точно приглушенный морской прибой, пробивались в рабочую зону, где зэки, остолбеневшие от ужаса, прислушивались к про-

исходящему совсем рядом. Кто-то уже стал вооружаться всем железным, что попадалось на глаза.

Карпов своим напряженным слухом тоже вслушивался в тревожные отзвуки противостояния в жилой зоне.

Над колонией, точно большая стрекоза, закружился военный вертолет. Он нарезал круг за кругом.

Потом в рабочку вошел развернутой цепью спецназ. И по громкоговорителю был получен приказ выходить на центральный плац. Строиться побригадно. Садиться на асфальт с заведенными за голову руками.

Спешили эски выполнить команду. Окруженные солдатами, они сидели на холодном асфальте под дулами автоматов. Другие солдаты (прибыло подкрепление) вошли в рабочую зону и двинулись по цехам.

Карпов вдруг вспомнил о своих мечтах, о воле. И только стиснул зубы. А из жилой зоны отрывисто доносились выстрелы. Так продолжалось еще с полчаса и затем все стихло. Только каркали галки над запреткой, точно переговариваясь между собой, осуждая неожиданное событие, вмиг перевернувшее судьбы многих невольников.

Этап

Зону вывозили спешно, чтобы развеять память о бунте. Зачинщики пошли сразу же после работы прокуроров в следственные изоляторы, а основную массу эсков, которая, по сути, и не участвовала в бунте, просто вывозили группами в соседние управления, разбрасывая по стране. Ту группу, в которой находился Карпов, вначале привезли в знакомую ему областную тюрьму, и у него даже появилась надежда увидеть понравившуюся ему когда-то дежурную. Но не повезло. Эсков уже на следующий день отправили в спецвагоне в соседнюю область, тоже на пересылку. Кто-то будто пугал какие-то следы. Привезли в третью пересыльную тюрьму, в тюрьму знаменитую – Владимирскую. Эски вздохнули с облегчением. Едем на юг! Эта версия в преддверии зимы, конечно, приободрила и настроила на приятные переживания. И даже душный отстойник и хлеб черный, липкий, точно пластилин, эски воспринимали как неизбежность. Карпов попал вместе с Мишкой в один этап, и они, и прежде державшиеся друг друга, теперь совсем приободрились. Ведь вдвоем идти по этапу, с земляком, которого знаешь по зоне, куда надежнее, чем идти в неизвестность одному.

Назавтра все ожидали нового этапа. Новой неизвестности, которая навсегда скроет их судьбы, соединенные неожиданно в этом тюремном каменном мешке друг от друга.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений прав человека (январь – март 2012 года)

Архангельская область

20 января 2012 года

В учреждении ИК-21, расположенном в поселке Икса, произошел акт неоправданной жестокости. Утром 16 января в помещении камерного типа (ПКТ) и штрафного изолятора (ШИЗО) зашли бойцы спецназа с надписями «УФСИН» на бронжилетах в сопровождении сотрудников администрации ИК-21 во главе с новоназначенным начальником колонии Джафаровым.

После утренней проверки осужденных грубо, с использованием матерных выражений и грубой физической силы, выводили из камер и помещений. У оставшихся в камерах и помещениях дежурных осужденных ворвавшиеся служащие УФСИН требовали доклады. Доклады, по всей видимости, не удовлетворили сотрудников колонии. И спецназу, и осужденным было приказано бегать по коридору. При этом осужденных заставляли бежать в помещения, где нет видеонаблюдения. Во время бега люди в форме осужденных били, причем руками и ногами. Один из осужденных только за жалобы о больной печени получил по этой самой печени несколько ударов ногами и руками.

Наиболее чудовищно выглядели в исполнении сотрудников администрации во главе с начальником колонии Джафаровым при под-

держке спецназа уроки заучивания дежурными формы доклада: осужденных били головой о стенд с текстом формы доклада.

Возможно, что эта новость так и осталась бы безвестно сгинувшим в небытие актом неоправданной жестокости, характерным для архангельского УФСИН времен правления в нем господина Келанова (переведенного в Архангельск из приснопамятной оренбургской колонии «Черный дельфин»), если бы не одно обстоятельство. У одного из осужденных, который стал жертвой утреннего избиения 16 января, через сутки закончился срок заключения, и его вынуждены были выпустить на свободу. Гражданин уже обратился в травмпункт, и в распоряжении редакции имеется присланная по MMS фотография заключения врачей, свидетельствующего о многочисленных побоях на теле гражданина, ориентировочно нанесенных 16 января. К тому же у осужденного имеются присланные нам показания тех, кто остался в СИЗО и ПКТ ИК-21. Напомним, что это уже не первый подобный случай в учреждениях УФСИН по Архангельской области. Схожие ситуации, связанные с немотивированной жестокостью, наблюдались в колониях Вельска, ИК-1 (более известной как «копейка»), в Карпогорской колонии и других учреждениях области.

Москва

22 февраля 2012 года

Двое заключенных умерли в СИЗО с разницей в один день. 17 февраля гражданин Узбекистана Зафар Шукукоров был найден повешенным на простыне в одной из камер психиатрической больницы Бутырки. Его задержали по обвинению в грабеже 9 октября прошлого года. «В психиатрической больнице СИЗО он содержался с 21 декабря 2011 года, куда был переведен из СИЗО-1 (Матросская Тишина)», – рассказал глава пресс-службы столичного Управления Федеральной службы исполнения наказаний Сергей Цыганков.

На следующий день, 18 февраля, в Бутырке умер еще один заключенный, уроженец Грузии Теймураз Зуадзе 1971 года рождения. Его задержали в августе прошлого года по подозрению в краже. По предварительным данным, причиной смерти стала передозировка наркотиков.

Следственное управление по городу Москве начало доследственную проверку по факту двух смертей в Бутырке. Назначено проведение судебно-медицинских исследований.

Бурятия

29 февраля 2012 года

Против экс-главы УФСИН по Бурятии возбуждено два новых дела. В рамках расследования уголовного дела выявлены дополнительные факты хищения им служебного имущества.

Отделом по расследованию особо важных дел СУ СК России по Республике Бурятия в отношении бывшего начальника Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Бурятия возбуждено еще два уголовных дела о хищениях имущества учреждения по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное с использованием служебного положения).

Следствием установлено, что в различное время на баланс подразделений Управления ФСИН России по Республике Бурятия поставлены двухосный автоприцеп из комплекта механизированной госпитальной полевой прачечной, двухосный автоприцеп с дизельным генератором из комплекта полевого мясоперерабатывающего пункта, автоприцеп с кузовом-фургоном из комплекта полевой медицинской лаборатории, кузов полевой армейской кухни и трактор ДТ-75. В период с марта по ноябрь 2009 года начальник Управления ФСИН России по Республике Бурятия с целью незаконного обогащения приказал подчиненным сотрудникам перевезти указанное балансовое имущество с территории двух изоляторов на территорию служебного учебного центра, расположенного в 110-м квартале города Улан-Удэ. Затем введенные в заблуждение приказами начальника сотрудники с привлечением отбывающих наказание заключенных и использованием грузовых автомобилей вывезли подготовленную технику на территорию Красноярского края, где передали похищенное имущество в личное пользование отцу и брату злоумышленника.

В настоящее время данные уголовные дела соединены в одно производство с ранее возбужденным делом о хищении обвиняемым автомобильного фургона. Балансовая стоимость всего похищенного им имущества превысила миллион рублей. В ходе проведенных обысков следователями во взаимодействии с сотрудниками Управления ФСБ России по Республике Бурятия и сотрудниками собственной безопасности регионального Управления ФСИН часть похищенных вещей изъята у родственников злоумышленника. Проводятся мероприятия, направленные на отыскание и изъятие оставшегося сокрытым трактора. Также выполняются иные следственные действия по установлению полной и объективной картины совершенных преступлений.

Калмыкия

5 марта 2012 года

В Калмыкии родственники осужденных потребовали прекратить пытки в колониях.

Родные осужденных, отбывающих наказание в колониях ИК-1, ИК-2, расположенных на территории Калмыкии, собрались 3 марта возле здания телевидения в Элисте с требованиями оградить их родственников от насилия и пыток со стороны администрации исправительных учреждений. Собравшиеся заявили о попустительстве пыткам и жестокому обращению со стороны руководства Управления ФСИН РФ по Республике Калмыкия. По их утверждению, начиная с 13 февраля в колониях имеет место незаконное применение силы в отношении осужденных, а «медицинские работники, с целью сокрытия преступной деятельности должностных лиц, отказывают осужденным в медицинском освидетельствовании».

Родственники осужденных совместно с экспертом движения «За права человека» Владимиром Галитровым подали заявление о нарушениях в колониях в Управление Следственного комитета по РК.

Комментариев со стороны Управления ФСИН РФ по Калмыкии или представителей администраций колоний относительно этой информации пока не поступало.

Нижний Новгород

15 марта 2012 года

Два офицера нижегородского ФСИН получили 5 и 7 лет колонии за взятку. Собранные следственными органами Следственного комитета по Нижегородской области доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора бывшим сотрудникам отдела материально-технического снабжения ГУ ФСИН России по Нижегородской области начальнику отдела 38-летнему Алексею Климову и его заместителю 40-летнему Игорю Чапарину. Они признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а, в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки группой лиц в крупном размере).

Следствием и судом установлено: в октябре 2010 года между ГУ ФСИН России по Нижегородской области и ООО «Волга Ойл» был заключен государственный контракт на поставку котельно-печного топлива в две исправительные колонии. 1 ноября 2011 года подполковник и майор внутренней службы получили от директора ООО «Волга Ойл» взятку в

сумме 500 тысяч рублей за невзимание с его компании неустойки за несвоевременную поставку в учреждения ГУ ФСИН РФ по Нижегородской области мазута и своевременную оплату уже поставленного топлива. После получения взятки правонарушители были задержаны сотрудниками полиции.

Государственная дума

19 марта 2012 года

Госдума 14 марта приняла в первом чтении правительственные поправки в ст. 76 и 116 Уголовно-исполнительного кодекса России, которые регламентируют размещение осужденных в транзитных пунктах при направлении к месту отбывания наказания и ужесточают ответственность осужденных за организацию и проведение массовых голодовок и членовредительства в местах лишения свободы.

Закон был принят в первом чтении. Но положение об отнесении группового необоснованного отказа от приема пищи и (или) его организацию, а также совершение группового акта членовредительства и (или) его организацию к злостным нарушениям осужденными порядка отбывания наказания парламентарии предлагают исключить ко второму чтению.

Сегодня представители правозащитного сообщества обратились с открытым обращением к депутатам четырех фракций с требованием исключить поправки, ужесточающие ответственность осужденных за организацию и проведение массовых голодовок и членовредительства в местах лишения свободы, утверждая, что «эта инициатива создает условия для беззакония и произвола в отношении многих тысяч заключенных».

Волгоград

21 марта 2012 года

Сотрудники системы исполнения наказаний добиваются правовой защиты. Образованный несколько месяцев назад профсоюз работников ФКУ МЦИТО ФСИН России столкнулся с такими же проблемами, что и полицейский профсоюз, руководство которого констатирует активное противодействие ГУ МВД Волгоградской области правозащитным инициативам со стороны.

По словам председателя первичной организации профсоюза сотрудников, служащих и пенсионеров ФКУ МЦИТО ФСИН России Влади-

мира Дейнекина, руководство МЦИТО блокирует все инициативы профсоюза, отказываясь наладить с ним конструктивный диалог, а сотрудникам организации под страхом увольнения запрещают вступать в профсоюзную ячейку.

«Профсоюз был создан для защиты сотрудников ФКУ МЦИТО ФСИН России от произвола со стороны руководящего состава, – сообщил господин Дейнекин. – В прошлом году при содействии сотрудников нашей организации сотрудниками УФСБ, УФСИН, СУ СКР и прокуратуры было разработано несколько операций по выявлению коррупционных факторов. Соответственно, было подготовлено два материала, один из которых был связан с незаконным оборотом частей к оружию, другой – с хищением посредством мошенничества выделенных из федерального бюджета средств на ремонт кровли здания МЦИТО. По предварительным оценкам, ущерб государству в результате вскрытых афер составил не менее 600 тысяч рублей.

Екатеринбург

21 марта 2012 года

В Екатеринбурге общественная правозащитная организация «Межрегиональный центр прав человека» оштрафована за не соответствующую действительности информацию о голодовке заключенных в ИК-3. Как сообщили 21 марта в ГУ ФСИН России по Свердловской области, решение об этом накануне принял Кировский районный суд Екатеринбурга, рассмотрев иск ИК-3 о защите деловой репутации.

Информацию о голодовке руководитель организации Владимир Шаклеин разместил в своем блоге 14 октября 2011 года.

В статье содержались сведения о том, что в результате нарушений конституционных прав человека на жизнь и здоровье, уважение достоинства личности сотрудниками исправительного учреждения, в том числе проблемы с передачей жалоб осужденных в правоохранительные органы власти, в адрес уполномоченного по правам человека в Свердловской области, отказов в обеспечении необходимого лечения больных, группа осужденных, отбывающих наказание в ИК-3, с 14 октября объявила голодовку.

Однако, как установил суд, ни 14 октября, ни в другие дни осужденные ИК-3 от приема пищи не отказывались, а нарушения их конституционных прав не было.

Решение суда пока не вступило в законную силу. В настоящее время В. Шаклеин готовит кассационную жалобу.

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма

Армения: по австралийскому образцу?

Власти Армении рассматривают возможность разрешить осужденным за незначительные преступления не отбывать реальный срок, а осваивать земли Нагорного Карабаха, то есть осваивать австралийскую модель развития сепаратистского Нагорного Карабаха. Что имеется в виду? Британия в конце 1780-х годов колонизировала Австралию, отправляя туда осужденных. По мысли британских властей, использование их труда должно было стать альтернативой труду рабов на строительстве объектов инфраструктуры удаленной колонии. В принципе Британия не прогадала. И ссыльные, и их потомки, по всей видимости, трудились настолько успешно, что Австралия стала одной из самых благоприятных для проживания стран во всем мире, а уровень преступности здесь (притом что жители Австралии являются потомками правонарушителей) – один из самых низких.

В Армении думают попробовать нечто подобное. Ожидается, что в ближайшее время армянские законодатели приступят к обсуждению законопроекта, согласно которому «беловоротничковым» преступникам будет предложен выбор: либо отбывать наказание в местах лишения свободы, либо переселиться на «свободные территории», под которыми, по мнению многих в Армении, понимается главным образом Нагорный Карабах. Напомним, в начале 1990-х годов при содействии Армении эта сепаратистская территория вышла из-под контроля Азербайджана. Шаги, направленные на достижение политического урегулирования между Арменией и Азербайджаном, пока не привели ни к каким результатам.

В разработке законопроекта принимал активное участие председатель правозащитной организации «23 августа – Национальный альянс» г-н Сербян. По его мнению, разрешение осужденным селиться

на «свободных территориях» поможет решить ряд социальных задач: улучшить не только демографическую ситуацию в Нагорном Карабахе, но и условия содержания в армянских тюрьмах, укрепить семьи и увеличить шансы на то, что после отбывания наказания бывшие заключенные снова станут полезными членами общества.

Вероятно, одной из причин, способствовавших появлению этого законопроекта, является тяжелая ситуация, сложившаяся в пенитенциарной системе Армении, и в первую очередь ее переполненность.

Согласно данным Министерства юстиции, в республике насчитывается 12 пенитенциарных учреждений и еще одно альтернативное исправительное учреждение, в которых содержится свыше 4,5 тыс. заключенных. Большинство этих учреждений давно устарели (все они были построены еще во времена СССР и ранее), во многих высок уровень самоубийств. После выхода на свободу многие бывшие заключенные снова возвращаются к преступной деятельности.

«Исправительные учреждения нуждаются в серьезном реформировании», – отмечает известный в Армении правозащитник Артур Сакунц. Предлагаемый законопроект, по его мнению, способен «изменить ситуацию» с переполненностью тюрем. Вместе с тем он нуждается в дальнейшей доработке и более четком определении понятия «свободные территории». Ведь Нагорный Карабах частью Армении не является, это самопровозглашенная республика, являющаяся частью Азербайджана, который до сих пор считает эти земли своими.

У Британии в свое время получилось: в результате того эксперимента на планете появилось независимое, высокоразвитое и процветающее государство. А вот что получится из армянской инициативы, пока сказать трудно.

Справка

Пенитенциарная система Армении

В 13 пенитенциарных учреждениях по состоянию на 30 августа 2011 года содержалось **4514** заключенных, в том числе: подследственных – **26,0%**, женщин – **4,0%**, несовершеннолетних – **2,6%**, иностранцев – **2,6%**. Количество заключенных на 100 тыс. населения – **146** человек. Наполняемость тюрем, по официальным данным, составляет **102,7%**. **Высшая мера наказания** – пожизненное заключение; смертная казнь отменена в 2003 году. **Условия содержания** в тюрьмах тяжелые, отмечается переполненность. Большинство уголовно-исправительных учреждений было построено в конце XIX – начале XX века.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **Уголовно-исправительное учреждение Нубарашен** (Ереван). Насчитывает около 550 заключенных, размещенных по 4 человека в камере площадью 20 кв. м. Здесь содержатся участники нападения на армянский парламент 27 октября 1999 года, в результате которого погибли 8 человек.

Из доклада **Международной амнистии-2011** «Права человека в современном мире»: «...рабочая группа ООН по произвольным задержаниям выразила обеспокоенность жестоким обращением с задержанными и заключенными. Озабоченность рабочей группы также вызвал тот факт, что на задержанных оказывается давление, чтобы получить от них признания».

Грузия: к чему ведет «нулевая терпимость»?

По последним данным, опубликованным авторитетной британской неправительственной организацией «Международный центр тюремных исследований» (ICPS), в тюрьмах Грузии находится непропорционально много заключенных, 539 человек на 100 тыс. населения.

«Если в 2003 году, перед “революцией роз”, в Грузии насчитывалось 148 заключенных на 100 тыс. населения, то начиная с 2006 года, когда было введено понятие “нулевой терпимости” по отношению к любому преступлению или уголовно наказуемому проступку, этот показатель вырос до 539 человек», – пишет грузинская газета *Kviris Palitra*.

Дмитрий Лордкипанидзе, вице-президент парламентской комиссии по правам человека, утверждает, что реальная цифра еще более высока, поскольку «официальная статистика базируется на последней переписи населения, которая была проведена в 1989 году и согласно которой в Грузии проживает 4,5 миллиона человек». Но, как считают эксперты, за прошедшие после этой переписи 20 лет, по меньшей мере полтора миллиона человек эмигрировали из страны.

Кроме того, г-н Лордкипанидзе выразил беспокойство по поводу условий содержания, в которых находятся грузинские заключенные. По его мнению, они продолжают постоянно ухудшаться, в результате чего с 2006 года по настоящее время, в тюрьмах страны 650 человек покончили жизнь самоубийством.

Справка

Пенитенциарная система Грузии

В 18 пенитенциарных учреждениях по состоянию на 31 августа 2011 года содержалось **24 187** заключенных, в том числе: подследственных – **6,7%**, женщин – **5,0%**, несовершеннолетних – **0,9%**, ино-

странцев – **1,5%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **539** человек. Наполняемость тюрем, по официальным данным, составляет **101,8%**. **Высшая мера наказания** – пожизненное заключение; смертная казнь отменена в 1997 году. **Условия содержания** в тюрьмах очень тяжелые.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **следственный изолятор г. Тбилиси (Ортачальская тюрьма)**. Открыт в конце XIX века. Насчитывает около 4000 арестантов на 1500 мест. Неоднократно становился местом противостояния заключенных и охраны. В ходе бунта в марте 2003 года пострадали 15 сотрудников правоохранительных органов. А в марте 2006 года при подавлении очередного масштабного бунта погибли семь арестантов. В этой тюрьме некоторое время находился тесть Сталина Сергей Аллилуев, дважды (в 1947 и 1982 годах) сюда попадал кинорежиссер Сергей Параджанов.

Из доклада **Международной амнистии-2011** «Права человека в современном мире»: «В сентябре Европейский комитет по предупреждению пыток сообщил о некоторых успехах в деле недопущения жестокого обращения со стороны полиции в следственных изоляторах, однако сохранялась обеспокоенность с связи с жестоким обращением при аресте и в полицейских участках.

24 сентября полицию наделили новыми полномочиями, позволяющими останавливать и обыскивать людей. Ряд местных правозащитных организаций выразил обеспокоенность в связи с тем, что в этом законе не указаны ни конкретные обстоятельства, при которых полиция вправе пользоваться этими полномочиями, ни время, на которое можно задерживать людей по этому закону.

Не продвигались расследования сообщений о притеснении, запугивании и избивании демонстрантов полицией и неизвестными людьми в масках во время демонстраций против президента в период с апреля по июль 2009 года».

Китай: пенитенциарная система – таинственный лаогай

Что представляет собой пенитенциарная система – «лаогай», весьма схожая со сталинским ГУЛАГом, до сих пор остается тайной.

Эта новость осталась практически незамеченной. 11 января этого года известный китайский диссидент Ю Джи прибыл в Вашингтон. Менее знаменитый, чем Лю Сяо Бо – лауреат Нобелевской премии мира за 2010 год, Ю Джи долго сотрудничал с интернет-порталом «Китайское обозрение», который запустил Фонд исследования лаогай. А Фонд, в свою очередь, был образован Гарри Ву. Ву, сам бывший узник совес-

ти, посвятил свою жизнь исследованию деятельности диссидентов и борьбе против забвения многочисленных жертв китайской исправительно-трудовой системы, известной под названием «лаогай».

Что же такое лаогай? Вы не найдете это слово ни в английских, ни во французских, ни в немецких словарях. «Лаогай» означает «исправление посредством труда» или «перевоспитание с помощью работы». Впрочем, начиная с 90-х годов прошлого века китайские власти не употребляют больше этого слова, заменив его на другой иероглиф, который переводится как «тюрьма», что, по их мнению, является менее позорным в глазах международного общественного мнения. Да, собственно, и сама система подверглась эволюции: больше не говорят о «перевоспитании трудом», а просто о наказании, обязательным компонентом которого является труд.

Через эту, родившуюся вместе с Китайской революцией 1949 года, огромную сеть исправительно-трудовых лагерей прошло более 50 млн китайцев. Несколько миллионов осужденных до сих пор находятся в этих лагерях, хотя режим в них, конечно, уже несколько смягчен. По различным оценкам, за последние 50 лет в этих лагерях умерло от 15 до 20 млн человек. Цифры, по международным меркам, ужасающие.

«Эти лагеря являются составной частью диктатуры. По сути, система и не может существовать без таких лагерей. Если есть лишь одна партия, если есть революция, то обязательно должны быть и контрреволюционеры, которых необходимо заключать в тюрьму и убивать. Без лаогай этой системе пришел бы конец», – сказал несколько лет назад в одном из интервью Гарри Ву. Он сам провел в лаогай 19 лет (с 1960 по 1979 год) только за то, что осмелился критически отозваться о вторжении СССР в Венгрию. Воспользовавшись некоторым ослаблением режима при Дэн Сяопине, Ву смог эмигрировать в США (1985) и там натурализоваться.

Часто сравниваемая с советским ГУЛАГом, система китайских лагерей «перевоспитания трудом» долго не подвергалась анализу по западным критериям. В первую очередь потому, что китайский коммунизм миновала участь «большого брата» – СССР, и, соответственно, независимые исследования по этой теме в Китае до сих пор невозможны. Но, несмотря на запреты, Гарри Ву удалось трижды нелегально посетить Китай именно с целью проведения исследований в этой запретной области. В последнее свое посещение он был арестован и провел в тюрьме 60 дней. Только благодаря усилиям администрации президента Клинтона он был освобожден и выслан в США.

Результаты своих исследований он опубликовал в нескольких книгах¹. «Умирая зимой от холода, – вспоминает он, – я научился восхищаться умом крысы, которая тщательно прятала свою еду в местах, недоступных влаге. Во время долгих часов работы мы старались проследить, где находится ее нора, чтобы попытаться найти там пищу...» Жуткие условия, в которых приходилось жить в исправительно-трудовых лагерях, ничем не отличались от тех, что были в сталинском ГУЛАГе или в концлагерях. Но Китай пошел еще дальше, связав «систему перевоспитания» (промывание мозгов, идеологическая обработка, дегуманизация) с сельскохозяйственным, коммерческим и индустриальным развитием страны.

Как и в СССР, политические заключенные (в 50-х годах прошлого века они составляли 80% от их общего числа) и осужденные за общеуголовные преступления в исправительно-трудовых лагерях содержались вместе. Лагеря часто были прикреплены к какому-либо большому предприятию: шахте, заводу или сельскохозяйственной ферме. Бывало, что в зависимости от потребности заключенных этапировали через весь Китай.

Для узников совести «перевоспитание» зачастую было пожизненным: просто после отбытия срока наказания они переводились в исправительно-трудовой лагерь с менее жестким режимом. Так было и в случае с Гарри Ву, который познакомился со своей будущей женой и заключил с нею брак в лаогай. И только после смерти Мао (1976) в результате первых либеральных преобразований Гарри Ву обрел свободу (1979).

Получив американское гражданство, он поставил себе целью информировать общественное мнение о том, что происходило и происходит на его родине. В годы президентства Билла Клинтона сведения о положении заключенных в лаогай поставили под сомнение вопрос о предоставлении китайским товарам режима наибольшего благоприятствования. Проведя соответствующие исследования, Гарри Ву смог показать, как продукты питания и промышленные изделия, изготовленные с помощью рабского труда китайских заключенных, поступают в США. И все это происходило в нарушение международных соглашений, запрещающих такую торговлю. Крупные транснациональные компании также были вынуждены сделать прозрачными схемы поступления товаров из Китая. Но все напрасно: по мнению различных непра-

¹ См.: «Китайский ГУЛАГ», 1996; «Горькие ветра», 1996; «Возвращение в лаогай», 1997; «Черная книга коммунизма» (в соавторстве), 1997.

вительственных организаций по защите прав человека, в этой области ничего не изменилось.

По официальным данным, продукция, произведенная в «архипелаге лаогай», представляет собой лишь крошечную часть китайского национального продукта. Однако Гарри Ву продолжает обличать слепоту Запада, представители которого, посещая китайские заводы, предпочитают не замечать рабские условия, в которых трудятся заключенные-рабочие.

В свои 75 лет бывший заключенный продолжает – практически в одиночку – разоблачать систему, которой исполнилось более 60 лет. Гарри Ву удалось воплотить в жизнь мечту всей своей жизни: в 2008 году он открыл в Вашингтоне единственный в мире музей, посвященный лаогай. «В Китае, – написал он в своей книге “Возвращение в лаогай” в 1997 году, – самым большим преступлением давно стало политическое преступление. Если властям не понравится то, что вы сказали, написали или сделали, они уничтожат всю вашу семью. Сегодня все чуть менее жестоко, но власти находят другие способы, чтобы наказать вас, если вы критикуете компартию. Общество состоит из отдельных человеческих личностей, но если отдельная человеческая личность не представляет никакой ценности, то нет и никакого общества».

Камбоджа: истязатель приговорен к пожизненному заключению

«Товарищ Дуч», настоящее имя которого Канг Кек Иеу, бывший во времена «красных кхмеров» начальником тюрьмы в Пномпене, в которой при его непосредственном участии подверглись пыткам и были убиты примерно 15 тыс. человек, 2 февраля был приговорен к пожизненному лишению свободы. Суд, вынесший приговор, проходил под эгидой ООН.

Дуч был начальником центральной пномпеньской тюрьмы Туол Сленг в период с 1975 по 1979 год. По приговору, вынесенному судом первой инстанции, он в июле 2010 года получил 30 лет тюрьмы за военные преступления и преступления против человечности.

Но Верховный суд страны изменил этот приговор на пожизненное заключение, указав, что в вынесенном первой инстанцией вердикте не учтено то, что за время руководства Дучем тюрьмой в ней погибло 15 тыс. человек.

«Преступления, совершенные Канг Кек Иеу, несомненно, являются одними из самых страшных за всю мировую историю. Он заслуживает самой суровой меры наказания из всех возможных», – заявил председатель суда Конг Срим во время зачитания приговора, которое продол-

жалось полтора часа. Смертная казнь судами, проводимыми под эгидой ООН, не применяется.

Как сообщает агентство Франс Пресс, 69-летний Дуч, одетый в белую рубашку и кремовую куртку, во время произнесения приговора не произнес ни единого слова и не выказал никаких эмоций. Он встал и поприветствовал суд по камбоджийской традиции, сложив руки ладонями у лица.

Затем он был препровожден в камеру при суде, располагающемся в пригороде Пномпеня, в которой он и будет находиться до конца своих дней.

Во время суда свидетелями выступили редкие выжившие в тюрьме Туол Сленг, а также родственники погибших. По первому приговору в 30 лет лишения свободы Дуч мог выйти из тюрьмы уже через 18 лет после своего ареста с учетом времени, которое он находился в предварительном заключении. Такая гипотетическая возможность для жертв и их родственников была совершенно неприемлемой.

«Справедливость должна восторжествовать во имя всех жертв. И я буду чувствовать себя умиротворенной», – приводит агентство Франс Пресс слова Ким Хуай, у которой в этой тюрьме погибли 19 родственников, в том числе муж и родители.

«Я скажу своим односельчанам, что справедливость восторжествовала, – заявил 52-летний Пов Синуон. – Все правильно. Все по заслугам».

Дуч стал первым «красным кхмером», осужденным этим совместным судом, образованным в 2006 году после нескольких лет переговоров между правительством Камбоджи и международным сообществом.

В течение нескольких лет этот бывший учитель математики скрывался, в 1999 году он был пойман по фотографии, сделанной ирландским фотокорреспондентом. Дуч, как оказалось, работал в одной неправительственной христианской организации.

Во время процесса он долго рассказывал судьям о целых грузовиках документов, обнаруженных в тюрьме после падения режима, согласно которым жертвы пыток вывозились за несколько километров от тюрьмы и там уничтожались.

В этом архиве были обнаружены записи допросов жертв режима, чтение которых со всей очевидностью говорит о том, что никакого заговора против лидеров «красных кхмеров» не существовало, скорее они страдали паранойей.

Поначалу Дуч сотрудничал со следствием, но затем изменил свою линию поведения, отказался от французского адвоката и стал гово-

речь о том, что он ни в чем не виновен, что он был лишь «простым секретарем» режима.

Во время вынесения вердикта в зале суда присутствовали сотни камбоджийцев, а еще тысячи просто не смогли туда попасть и следили за происходящим по телевизору.

Второй процесс, в котором перед судом предстали три человека, занимавших во времена режима высшие политические посты в государстве, начался в начале 2011 года. Всем им на сегодня исполнилось по 80 лет.

Египет: знаменитый актер осужден за диффамацию

Суд Каира приговорил к трем месяцам тюремного заключения знаменитого арабского актера Аделя Имама за «диффамацию (диффамация – публичное распространение порочащих сведений. – *Сост.*) в отношении ислама». Эти «порочащие сведения» актер распространял путем исполнения ролей в кино и театре.

Адель Имам – самый знаменитый актер в арабском мире, не уступающий в популярности Омару Шарифу, рассказал средствам массовой информации, что приговор ему вынесли заочно, а само дело было инициировано Асраном Мансуром, адвокатом, тесно сотрудничающим с исламистами.

– Я буду обжаловать это решение суда, – заявил Адель Имам. – Некоторые люди ищут славы и поэтому обвинили меня в том, что какие-то мои роли оскорбительны для ислама, хотя очевидно, что это совсем не так.

Актер, которому 71 год, рассказал, что ему инкриминируют роль в фильме «Террорист» (в нем он играет мусульманского фундаменталиста), а также участие в спектакле театра «Лидер» (комедия, в которой высмеиваются авторитарные лидеры).

Франция: эта страна – первая по числу полных обысков

В центре заключения города Салон-де-Прован 61-летний мужчина, находящийся в заключении уже пять лет, систематически подвергался обыскам с раздеванием догола после встреч в комнате свиданий со своими родителями, которым, в свою очередь, 77 и 81 год.

Только по судебному приказу от 19 августа 2011 года полные обыски этого заключенного, имеющего безупречное поведение, были прекращены.

Франция неоднократно признавалась виновной Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) за несоблюдение правил проведения пол-

ных обысков. Но она оказалась «плохой ученицей». Правда, не только Франция: в отношении Нидерландов, Литвы и Польши ЕСПЧ также выносил подобные решения. Но в отношении Франции было вынесено рекордное число обвинительных вердиктов за короткое время.

В период между 2007 и 2011 годами Франция трижды признавалась виновной в «бесчеловечном или унижающем достоинство обращении». Ни одна другая страна, из числа входящих в Евросоюз, не может «похвастаться» такими результатами.

Во Франции очень поздно приняли правила, регламентирующие проведение полных обысков. Лишь в 1986 году впервые был издан циркуляр, детально описывающий процедуру обыска с раздеванием. В то время процедура включала в себя обязательное условие «нагнуться голым и кашлять, пока не раскроется сфинктер, что позволяет обнаружить спрятанные в анусе предметы».

Второй циркуляр, описывающий методы контроля заключенных (изданный в апреле 2011 года), исключил эту практику и запретил частое проведение полных обысков.

Новая процедура проведения полных обысков изложена следующим образом:

«Пенитенциарный сотрудник просит заключенного провести своей рукой по волосам на голове, очистить уши, чтобы он смог убедиться, что там ничего не спрятано. В необходимых случаях он просит заключенного извлечь свой слуховой аппарат.

Учитывая данные о личности заключенного или в зависимости от складывающейся ситуации, сотрудник имеет право попросить заключенного открыть рот и высунуть язык, а также, в случае необходимости, вынуть и показать зубной протез. Для проверки подмышек сотрудник просит заключенного поднять и опустить руки, а также показать свои ладони. При необходимости сотрудник просит раздвинуть пальцы рук.

Поскольку заключенный может скрывать какие-либо предметы в промежности, необходимо, чтобы он раздвинул ноги и сотрудник мог убедиться, что там ничего не спрятано. После этого сотрудник обследует ноги, своды стоп и пальцы на ногах заключенного».

Комитет по предупреждению пыток (КПП) отметил в своем отчете за 2007 год, что «частое проведение личного обыска заключенного – с полным раздеванием – сопряжено с большим риском унижающего достоинство обращения».

Пенитенциарный закон, принятый в 2009 году, не запрещает проведение обысков с полным раздеванием, но рекомендует ограничивать их количество. В реальности же полные личные обыски с разде-

ванием проводятся повсеместно и во многих пенитенциарных учреждениях.

Профессор публичного права в университете города Казна, эксперт по вопросам личного достоинства Жан-Манюэль Ларралд напоминает о «тюремном фольклоре».

В ряде случаев порочная практика полных обысков с раздеванием используется пенитенциарными властями как способ «сломать» заключенных. Случай с г-ном Эль-Шеннави, который инициировал жалобу в ЕСПЧ по поводу часто повторяющихся полных личных обысков, красноречиво говорит сам за себя: этого заключенного обыскивали по восемь раз в день. По этому поводу в адрес Франции было вынесено обвинительное решение.

В повседневной жизни практика всегда запаздывает. Жан-Манюэль Ларралд подчеркивает, что французские правила, касающиеся проведения обысков, – «невероятно подробные и исчерпывающие», но «имеется несоответствие между законом и практикой его применения».

Решение о применении полного обыска с раздеванием часто остается на усмотрение директора пенитенциарного учреждения, и во многих учреждениях такая практика становится повседневной.

Депутат от партии «Союз за народное движение» Жан-Пьер Гарро, представлявший в парламенте пенитенциарный закон 2009 года, надеется на постепенное изменение существующей практики с помощью технических средств:

– Все большее распространение получает электронное оборудование. Особенно это заметно, естественно, в новых пенитенциарных учреждениях. В перспективе все эти обыски с полным раздеванием исчезнут.

Однако мэтр Спинози, адвокат из неправительственной организации «Международный информационный тюремный центр», выражает сомнение:

– Все это оборудование стоит очень дорого, и не во всех учреждениях оно есть.

США: первая в мире газовая камера

Принято считать, что газовую камеру придумали нацисты. Это не так. На 17 лет раньше газовая камера появилась в США. И первым казненным стал осужденный убийца – китаец по национальности.

Около 9 часов утра 8 февраля 1924 года приговоренный к смерти 29-летний китаец Джи Йон был силой привязан к креслу, которое находилось в центре газовой камеры. Человек, казалось, совершенно не

понимал, что происходит. Но именно ему было суждено стать первым в истории США убийцей, на котором опробовали «безболезненный и гуманный» способ казни.

Охранники покинули маленькую комнату и заперли за собой тяжелую дверь. Двенадцать свидетелей – репортеры, врачи и армейские офицеры – заняли места перед единственным окном, чтобы наблюдать за последними мгновениями жизни осужденного.

В 9 часов 40 минут четыре фунта жидкости цианистого водорода, который под воздействием тепла должен был начать немедленно испаряться, были вылиты в камеру, но большая часть вещества скопилась на полу, потому что из-за поломки электрического нагревателя было холодно – всего 11 градусов Цельсия.

Тем не менее всего лишь через пять секунд Йон потерял сознание, его голова запрокинулась, но еще в течение не менее десяти минут она продолжала раскачиваться из стороны в сторону. Ответственные лица успокоили присутствующих, заявив, что это испаряющийся газ колышет волосы казненного.

Но тут свидетели, сидевшие перед окном, стали говорить, что они ощущают запах горького миндаля, хотя газ не должен был никуда попадать из камеры, поскольку она вроде бы была герметична. Их поспешили вывести из помещения.

В 10 часов газовая камера была открыта, и несколько мощных вентиляторов стали ее продувать, чтобы полностью очистить от ядовитых испарений. И лишь в 12 часов 30 минут охранники тюрьмы осторожно вошли в камеру, чтобы перенести тело казненного в тюремную больницу. Там семеро врачей констатировали смерть, но отказались производить вскрытие, боясь, что ядовитый газ мог скопиться в различных полостях тела Йона.

Кем же был этот Джи Йон, удостоившийся сомнительной чести быть первым казненным в газовой камере?

Как и многие другие китайцы, за несколько лет до описываемых событий он нелегально прибыл в США из Китая. Он являлся членом китайского криминального сообщества и однажды получил приказ убить некоего вьетнамца Тома Квонга Ки, проживавшего в городке Мина (штат Невада). Свою задачу с помощью 19-летнего сообщника он выполнил профессионально. Он попался и был арестован. В тот период на западе страны разгорелась целая криминальная война между преступными сообществами китайцев и вьетнамцев, и власти прилагали неимоверные усилия, чтобы ее прекратить. И вот удалось схватить непосредственного убийцу. Чтобы устроить преступные сообщества, Джи Йон не-

обычайно быстро был приговорен к смертной казни. Его сообщника, учитывая юный возраст, осудили к пожизненному заключению.

А тремя годами ранее конгресс штата Невада принял решение, признающее повешение варварством, а казнь на электрическом стуле мучительной, и принял Закон «О гуманной смертной казни». По этому закону смертельный газ должен был подаваться в камеру к смертнику неожиданно для него, когда тот спит. Считалось, что такой простой способ будет наиболее безболезненным, примерно как прихлопнуть комара. Но это все было в теории, а на практике все оказалось гораздо сложнее.

Тюрьма города Карсон-Сити заказала у компании «Калифорния-Цианид» инсектицид, который использовался для уничтожения насекомых-вредителей на плантациях цитрусовых, но получила отказ.

Хозяин компании не захотел участвовать в «узаконенном убийстве» и отказался доставлять вещество в тюрьму. Мол, вам надо, вы сами и забирайте. Пришлось заместителю директора тюрьмы лично ехать за цианидом. Но тут новая незадача: четверо охранников, которые должны были ему помогать в перевозке, отказались от этого. Их уволили. В конце концов заместитель директора лично привез 20 фунтов сжиженного летального газа и аппарат для его распыления. За все он заплатил 700 долларов.

Настало время приступить к процедуре. Дирекция тюрьмы начинает действовать в соответствии с инструкцией, установленной Законом «О гуманной смертной казни», – распылить вещество в камере неожиданно, когда заключенный спит. Но в обычной камере невозможно распылить ядовитый газ без того, чтобы он не попал в соседние камеры, в коридор... Директор тюрьмы принимает решение построить изолированное и герметичное помещение, специально предназначенное для казни с помощью газа. Было определено место – там, где в тюрьме производили забой скота. Символично.

Прежде чем привести в эту камеру Джи Йона, провели эксперимент с бездомной кошкой. Все прошло хорошо. Теперь можно и китайца...

Очень быстро способ умерщвления с помощью газовой камеры распространился на всем западе США.

Справка

В настоящее время в США законодательства лишь пяти штатов допускают использование газовой камеры: Аризона, Вайоминг, Калифорния, Миссури, Мэриленд. Но выбор между газовой камерой и смертельной инъекцией остается за осужденным.

Данный метод неоднократно подвергался критике как довольно мучительный; смерть нередко наступала далеко не сразу. Так, при казни убийцы двух человек Дональда Хардинга в Аризоне 6 апреля 1992 года смерть наступила лишь через 11 минут; присутствовавшего при казни прокурора штата стошнило. Для ускорения наступления смерти осужденным обычно советовали глубоко дышать, то есть принимать активное участие в собственной казни, что также считается незачинным. Все это привело к тому, что в настоящее время газовая камера в США уже довольно давно не применяется и в обозримом будущем ее использование на практике маловероятно.

В последний раз газовая камера использовалась 4 марта 1999 года, когда в Аризоне был казнен Уолтер Ла Гранд.

Три способа заработать деньги, сидя в тюрьме

Пять, десять, двадцать, тридцать лет и больше... Некоторые люди проводят значительную часть своей жизни в тюрьме. Но и в заключении они могут заработать какие-то деньги. Вот три способа повысить свое благосостояние, находясь в зарубежных тюрьмах, которые описывает бельгийский сайт *Références*.

1. Выполнение работ для частных компаний

Частные тюрьмы в США заключают контракты на проведение различного рода работ с крупными американскими компаниями, такими как *IBM, Motorola, Microsoft, Boeing, Dell* и т.д. К сожалению, на таких работах на слишком разбогатеешь. Согласно отчетам различных американских организаций, занимающихся защитой прав человека, эти гиганты индустрии платят заключенным всего лишь 17 центов в час, что составляет примерно 20 долларов в месяц. И профсоюзы жалуются на недобросовестную конкуренцию. Так, одна из техасских компаний уволила 150 рабочих и заключила соглашение с частной тюрьмой *Lockhart Texas*. Оплата труда уволенных рабочих по сборке деталей обходилась компании в 12,85 доллара в час, тогда как заключенным они платят от 6 до 8 долларов в час «грязными». Выгода для компании, как говорится, налицо.

В Бельгии заключенные также могут заработать немного денег, выполняя разнообразные работы. Например, в тюрьме города Ганд они могут выполнять различного рода хозяйственные работы (ремонт помещений, стирка, работа на кухне) или трудиться в каких-либо областях промышленности (изготовление электрических кабелей, упаковка дезодорантов для туалетов и т.д.). Работать заключенные могут только добровольно, те, кто трудиться не желает, остаются в камере.

2. Извлечение прибыли за счет внимания, проявляемого к заключенным со стороны средств массовой информации

Криминальные автобиографии идут нарасхват. Многие известные бельгийские преступники уже заработали немалые деньги, опубликовав мемуары о своих похождениях.

Американский рэпер Лил Уэйн неплохо заработал на своих песнях. Во время своего заключения за незаконное ношение огнестрельного оружия он написал 23 песни, которые исполнялись различными певцами и за которые он получил приличные гонорары. Прямо из своей камеры он участвовал в концерте, организованном рэпером Jay-Z. Он также нередко участвовал в съемках, которые организовывала для него специальная передвижная студия. По оценкам журнала *Форбс*, ему удалось заработать таким образом 20 млн долларов.

3. Продажа наркотиков и незаконные поставки «виагры»

Осужденные используют и криминальные способы заработать деньги. Некоторые преступники продолжают свою криминальную деятельность прямо из тюремной камеры. Одни занимаются продажей наркотиков, другие – продажей оружия, третьи поставляют контрафактную «виагру»...

Но бывают и более изобретательные преступники. Так, например, группа заключенных в одной из гватемальских тюрем основала «Комитет порядка и дисциплины» и стала попросту руководить тюрьмой. Они заплатили охранникам тюрьмы их десятилетнее денежное содержание с условием, что те в течение десяти лет не будут заходить в тюрьму, а будут лишь охранять ее снаружи. В тюрьме «Комитет порядка и дисциплины» открыл рестораны, бары, бутики и даже лабораторию по производству кокаина. Руководитель бандитского комитета установил себе зарплату в размере 25 000 долларов в месяц.

Правда, все способы заработка, перечисленные в пункте 3, рано или поздно заканчиваются: заключенных либо убивают конкуренты, либо государство дает им новые сроки лишения свободы.

Франция: 48 часов в образцовой тюрьме Гавра

В апреле 2011 года в городе Гавре открылось современное пенитенциарное учреждение. Сегодня здесь содержится 418 человек, а до конца 2011 года их будет около 700.

Четверг, 14 октября. 9 часов 30 минут. «Пенитенциарный центр города Гавра» – написано на указателе, расположенном на шоссе 6015 сразу за коммуной Геннвиль. А через несколько метров становится видна серая сторожевая вышка, нависающая над зеленым холмом. Еще через

50 метров видим дорогу, с двух сторон обсаженную деревьями. На входе за зеркальным стеклом сидит сотрудник, который разговаривает через динамик. После прохода через специальное устройство безопасности посетитель оказывается перед внушительной дверью. Теперь нужно нажать на кнопку и подождать, пока другой сотрудник, также находящийся за зеркальным стеклом, откроет дверь с помощью компьютера. Через несколько секунд металлический лязг нарушает тишину: дверь разблокировалась. За эти несколько мгновений я успеваю заметить современное здание с белыми стенами. Немного дальше – множество решеток. А за ними, через 50 метров, находятся камеры.

10 часов 30 минут. Еще двери. Всего шесть. И без различий – будь то сотрудник учреждения или посетитель, система для всех одна: вам нужно ждать, чтобы надзиратель с помощью компьютера открыл дверь. На втором посту открывают двери уже надзиратели с центрального информационного поста (ЦИП). Весь день они сидят, уставившись на экраны. В общей сложности в учреждении установлено 250 камер видеонаблюдения. «Нужно быть бдительным и обладать хорошей реакцией», – говорит один из охранников, который вместе со своими коллегами в ЦИПе кроме всего прочего отвечает и за связки выдаваемых или сдаваемых другими надзирателями ключей. Здесь также производят выдачу или замену «уоки-токи», используемых «тюремщиками».

11 часов. Проходим одну дверь, вторую и попадаем на «круглую площадь». Отсюда есть много выходов: в следственный изолятор, в центр заключения или на футбольное поле. Чтобы избежать «дорог» – специальных веревок, с помощью которых заключенные могут передавать различные предметы из камеры в камеру, – на всех окнах имеются сетки и решетки. Третья дверь ведет в мастерские. В них примерно соток осужденных, разделенных на небольшие группы, работают все утро. Одни насыпают в пакеты сухое печенье, другие обучаются каменностроительным работам. Рабочих мест не хватает, поэтому «лист ожидания» полностью заполнен.

14 часов 30 минут. Жиль Капелло, директор тюрьмы, вместе со своим заместителем, ответственным за центр заключения, и надзирателем проводят заседание дисциплинарной комиссии. Трое мужчин заседают в зале, расположенном между дисциплинарным отделением (ДО) и отделением изоляции (ОИ). Именно в ДО, или, как его еще называют, «карцере», могут попасть двое заключенных, вызванных на комиссию. Один из них, стоящий сейчас перед директором и двумя членами комиссии, подозревается в том, что он написал письмо порнографического характера помощнице директора. Он все отрицает. Через какое-

то время директор просит его выйти и подождать решения комиссии за дверь. Члены комиссии в течение нескольких минут обсуждают ситуацию и решают перевести его в «одиночку» в ДО сроком на 7 суток, куда его сразу же и отводят. Второй заключенный входит в помещение с видом короля. Ему вменяется пять случаев нарушений, среди которых «оскорбление надзирателя» и «пронос в учреждение мобильного телефона и денег». Этому типу дают 8 дней «одиночки».

16 часов 30 минут. Направление – «больница»: отделение консультаций и амбулаторного лечения (ОКАЛ). Здесь заключенные становятся пациентами. Они приходят сюда, чтобы получить назначенное им лечение или проконсультироваться у медсестры или у врача. Ежедневно ОКАЛ посещают около 200 человек. Примерно половина из них получают то или иное лечение. Заведующий ОКАЛ раньше работал в старом следственном изоляторе Гавра. Да и вся медицинская бригада перешла сюда напрямиком из старого СИЗО. «В этом новом учреждении мы потеряли возможность общаться, мы очень редко видим наших коллег, но нужно просто привыкнуть», – объясняет заведующий ОКАЛ. Жан-Поль Шапю, помощник директора тюрьмы, подсчитывает: «Чтобы заключенный, находящийся на четвертом этаже тюрьмы, пришел в ОКАЛ, ему необходимо пройти через 14 дверей». Директор тюрьмы Жиль Капелло в свою очередь говорит о том, что тюрьма стала «дегуманизированной», «холодной, как огромный завод или огромная больница. Но мы постараемся изменить этот образ, развивая различные виды деятельности, в которые можно вовлечь заключенных».

19 часов. На втором этаже административного здания аттестованный сотрудник проводит переключку надзирателей, прибывших на ночное дежурство. Их двенадцать человек, разделенных на две группы. Первые шесть человек работают с 19 часов до 1 часа ночи. Затем, с часа ночи до 7 утра они состоят «в запасе», то есть привлекаются только в случае острой необходимости. Этим молодых надзирателей-стажеров, только что закончивших школу по подготовке пенитенциарных работников, используют поочередно на всех участках: на ЦИПе, на вышках, на обходах, при проверках заключенных, когда требуется заглядывать в «глазки», которыми снабжены все камеры.

19 часов 15 минут. Только что привезли нового заключенного. Его регистрируют в канцелярии тюрьмы. Сотрудник канцелярии выдает ему магнитную карту, на которой размещены фотография заключенного, его имя, фамилия и специальный номер. Затем заключенный кладет свою руку в особую машину, которая снимает его биометрические данные. Теперь всякий раз, когда он пойдет в комнату свиданий, его иден-

тичность будет проверяться с помощью взятых отпечатков. Затем в сопровождении надзирателей он идет в камеру, в отделение для «вновь прибывших», где он будет находиться в течение 8–10 дней. Именно в этом отделении он начнет отбывать свой срок, там же с ним будет беседовать советник по ресоциализации и пробации, осмотрит врач. В камере размером 13,5 кв. метров находится двухъярусная кровать, телевизор, душ и туалет. Надзиратели выдают ему пакет с бельем, полотенцем, туалетными принадлежностями. Заключенному также дают поднос с разогретой в микроволновке едой.

20 часов. Возвращаемся в ЦИП. В полночь здесь собираются надзиратели и два старших офицера, отвечающих за функционирование учреждения. «Ночью здесь обычно тихо», – говорит один из них. «И спокойнее, потому что нам не надо выводить заключенных из камер», – добавляет кто-то из его коллег. И в самом деле ключей от камер у надзирателей нет, да и открывать их им запрещено. В случае необходимости только старший надзиратель имеет право принять такое решение.

20 часов 30 минут. Два надзирателя отправляются на обход, предусматривающий наблюдение через «глазки». Они должны обойти все камеры учреждения и удостовериться, что заключенные находятся в зоне видимости. Иногда арестанты закрывают «глазки» с помощью куска бумаги или жевательной резинки. В этом случае охранники им командуют: «Уберите это, пожалуйста!» Обход заканчивается в дисциплинарном отделении. Этой ночью зафиксированы переговоры заключенных через окна. Это единственное нарушение за ночь, которую здесь считают очень спокойной.

21 час 30 минут. У двух надзирателей есть 30 минут, чтобы поужинать. Они идут в комнату отдыха. Затем они вновь отправляются делать обход, и к ним присоединяются другие надзиратели. На этот раз они проверяют заключенных, стоящих на особом учете: склонных к самоубийству или к побегам.

Пятница, 15 октября. 9 часов 30 минут. «Здесь всегда нужно посматривать на часы», – говорит надзиратель, закрепленный за комнатами свиданий. И действительно, все расписано по минутам: проход родственников через рамки безопасности, досмотр вещей, принесенных ими для заключенных, ожидание в зале перед комнатами свиданий. Заключенным предоставляется два или три свидания в неделю продолжительностью по 45 минут. Здесь же имеется 4 комнаты длительных свиданий (КДС). Длительные свидания предоставляются продолжительностью до 6, 24, 48 или 72 часов. Такие свидания предо-

ставляются только осужденным. Чтобы получить длительное свидание, осужденный должен обратиться с письменным заявлением. Это заявление будет рассмотрено специальной комиссией. Сегодня только одному заключенному предоставлено длительное свидание продолжительностью 24 часа. Надзиратель уходит, чтобы привести его из камеры, другой отправляется за родственниками, чтобы доставить их в КДС. «Такие свидания полезны, они позволяют сохранить семейные связи. Да и в КДС чувствуешь себя вроде как у себя дома», – рассказывает прибывшая на свидание жена заключенного. А он уже ожидает свою семью в КДС. DVD-диски, а также детские игрушки предоставляются учреждением. «В подобных случаях эти вещи играют положительную роль», – говорит один из надзирателей.

10 часов 30 минут. Идем в корпус, где размещается следственный изолятор. Здесь сидит много молодежи, в основном из Гавра и его пригородов. В офисе старшего надзирателя многочисленные следственно-арестованные и осужденные к коротким срокам заключения проходят один за другим, и у каждого своя проблема. Один из осужденных, который должен освободиться через несколько дней, попросил оформить трудовой договор. Другой хотел бы, чтобы ему сменили сокамерника. Он раньше сидел в старом СИЗО города Гавра. Здесь условия лучше, считает он. Еще один 20-летний осужденный тоже находится в отделении для освобождающихся. Он выйдет отсюда через 2 недели. Эти последние дни в заключении посвящены подготовке к освобождению. «Я пойду в лицей учиться на повара, это прямо рядом с моим домом. Я и не думал, что тюрьма поможет мне определиться с профессией», – доверительно говорит он. Он провел в тюрьме 8 месяцев и говорит, что скучать ему здесь не пришлось потому, что он много времени занимался спортом и различными видами предоставляемой заключенным деятельности. Он добавляет: «Я отдаю себе отчет в том, сколько горя я принес своим родным. Больше такого не повторится». Еще один, 19-летний, парень настроен не так оптимистично. Он постоянно конфликтует с надзирателями, потому что месяц назад он просил предоставить ему работу, но до сих пор этот вопрос не решен. А еще ему на две недели запретили заниматься спортом, потому что он оскорбил преподавателя.

15 часов 30 минут. Для заключенных из отделения для «вновь прибывших» сейчас должен начаться сеанс релаксации, который проводят работники пенитенциарной службы ресоциализации и пробации (ПСРП). Но в это время один заключенный, играющий в баскетбол, забросил мяч прямо на ограждение. Он залез на стену, пытаясь его до-

стать, и упал, сломал ногу. Сейчас должны прибыть сотрудники службы спасения, чтобы его забрать. Из-за этого происшествия сеанс релаксации отменяется.

США: пожизненное заключение для 12-летнего ребенка

Кристиан Мартинес, двенадцати лет от роду, обвиняется в убийстве своего сводного брата двух с половиной лет. Это произошло в Джексонвилле, во Флориде.

Поскольку прокуратуре и адвокатам не удалось достичь соглашения, Кристиана будут судить как взрослого. Если бы удалось достичь соглашения и он признал свою вину, то его просто направили бы в тюрьму для несовершеннолетних, откуда мальчик освобожден бы в тот день, когда ему исполнится 21 год.

Но адвокаты Кристиана заявили, что мальчик не признает себя виновным, утверждая, что он не совершал умышленного убийства.

Драма разыгралась 14 марта 2011 года. Как сообщает издание *Florida News Journal*, отслеживающее это дело, мать мальчика, уходя по делам, поручила ему следить за сводным братом Дэвидом. По непонятной причине Кристиан Мартинес ударил своего брата книжной полкой, отчего Дэвид впал в кому. Возвратившись домой, 24-летняя мать слишком поздно вызвала «скорую помощь». На следующее утро Дэвид скончался в больнице. Как сообщил телеканал *Fox News*, врач заявил следователям, что мальчика можно было спасти, если бы мать вызвала «скорую помощь» незамедлительно. Она, кстати, тоже арестована по обвинению в «жестокое обращение».

Семью этого мальчика постоянно преследуют беды. Мать Кристиана родила его еще несовершеннолетней. Его отец покончил с собой, а бабушка, назначенная его опекуной, сама села в тюрьму за наркотики. «Я испытываю жалость к Кристиану, – заявила *Fox News* прокурор Анжела Кори, – но моя работа состоит не в том, чтобы прощать. Моя работа заключается в соблюдении закона», – добавила она. Г-жа Кори также заявила, что во время судебного процесса она не будет требовать для мальчика пожизненного заключения. Тем не менее последнее слово останется за присяжными.

Йемен: 12 боевиков «Аль-Каиды» сбежали из тюрьмы

В общей сложности из Центральной тюрьмы, которая расположена в квартале Аль-Мансур, сбежали 12 заключенных. Как сообщил сотрудник службы безопасности, не пожелавший называть свое имя, им удалось прорыть подземный шестиметровый тоннель.

– Всего сбежало 12 членов «Аль-Каиды», – уточнил корреспонденту агентства Франс Пресс этот анонимный источник. Часть сбежавших находилась в заключении за вооруженный налет на один из аденских банков, который был совершен в 2009 году, другие были осуждены за убийства офицеров службы безопасности в йеменской столице.

Это не первый побег боевиков «Аль-Каиды» из тюрем страны. 22 июня 2011 года 60 заключенных, связанных с «Аль-Каидой», совершили побег из тюрьмы города Мукалла, расположенной на юго-востоке страны. Они напали на охранников и убили одного из них. Тот коллективный побег стал возможен после того, как террористическая сеть «Аль-Каиды» расширила свое влияние на юге Йемена, что повлекло за собой ослабление центральной власти и дестабилизацию обстановки.

Недавно в Йемене пришло к власти правительство национального согласия. Оно намерено управлять страной, в которой армия разобщена, «Аль-Каида» проникла во все сферы, а экономика находится на грани краха после более чем десяти месяцев, в течение которых проходили акции протеста против президента Али Абдаллы Салеха.

Справка

Пенитенциарная система Йемена

В пенитенциарных учреждениях, точное количество которых неизвестно, по состоянию на конец 2009 года содержалось **11 313** заключенных, в том числе: подследственных – **53,5%**, женщин – **1,6%**, несовершеннолетних – **1,4%**, иностранцев – **3,5%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **48** человек. **Высшая мера наказания** – смертная казнь. **Условия содержания** в тюрьмах очень тяжелые. Нередки случаи, когда заключенный, отбыв срок, не может выйти на свободу, пока его родственники не заплатят выкуп охране.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **Центральная тюрьма** (Сана). Об этой тюрьме в мире узнали, когда в феврале 2006 года из нее сбежали 23 члена организации «Аль-Каида». Среди бежавших были Насир Ахмед аль-Бахри и Фавзи аль-Ваджех, бывшие телохранители Осамы бен Ладена. Восемь беглецов позднее сдались властям.

Из доклада **Международной амнистии-2011** «Права человека в современном мире»: «Продолжали поступать сообщения о пытках и других видах жестокого обращения со стороны полиции и тюремной охраны (в частности сотрудников госбезопасности) в первые несколько недель задержания. Чаще всего упоминались такие методы, как избивание палками, прикладами, ногами, а также длительное подвешивание за запястья.

Порка кнутом по-прежнему применялась в качестве наказания за употребление алкоголя и преступления сексуального характера.

Не менее 27 человек приговорили к смерти и как минимум 53 казнили. Насколько известно, сотни людей ожидали приведения смертного приговора в исполнение».

Италия: Папа Римский встретился с заключенными

Папа Бенедикт XVI 18 декабря 2011 года помолился в римской тюрьме Реббиа за итальянских заключенных, за их успешную реабилитацию. Он также сказал, что не желает, чтобы заключенные «несли двойное наказание», учитывая унижительные условия, в которых они отбывают свои сроки. Власти Рима предпринимают усилия, чтобы решить проблему переполненности тюрем.

Во время своего визита в новый комплекс центра заключения, расположенного в северном предместье столицы Италии, папа имел долгую и очень эмоциональную встречу с 300 заключенными. Всего в этом комплексе содержится 1750 человек.

С самого начала папу сопровождали приветственные крики, раздававшиеся из всех камер. Затем он прошел в тюремную часовню, где медленно проследовал среди толпы мужчин всех возрастов и национальностей, обмениваясь со всеми ими рукопожатиями.

Один из заключенных показал ему фотографию своей только что родившейся дочери, с которой ему пока не удалось увидеться. «Она очаровательна, – сказал понтифик. – Я надеюсь, что вскоре вы сможете обнять ее».

Заключенные приготовили папе различные подарки, один из которых – немного наивная картина, изображающая окно с решетками, на котором сидит голубь, а рядом лежит кусок штруделя – это немецкое лакомство любит Бенедикт XVI, родившийся в Баварии. Поблагодарив заключенных за дружеское к нему отношение, Папа Римский ответил на вопросы шести заключенных, в которых сквозило личное страдание: маргинализация, разлука с семьями, просьбы о прощении грехов обществом и Богом.

Этот визит в тюрьму Реббиа, ставшей известной после встречи папы Иоанна-Павла II с турком Межметом Али Агджой, совершившим на него покушение, стал вторым посещением итальянских тюрем Бенедиктом XVI.

– Бог вас любит бесконечной любовью. Христос тоже побывал в тюрьме, – сказал папа. – Но мой визит – это также и публичное мероприятие, которое имеет целью напомнить гражданам и правителям,

что в тюрьмах имеется множество проблем. Тюрьмы предназначены восстанавливать человеческое достоинство, а не способствовать деградации личности, – подчеркнул понтифик.

Бенедикт XVI осудил «переполненность» итальянских тюрем, в которых в заключении находится 68 000 человек при наличии лишь 44 400 мест. Он выразил признательность новому правительству Марио Монти, которое объявило, что предпримет ряд мер, чтобы улучшить ситуацию. Папа обратил внимание властей, что заключенные «не должны нести двойное наказание» из-за плохих условий.

Итальянское правительство недавно одобрило меры, которые позволят освободить примерно 3300 человек, осужденных за незначительные преступления. Власти также намерены внести изменения в законодательство, чтобы предотвратить длительное нахождение под стражей несовершеннолетних в период предварительного следствия.

Приветствуя папу, министр юстиции Италии Паола Северино заявила, что «предварительное заключение должно быть исключительной мерой». В это время сотни заключенных кричали из своих камер: «Амнистия!»

Франция: несовершеннолетних – под надзор военных

Депутаты приняли закон, согласно которому несовершеннолетние правонарушители старше 16 лет начиная с февраля 2012 года, вместо тюремного заключения смогут исполнять «гражданскую повинность» в одном из государственных реабилитационных учреждений Министерства обороны (ГРУМО). Продолжительность такого наказания составляет от 6 до 12 месяцев.

Надзор за несовершеннолетними преступниками будут осуществлять военные. Парламент Франции окончательно принял закон о военном типе надзора за несовершеннолетними правонарушителями. Опробован этот закон будет уже в феврале 2012 года. Оппозиция сразу же охарактеризовала его как «бесполезный».

Министр юстиции Франции Мишель Мерсье заявил, что этот закон, наконец-то принятый парламентом, позволит «расширить спектр возможных реакций государства на правонарушения несовершеннолетних» и даст новое средство в «борьбе против рецидива».

По словам г-на Мерсье, направление несовершеннолетних в 12 специальных центров, функционирующих при ГРУМО, начнется уже в феврале 2012 года, а до конца июня планируется подключение к этой работе еще трех учреждений Министерства обороны. Средняя продолжительность нахождения несовершеннолетних под надзором военных,

со слов министра, составит 10 месяцев. Он также пообещал выделение дополнительных средств для ГРУМО.

Кстати, государственные реабилитационные учреждения Министерства обороны с 2005 года осуществляют подобный надзор за взрослыми правонарушителями в рамках программы «Защита – второй шанс».

Сами военные к этому закону относятся скорее отрицательно. Свидетельство тому – отказ парламентской Комиссии по обороне поддержать его во время обсуждения. Но Эрик Сьотти уверяет, что государственные реабилитационные учреждения Министерства обороны считают этот закон очень позитивным. А якобы имеющееся некое противостояние – это происки «левых».

Этот закон, считает Эрик Сьотти, позволит несовершеннолетним покинуть «порочный круг правонарушений» и вернуться в «добродетельный круг общественной жизни».

По мнению депутата Марка Долеза (Партия левых), этот «рекламный» закон, «...надцатый по счету», является одновременно «и опасным, и бесполезным». А Мариэтта Караманли (Социалистическая партия) заявила, что закон не решит никаких проблем и является не более чем «показушным».

Сенат, в котором большинство принадлежит «левым», ранее отклонил этот закон, но Национальная ассамблея, за которой остается последнее слово, его приняла. Профсоюзы также выступали против этого закона.

Текст закона также предусматривает реформу системы ювенальной юстиции, одобренную недавно решением Конституционного совета.

Куба: беспрецедентная амнистия

Как сообщило агентство Reuters, кубинское правительство объявило об освобождении 2900 заключенных, многие из которых осуждены за «преступления против государственной безопасности».

Эта амнистия проводится в ожидании визита на Кубу Папы Римского Бенедикта XVI, который прибудет на «остров свободы» весной 2012 года.

Вместе с тем, как сообщает Reuters со ссылкой на официального представителя кубинского правительства, американец Алан Гросс, отбывающий 15-летнее тюремное заключение за нелегальную установку Интернета, которую он проводил в рамках секретной программы США, не будет освобожден.

Решение Государственного совета об объявлении амнистии принято, учитывая не только предстоящий визит папы Бенедикта XVI, но и

просьбы кубинского католического духовенства и семей заключенных. Об этом в своей краткой речи перед Национальной ассамблеей (парламентом) Кубы заявил президент Рауль Кастро.

Этот акт, по его словам, демонстрирует «великодушие и силу» кубинской революции.

Официальный представитель правительства подчеркнул, что лица, которые отбывают сроки заключения за преступления против «государственной безопасности», а теперь будут освобождены, не были осуждены по политическим мотивам.

Как уточнили во властных структурах, амнистия будет распространяться на тех заключенных, кому исполнилось 60 лет и более, на больных, на женщин, а также на некоторых молодых мужчин, осужденных в период, когда они еще не достигли совершеннолетия.

Рауль Кастро также уточнил, что среди амнистируемых – 86 иностранцев из 25 стран. Но он также подчеркнул, что заключенные-иностранцы будут освобождены только в том случае, если государства, гражданами которых они являются, согласятся их принять.

Американское правительство отказалось комментировать как саму эту инициативу кубинских властей, так и отказ амнистировать Алана Гросса.

В Вашингтоне утверждают, что Алан Гросс не является и не являлся американским агентом. Он просто по своей инициативе помогал в подключении к Интернету ряду еврейских организаций. В Вашингтоне подчеркивают, что власти США неоднократно требовали освободить Алана Гросса.

Как считает председатель Комиссии Кубы по правам человека Элизардо Санчес, решение властей о проведении столь масштабной амнистии свидетельствует о том, что власти Кубы прислушиваются к мнению общества.

– Это беспрецедентная акция со стороны правительства, направленная на улучшение своего международного имиджа, – подчеркнул Элизардо Санчес.

В 2010 году кубинские власти в результате переговоров с католической церковью уже освободили более 100 политзаключенных.

Бенедикт XVI ранее подтвердил свое намерение посетить с официальным визитом Кубу и Мексику до 8 апреля, праздника Пасхи.

Это будет уже второй визит главы католической церкви на Кубу. Первый совершил покойный папа Иоанн-Павел II в 1998 году.

Во время визита Иоанна-Павла II кубинские власти также освободили около 300 человек, среди которых 101 заключенный считался

политическим. Куба и ранее периодически проводила небольшие амнистии, идя навстречу просьбам ряда западных политиков. Так, например, в 1978 году бывший тогда у власти Фидель Кастро освободил 3600 политзаключенных.

Справка:

Пенитенциарная система Кубы

Точных данных ни о количестве тюрем, ни о численности заключенных нет. Эти данные на «острове свободы» относятся к категории, имеющей гриф «совершенно секретно».

По мнению Госдепартамента США, на Кубе функционируют от **545 до 582** тюрем, а численность заключенных в 2010 году составляла до **80 000** человек. Высшая мера наказания – **смертная казнь**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – примерно **500** человек. Условия содержания традиционно характеризуются международными правозащитными организациями как очень тяжелые.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **тюрьма города Бониато** (провинция Сантьяго-де-Куба). Открыта в 1945 году. Не оснащена ни канализацией, ни водостоком – в сезон дождей камеры заливаются водой. Как вспоминает бывший заключенный, поэт Мануэль Васкес Портал, камеры похожи на армейский сортир или свинарник. Самый известный заключенный – осужденный на 15 лет в 1953 году за участие в штурме армейских казарм Монкадо – Фидель Кастро Рус. В 1956 году он был выпущен по амнистии. Придя к власти, Кастро продолжил традицию отправлять сюда противников правящего режима.

Из доклада **Международной амнистии-2011** «Права человека в современном мире»: «В течение года вышли на свободу 43 узника совести. По-прежнему ограничивались права на свободу выражения мнений, объединений и собраний. Многие критики однопартийного правительства подвергались притеснениям.

Диссидентов, как и прежде, произвольно задерживали, чтобы лишить их возможности пользоваться правами на свободу выражения мнений, объединений и собраний.

К концу года в камерах смертников не осталось ни одного заключенного».

Гуантанамо

В январе исполнилось 10 лет с момента открытия на Кубе печально известной тюрьмы Гуантанамо, расположенной на одноименной американской военной базе. Поначалу заключенные здесь содержа-

лись в клетках, расположенных под открытым небом, теперь условия содержания немного улучшились. Здесь в условиях жесткого дисциплинарного режима и в полной изоляции содержится 171 человек.

Эта тюрьма была открыта спустя четыре месяца после террористических актов 11 сентября. Она расположена таким образом, что остается практически невидимой из любого близлежащего населенного пункта.

Все заключенные подозреваются в терроризме. В свое время администрация президента Буша охарактеризовала их как «худших из самых худших».

Внутри тюрьмы находятся тесные камеры и комнаты для допросов, во время которых, по свидетельству многочисленных отчетов, заключенные подвергались пыткам и иному жестокому обращению.

Пятнадцать заключенных, относящихся к категории «самых важных», содержатся отдельно от других в лагере № 7. Среди них несколько человек, обвиняемых в подготовке терактов 11 сентября. Но в Гуантанамо никто никогда не рассказывает о лагере № 7: туда не имеют доступа даже адвокаты.

Большинство из 171 заключенных, находящихся здесь, не только не было осуждено, но им даже не были официально предъявлены обвинения. Впрочем, 89 человек, по мнению военных властей, могут быть со временем освобождены.

Некоторые из заключенных имеют доступ к телевидению (21 канал принимается через спутниковую антенну), к радио (принимается 14 радиостанций) и к газетам. Они, как рассказывает один местный полковник, «более свободны», то есть «могут входить и выходить из камер, бывать на прогулках вместе со своими единоверцами, вместе питаться и молиться».

Но если они нарушают правила внутреннего распорядка, их отправляют в расположенный по соседству лагерь № 5, где они обязаны носить знаменитый оранжевый комбинезон, предназначенный для дисциплинарных изоляторов. В лагере № 5 заключенные находятся в тесных камерах в полном одиночестве, и лишь на 2 часа в день выводятся на прогулку.

– Лагерь № 5 – это очень сурово, – вспоминает Сабер Ламар, алжирец, освобожденный из Гуантанамо в 2009 году. – Ты не ходишь, не двигаешься, ни с кем не разговариваешь – все это запрещено, – рассказывает он, добавляя, что в этом лагере лишают сна, неоновый свет горит «24 часа из 24», а из кондиционеров подается ледяной воздух.

В специальном блоке лагеря № 5, который здесь называют «Five Echo», условия заключения, по словам Дэвида Ремеса, являющегося адвокатом и представляющего интересы 17 заключенных, 14 из которых граждане Йемена, еще более «катастрофичны».

– Не знаю, что нужно сделать, чтобы тебе разрешили помолиться, не знаю, что нужно сделать, чтобы тебе разрешили сходить в туалет, – рассказывает Дэвид Ремес. – Условия заключения почти такие же, как были в самом начале, при открытии тюрьмы, когда грубость и садизм охранников стали ежедневной практикой.

Адвокат жалуется, что заключенные, попав в Гуантанамо, как бы проваливаются в «черную дыру» – ни обвинения, ни судебного разбирательства.

И хотя самые жестокие методы допроса здесь уже не используются, но остаются голодовки, указывает Энди, автор «Досье из Гуантанамо», книги подлинных историй 774 заключенных этой противозаконной американской тюрьмы.

Историческая справка

11 января 2002 года первые арестованные в результате «войны с терроризмом» прибыли в центр заключения Гуантанамо-Бэй, расположенный на Кубе. До этого времени американская база Гуантанамо никогда не служила в качестве центра заключения.

Американские власти купили этот участок земли, находящийся на юго-востоке Кубы, в 1903 году и основали здесь стратегическую и материально-техническую базу для своих вооруженных сил. Кроме того, база имела важное значение для проведения операций против наркоторговли в Карибском бассейне. В 90-х годах прошлого века на базе также содержалось 34 000 гаитянских беженцев, спасшихся от диктаторского режима Дювалье.

В январе 2009 года Барак Обама подписал три декрета, которые предусматривали закрытие центра заключения в Гуантанамо-Бэй в течение года, но этот его приказ остался неисполненным.

В настоящее время американская администрация не предусматривает закрытие тюрьмы, имеющей столь печальную репутацию.

*Составили и перевели
Александр Пархоменко, Владислав Кривошеев*

Макс Махмаг

Звонок

Пятидесятилетию выхода в свет
«Одного дня Ивана Денисовича»
А.И. Солженицына посвящается

Главное – удержаться на воле полгода, потом уже легче – так говорил мне опытный зэк с погонялом Синий. Он мог давать в этом деле советы, ибо за сорок пять лет прожитой жизни Синий уже совершил пять ходок, причем начал тюремную жизнь еще малолеткой и отсидел в общей сложности двадцать два года. Все его тело было расписано тюремной живописью, может, потому у него и было такое погоняло. Родные давно позабыли о нем. У Синего не было ни семьи, ни угла для ночлега, ни прописки в паспорте. Про таких в тюрьме говорят: ни родины, ни флага.

Синий пришел на зону после перережимки января 1997 года, когда вступил в силу новый УК. Тогда тысячи алиментщиков и других легко статейников ушли на волю, а на их место к нам – первоходам общего режима – заехали строгачи и особисты. И если до этого на общем режиме понятия больше походили на те, что сложились на малолетках, то после перережимки они стали более человечными по сути, ибо выдавшие виды строгачи сразу же мягко поставили все по своим местам. Жить на зонах стало легче. Особенно на режимных, к которым, к сожалению, относилась и наша зона.

Я сидел с Синим и еще четверьмя бедолагами в одной из сорока двух камер ШИЗО-ПКТ¹ зоны общего режима. Завтра для меня прозвонит звонок, то есть я освобождаюсь по сроку приговора. Ночью мы

¹ СИЗО – следственный изолятор, ШИЗО – штрафной изолятор, ПКТ – помещение камерного типа.

отметили это, запарив чифир, что подогнали нам в честь такого события по дороге с соседней хаты. На подъем чифира ушло мое старое полотенце и пара драных полиэтиленовых пакетов. Синий умело смотал из всего этого дрова. Так как спичек ни у нас, ни в соседних хатах уже давно не водилось, то Синий намазал кусок матрасной ваты мылом и кинул на лысого, то есть на единственную, слабо освещавшую и днем и ночью нашу жизнь шестидесятиваттную лампочку в зарешеченном проеме над дверью. Когда вата задымила, Синий раздул огонь, поджег дрова и без лишних движений вскипятил в литровом кругале воду, дальновидно обмазав кругаль зубной пастой, чтобы не въелась копоть и менты не наказали дежурного по камере за огонь в хате. Бросив в кипяток чай, он еще раз вскипятил содержимое до появления темно-оранжевой пены – мечты чифириста. Дав заварке осесть, Синий перелил чифир в другой кругаль, а нифеля по-хозяйски оставил на утро, чтобы до завтрака запарить на остатках дров купчик из вторяков.

Каждый из сокамерников, сказав мне свое напутствие, делал пару глотков горьковато-терпкого ароматного чифира и передавал кругаль другому. («Ну ты, Синий, и “змея” запарил!») Отходной бал был также украшен тройкой карамельных конфет и четырьмя сигаретами моршанской «Примы», которую на зонах почему-то называли «Смерть чабана». Впрочем, все эти ништяки были не для меня, ибо я был некурящим (это делало меня белой вороной в экзотической среде), ну а глюкозу пусть потребляют те, кому еще париться в этом БУРе²: завтра я нажрусь вольнячих конфет так, что все дыры в теле слипнутся. В общем, все было нормально – как у людей.

Всю ночь мандраж неопределенности, усиленный бодряком от чифира, не давал мне спать. За три года, что я проплавал в СИЗО, на этапе, на зоне, в ШИЗО и ПКТ, многое изменилось на воле. У меня уже не было «ни родины, ни флага»: жена оформила развод и, продав квартиру, уехала в неизвестном для меня направлении.

За несколько дней до освобождения опера осчастливили меня известием, что на волю я выйду с годовым надзором и с предписанием встать на учет по месту жительства в трехдневный срок. Но в том-то и было дело, что место жительства мое было неопределенное. И хотя проездные документы мне сделали по адресу жительства, но в реальности этого места у меня уже не было. Это смущало и пугало новым сроком. Об этом не хотелось думать хотя бы сейчас – накануне освобождения.

---

² БУР – барак усиленного режима, старое название ШИЗО.

К утру Синий собрал все малявы, что подогнали нам ночью по дорогам со всего ШИЗО-ПКТ, и спрессовал из них «торпеду», запаяв ее в кусок полиэтилена. Эту «торпеду» я должен был вынести внутри себя на волю, а там разослать малявы по адресам. Стремного в этом ничего не было, это был святой арестантский долг. Самое главное – чтобы «торпеда» не вывалилась при шмоне. Но сегодня заступал нормальный ДПНК³. Время было уже холодное – конец осени, поэтому я надеялся, что этот наряд если и разденет при шмоне догола, то много присесть не заставит.

После подъема, как обычно, свернули матрасы с постельным бельем, вынесли их на продол и пристегнули шконки к стене: 5.00 – день начался. Свой усиленный матрас с фильдеперсовыми простынями и наволочкой я еще месяц назад обещнул одному, недавно заехавшему на зону с местного СИЗО братану. Поэтому я сказал завхозу, чтобы он обменял мои постельные принадлежности на постель братана, у которого матрас был тощим, как гончий велосипед, а края его грязного одеяла и серых казенных простыней давно ушли на подъем чифира или на другие бытовые нужды. Также я предупредил завхоза, чтоб не вздумал подменить мои простыни на другие и чтоб вытащил из каптерки мой сидор с вещами, ибо мы сегодня из данной грязелечебницы убываем.

– Мыться-то будешь? – участливо спросил меня через дверь дежурящий на продоле попкарь, предоставляя мне свободу выбора.

– И бриться тоже, – решительно заявил я, обрадовавшись.

– Тогда давай по шурику, а то скоро проверка. Мыло-то есть? – спросил попкарь, не подозревая, в какой капкан он влезает, задавая этот, казалось бы, порожняковый вопрос.

– Откуда же такая радость у простого крытника: свиданки нам не положены, посылка – раз в полгода, даже в ларек отовариться на свои кровные и то не допускаете. Дайте хоть перед освобождением помыться, как положено, – если уж не с шампунем, то хотя б с приличным мылом. Иначе люди на воле не так поймут. Увидят они меня зачуханного – и что же они подумают об администрации данной краснознаменной зоны? – толкнул я речь, прекрасно понимая, что лишнее мыло в хате не помеха.

– Хорош качать! – прервал меня попкарь. – На суде нужно было такие слезоточивые речи толкать, может, меньше б дали. Завхоз! Дай этому мыло и бритвенный станок.

– Так воды же нету, – заявил завхоз, пытаюсь оставить меня без положнякового помыва, а хату без уже обещанного куска мыла.

– В смысле? – крикнули мы с попкарем одновременно.

– В смысле – только холодная. Сегодня не банный день, – пояснил завхоз. – Не будут же из-за тебя одного котел включать. Так что дрончить не очень-то приятно будет, хоть даже и с мылом, – пытался шуткою замаять дело завхоз.

– Ну, ты как? Под холодной будешь купаться? – ударил попкарь в дверь хаты дубинкой.

– Ну что же мне с вами, непутевыми, делать? Ладно, отмоюсь от грехов под холодной. Только мойку новую дай, а то ведь не побреет нормально.

– Подточишь и будет лучше новой, – развеселился попкарь такому разрешению вопроса о моей помывке.

К проверке я все успел и сиял как новые 5 копеек. Мы поужинали и испили запаренный Синим «купчик из вторяков», так что настроение было праздничным. Мне даже не верилось, что сегодня я уже буду на воле, где не нужно будет прислушиваться к шорохам на продоле, где я сам буду определять свой распорядок дня, рацион питания и форму одежды. А главное – я наконец-то дорвусь до долгожданного женского тела.

Опротивевший крик «К проверке приготовились!», клацанье замков и скрип внешних дверей камер. Стандартные доклады дежурных по хате, стандартные вопросы заступающего на дежурство ДПНК, грохот захлопывающихся дверей и скрежет запираемых замков. Все шло как обычно – согласно распорядку дня и режиму содержания.

– Ну што... – назвал меня ДПНК по фамилии, – к освобожденью готов?

– Я к нему готов с момента ареста, – подхватил я шутливый тон ДПНК, прекрасно осознавая, что именно его смена будет шмонать меня перед «выпиской».

– Ну в арест ты еще не созрел, – продолжал шутковать ДПНК, – а сёдня в самый раз. А? Сам-то как считаешь? – захохотал ДПНК и обернулся к попкарям своего наряда. Те, подшакаливая, дружно заулыбались и закивали своему старшому.

– Ну ладно, сдавай вещи и получай свои у завхоза, – подытожил ДПНК и пошел к другим камерам ПКТ.

Сердце в груди запрыгало и заняло, я прощался с сокамерниками, глядяваясь в их лица и стараясь их лучше запомнить. Все желали удачи и больше не попадаться. Все улыбались, завидуя мне и не скрывая этого.

Клацанье ключей, скрип массивной внешней и дребезжание внутренней решеточной дверей оглушили и ввергли в какое-то заторможенное состояние. Я был как выброшенная на берег рыба: к этой новой среде обитания я еще не привык. Я получил у завхоза свои вещи, даже не проверяя их. Расписался в непонятных для меня бумагах. В последний раз я услышал клацанье и скрип железных дверей ПКТ, и ДПНК повел меня к вахте.

Свежий холодный воздух пьянил и наполнял меня энергией. Ноздри жадно ловили все запахи «свежака», а глаза цепко выхватывали из окружающего пейзажа давно не виданные очертания деревьев, домов и облаков на небе. ДПНК что-то весело говорил мне. Я ничего не понимал, но все равно улыбался, поддакивал и кивал.

В этот день со мной вместе освобождались еще двое с зоны. Они уже стояли у вахты в спортивных костюмах и вольнячих туфлях, без фесок и личных карточек на груди. Вещей у них почти не было. Местные – понял я по их легкой экипировке и оторвал от своего фуфана личную карточку, где было мое фото времен заезда на зону. Фото я хотел сохранить для памяти, потому сунул карточку в левый рукав – для надежности.

ДПНК вышел из вахты с тремя большими конвертами коричневого цвета и зачитал написанные на них наши фамилии. Мы, как в тумане, отвечали по привычке именем, отчеством, статьей и сроком. Просмотрев наши документы, ДПНК повел нас на КПП⁴ и неожиданно легко вывел из зоны. Как ни странно, шмона не было вообще. Это насторожило и озадачило. Мы стояли, озираясь по сторонам, и ждали, что скажет нам ДПНК. Привыкнув за эти годы жить строго по распорядку и командам, мы не знали, что делать далее.

Указав нам на здание администрации, ДПНК передал наши документы какой-то женщине в гражданском и сказал:

– Идите за этой женщиной, она вам все пояснит. Ну, хлопцы, больше ни нарушайте. Частливо.

Женщина привела нас в здание администрации УИН⁵. В холле стояли и ждали кого-то человек пять. Оказалось – все они встречают одного. Другого, как, впрочем, и меня, никто не встречал. Мать с сестрой и тремя мужиками облепили долгожданного. Они радостно обнимали и целовали его, как космонавта или олимпийского чемпиона. Мать плакала, сестра смеялась, а парни радостно улыбались и шутили в пред-

⁴ КПП – контрольно-пропускной пункт.

⁵ УИН – учреждение исполнения наказания.

вкушении предстоящей обмывки данного события. Мы с другим экс-зэком стояли у окна, как нищие родственники на свадьбе, и молча оглядывали непривычный для нас вольный мир. Я чувствовал, что я еще чужой в нем. «Главное – продержись на воле полгода, а там привыкнешь», – звучал в памяти хриловатый («7-й туб. учет») голос Синего.

– Получите документы, – услышали мы голос женщины из нутра одного из многочисленных кабинетов. Она выкрикивала фамилию, каждый из нас входил, расписывался и получал справку об освобождении. На справке было приклеено «пропечатанное» фото в робе и указывались статья, срок, время начала и время окончания срока, а также место, куда мы освобождались. На моей справке помимо этого еще был синий штамп «Объявлен надзор».

– К сожалению, денег в кассе нет. Во вторник обещают. Ждать будете? – ошастливила нас женщина, внимательно глядя нам в глаза. Того, кого встречали, этот вопрос уже не интересовал: заботливая родня обеспечит его и проездом, и жильем, и деньгами. Поэтому они сразу радостно ушли, делая вид, что и не слышали, о чем их спросили. Нам же никто не встречал и обеспечивать также не собирался. Более того, я был в робе, фуфане и феске и ехать в таком виде в родной город не собирался. Могли не так понять.

– Пока «бабок» не будет, я буду ночевать здесь, – нагло заявил я. – В вашем холле много шикарнее, чем было там, где я сидел, – пояснил я, сверля твердым взглядом внимательные глаза женщины. – А жрать я буду ходить в зону. Можете об этом сообщить «хозяину», Геннадию Яковлевичу, лично.

– А я что могу сделать? У нас зарплату уже полгода не выдают, – пыталась оправдаться женщина, нервно перебирая бумаги на столе.

Освобождающийся со мною экс-зэк мялся на месте и молчал, не зная, чью сторону принять. Таких тихонь я перевидал много: в зонах их подавляющее большинство. Подавляющее – в прямом, без кавычек, смысле. В любых напряжениях с администрацией они всегда молчат и ждут, что кто-то будет «качать права», получать ШИЗО, ПКТ или просто «применение спецсредств», а они останутся сторонними наблюдателями. Но если в результате базара администрация все же шла на какие-то уступки, то такие тихони больше всех бахвалились друг перед другом – «как мы добились послабухи». Мой коллега был явно не боец, он был простой похуист. Что ж, может, он и прав, ибо в таком состоянии легче тянуть срок. Да и жить вообще так легче везде.

– А где здесь склад ЧИЗ? Мне вещи мои полагаются? – спросил я у женщины, чтобы не усугублять скандал.

Получив подробное объяснение, я пошел искать склад, где по идее должны были храниться мои вольные вещи, то, в чем я заехал на зону с этапа и сдал на хранение под квитанцию.

Складом командовал подвижный пожилой мужик с дефектом левого глаза: он у него почему-то полностью не раскрывался. Однако этот дефект мужика мало смущал и через пару минут общения уже даже и не замечался.

– Фамилия-то как? – спросил он меня, роясь в куче бумаг на столе. – А другие двое где? – спросил он, найдя нужную бумагу. – Трое ведь сегодня? А?

– Ты меня одного сначала одень, другие за себя сами ответят, – осадил я его, твердо глядя в его полураскрытый глаз. – Прямо по списку и пойдем, – заявил я, вытаскивая из сидора затертую на сгибах бумажку – квитанцию о сданных на хранение вещах.

«Складной» с удивлением остановил свой полуторный взгляд на моей квитанции, ибо мало кто из эзков, оглушенных своим сроком, а также беспределом на карантине, сохраняет эту квитанцию до освобождения. На зоне негласный закон таков – если твой срок заканчивается на мягкий знак (пять, шесть и более лет), то о сданных вещах можешь сразу забыть, ибо они за это время распадаются в ветошь. Кроме того, большинство первоходов общего режима имеет на воле заботливую родню, которая ко времени освобождения присылает им новые вещи. Поэтому о старых, несколько лет назад сданных на хранение вещах такие эзки даже и не вспоминают. У меня же таких кучерявых родственников не имелось: меня никто не встречал, денег и других вещей у меня не было, не было даже перспективы получить их откуда-либо. И опытный полутораглазый «складной» это сразу узрел.

– Не надо списка, – заулыбался завскладом, прекрасно понимая, что все мои сданные на хранение вещи давно «ушли по борозде»: либо их забрали себе попкари, либо другие, приближенные к складу люди, либо в них одели кого-либо из освобождающихся, либо их вообще уже невозможно было найти на этом огромном кладбище тряпья и старой обуви.

– Тебе нужно одеться? Оденем как в лучших домах. Нешто мы не люди? Сам вижу твое положение и всегда помогал таким, как ты. Даже не сомневайся. Пошли со мной, – решительно заявил «складной», и я почему-то сразу понял, что он не обманет, мне даже стало неловко за «предъяву квитухи».

Мы прошли на склад. Везде валялись разноцветные рубашки, одеяла, свитера и пиджаки, то есть все то, что не соответствует установленной форме одежды и что не разрешают носить на зоне. Пыльный,

спертый воздух и вид этих сваленных грудями не стиранных годами вещей навевал тошноту и тоску. Но нужно было приодеться. И желательно попримечнее: все же праздник – как-никак «звонок». Не каждый день такая радость случается. Потому и прикид нужно было бы подобрать нехилый.

«Складной» опытными уверенными движениями выхватил из разных куч барахла бордово-синий свитер, темно-зеленые брюки и плащевую светло-коричневую куртку под мой нынешний, существенно постройневший размер и убедил меня в том, что все это «как по мне сшито» и мне «не только идет, но даже и “едет”». Узнав, что ехать мне далеко и что я реально бомж, он сочувственно презентовал мне коричневую кепку: «Уже прохладно, а волосы-то у тебя еще не отросли», а также почти новую вольнячую дерматиновую сумку на молниях и байковое ярко-зеленое одеяло, также «почти новое».

– Видать, не один зэк под ним копыта-то откинул, – пытался я пошутить.

– Да ты шо! Это ж нулевка! Еще даже муха на нем не еблась! – расхваливал он одеяло. – Постираешь – оно распушится и примет вид.

Но стирать было негде, а сушить некогда. Тут же переодевшись, я оставил в общей куче на полу свои зоновские вещи и самопальный, мною сшитый из мешка, мой верный сидор. Вещи из сидора и свою личную карточку я аккуратно переложил в подаренную сумку, еще не привыкнув к роли ее владельца. Далее, узнав, где туалет, и плотно там закрывшись, я извлек из себя «торпеду» с малявами. Опасаясь предстоящего шмона, я надорвал подкладку куртки и, вскрыв «торпеду», растасовал все малявы по краям. Умывшись и смочив руки, я протер на себе от пыли и грязи свой новый наряд и сумку. Тщательно осмотрев себя, я остался вполне удовлетворенным и собою, и полутораглазым «складным», и даже администрацией данной зоны.

В контору я вернулся в новом виде, неся на плече подаренную сумку с молниями. Мой напарник уважительно подошел ко мне и радостно прошептал:

– Обещали к концу дня кое-какие бабки достать. Тебе-то далеко ехать?

Узнав, что далеко, сказал:

– А я местный, с этой области. Мне бы только на билет, на автобус. Было бы лето, пешком бы пошел или на попутках добрался бы, – говорил он, улыбаясь и как бы оправдываясь.

– Какая разница – зима или лето? – нарочито громко сказал я. – Положены нам бабки, пусть выдают. Чем ментам оставлять, лучше пропить.

Тут из кабинета выкрикнули мою фамилию. Я зашел.

– Ты там особо не шуми, – сказала мне женщина, что выдавала документы. – Я таких блатных каждый день вижу. Достанем деньги – дадим, не достанем – пожалуйста, ждите и ночуйте в зоне. Согласен? – спросила она, прекрасно зная ответ.

Она понимала, что даже если мы не получим денег, то все равно к вечеру нас здесь не будет. Слишком долго мы сидели в этой зоне, чтобы еще оставаться в ней по доброй воле.

– Подождите немного в коридоре, кассир в банк поехала, скоро приедет, – обнадежила нас женщина, улыбнувшись.

Действительно, вскоре нас вызвали в другой кабинет и выдали все, что положено: на проезд и суточные. Деньги были непривычного вида: пока сидел их успели поменять. Новые деньги я видел впервые.

– А с моего лицевого где? – поинтересовался я судьбою тех денег, что заработал на промке более года назад и берег на освобождение.

– Согласно приказу начальника учреждения, они с вас удержаны в счет оплаты за полученные вами вещи. Фуфайку, робу, ботинки разве не получали? – Уверенно-радостный взгляд кассирши вопросительно смотрел в мои озабоченные глаза.

Я понял, что качать права здесь понтов не будет, и, чтобы не сорваться от такого крохоборства на вскипающие в груди выражения с матовым оттенком, я улыбнувшись сказал:

– Спасибо вам, что хоть эти не удержали в фонд колонии.

Мы вышли на улицу. Мой местный коллега растолковал мне, на каком городском автобусе можно доехать до автостанции, что билет можно и не брать:

– Покажешь, если что, справку об освобождении, и все.

Сам же он собирался пойти на точку, где собираются порожние грузовики с его селухи.

– За пузырь довезут, – пояснил он мне. Но я уже и так понял по его сверкающим шнифтам и частым глотательным движениям кадыка на тощей шее про его заветную мечту.

К вечеру будет в дупель, а через полгода максимум снова заедет по 144-й или 206-й – сделал я прогноз о будущем моего сотоварища. Да и 62-ю⁶ подвесят, как положено. Но я вдруг вспомнил наставления Синего. Сам-то полгода на воле протянешь? Желательно – это еще не обязательно.

⁶ Ст. 144, 206 и 62 – статьи УК РСФСР по краже, хулиганству и принудительному лечению от наркомании и алкоголизма.

В городском автобусе было много народа. Особо смущала близость к моему телу одной из молодых женщин, беззаботно верещавшей со своей подружкой. Сладкий, духовитый запах ее волос и здорового тела опьянял. Плюс к этому – непривычность обстановки. Все вместе рождало ощущение, будто все это я вижу во сне.

Внезапно в толпе пассажиров я узнал начальника ШИЗО-ПКТ старлея Серпова. Многие зэки в период своей сидки в БУРе клялись, что как только освободятся, так первым делом сломают Серпу череп, ибо в работе своей был Серп до тошноты ехиден и коварен.

– Меня для того здесь и держат, чтоб другой раз вам сюда не хотелось, – хвастливо толковал он зэкам, особенно когда они на что-либо жаловались либо ему, либо ДПНК на проверке, либо заму по БОР⁷ при обходе в режимные пятницы. Однако зэки освобождались ежедневно, а череп Серпа благоухал одеколоном и ухоженностью. Серп был в гражданке, и это делало его как бы меньше в размерах, чем в форме на зоне. Серп тоже приметил меня, да и знал, падла, заранее, что в этот день я освобождаюсь.

«Что же мне с ним делать? – соображал я. – Грохнуть али как?»

Малявы нужно отправить, да и нет ничего ведь под рукой, чтоб конкретно всадить, ответил я сам себе. Ну что ж, малявы – это отмазка уважительная. Конечно, я прекрасно понимал, что эту отмазку предьявлять будет некому, ибо никто из моих бывших сокамерников не узнает, что я ехал с Серпом в одном автобусе. Да и не давал я никому слова, что достану Серпа на воле.

На остановке народ в автобусе тусанул так, что мы сошлись с Серпом почти вплотную.

– Ну чё? Откинулся, что ли? – снисходительно поинтересовался Серп, глядя прямо мне в глаза, как бы выискивая в них что-то.

– Согласно приговору, – тихо ответил я, глядя на стоящую рядом даму.

– Ну что ж теперь? На родину? – спрашивал Серп то, что сам давно знал, ибо все проездные оформлялись операми при его непосредственном участии.

– Согласно выданной справке и деньгам, – хмуро отвечал я, сомневаясь, стоит ли мне, теперь уже вольному человеку, поддерживать разговор с тем, кого ненавидели все уважаемые мной люди.

– Смотрю – ты приоделся неслабо. Шмотьё-то блатная братва подогнала? – поинтересовался Серп, прекрасно зная, что через дороги в

⁷ Зам по БОР – заместитель начальника колонии по безопасности общего режима.

«евонном БУРе» можно подогнать только вещи толщиной с сигарету, да и то не всегда.

– Ну а как же? Должен же я в чем-то домой приехать, – подхватил я его иронию и твердо переходя на привычную полушутливую манеру обращения с представителями администрации колонии. – Была б ваша воля, так зэка голым бы на волю выпускали. И так все деньги, кровно заработанные, с лицевого счета сняли: за робу, за фуфан, за ботинки-говнодавы, что списаны были давно, – выложил я Серпу накипевшее.

– Да кончай ты права качать! Уже не в зоне ведь. Посмотри, сколько баб кругом, а ты все о фуфане да о робе. Ладно, пойдем пока. Удачи! – попрощался Серп и резко вышел на остановке, не дожидаясь моего ответа.

Автостанция была конечной остановкой. Сориентировавшись, я купил билет на ближайший автобус, удивившись, что проезд так сильно подорожал. Времени до отправки было еще много, и я решил «тусануться» по станционной площадке и базарчику, с целью познания нового окружающего мира. Непривычный для глаза мир удивлял меня разноцветностью красок, ибо в зоне разрешалось носить вещи только темного цвета, да и те только определенного фасона. Пьянило обилие давно забытых запахов, но особо смущала близость женского пола, к которому я почему-то опасался близко подходить. Чтобы соскочить с мыслей о бабах, подумал о погоде: «Хорошо, что еще не так уж холодно. Кто зимой откинется, тем хуже будет привыкать. А впрочем, кому как: кого встретят, тем без разницы. Ну а таким, как я, готовиться нужно еще в зоне. Это только разговоры, что, мол, на воле все быстро достанешь. А где и как достать, если никто не встречает и жить негде? Денег только на проезд да на пару “бубнов вольнячих”». Я вспомнил, что не ел с утра, и тоска усилилась. «Сейчас как раз время к ужину по первой смене», – напомнила мне пустота в животе.

Купив в булочной «бубен» горячего белого хлеба, я отщипнул кусочек от угла и осторожно, чтоб не растерять крошек, положил в рот. Давно забытый вкус белого качественного хлеба, без слипшихся шматков, без песка (когда выгребают остатки муки в зоновской пекарне), без горького привкуса (что с непривычки приводит к изжоге и гастриту), вызвал такой взрыв аппетита, что я съел эту воздушную буханку, сам того не заметив.

«Спокойно! – скомандовал я сам себе. – Кишкомания хуже наркомании. Да и денег на деликатесы не густо. Дай бог до места добраться, а там уж видно будет», – успокоил я свой аппетит.

«Теперь малявы», – вспомнил я, подходя к киоску «Союзпечати». Купив пять конвертов, шариковую ручку и лезвие для бритвы, я присел на ближайшую скамейку. Аккуратно доставая из подкладки одну маляву за другой, я списывал с малявы на конверт адрес получателя и запечатывал в него маляву. Слюнявить и заклеивать конверт было как-то непривычно, ибо на зоне все письма отправлялись по адресу незаклеенными. Их заклеивал цензор, да и то, если текст не содержал неположенных по закону или непонятных цензору слов. В случае же наличия «непоняток» в письме оно исчезало навеки. Поэтому письма «со сложным текстом» старались тусануть на волю с освобождавшимися либо с теми, кто шел на длительную свиданку. Графу «адрес отправителя» я оставлял пустой: если умный, то поймет, откуда и почему так, а дураку и знать не надо.

Все пять конвертов я бросил в висящий на видном месте почтовый ящик и облегченно вздохнул. «Вроде пошли как надо», – подумал я, оглядываясь вокруг: не следит ли кто за мной. Лезвие для бритвы, или, как говорят на зоне, «мойку», я по привычке положил под стельку правого «колеса». Я еще не мог осознать, что этот «колюще-режущий предмет» можно спокойно носить в доступном месте и даже на виду.

– Мужчина, можно вас на минуточку?

Парень и девушка дружелюбно улыбались моей скромной персоне, давно отвыкшей от обращения на «вы».

– Не желаете ли вы прочитать о Творце этого мира? – спросили они меня, протягивая яркий журнальчик.

– О каком творце речь-то? Вы о религии, что ли? – удивился я, взяв журнал и начал его листать, разглядывая яркие цветные картинки.

– Да. Мы – «свидетели Иеговы». Слышали о таких? – спросил парень.

Я кивнул. Когда был еще в отряде, сосед по проходняку иногда предлагал мне для ознакомления такие же яркие брошюры с библейскими сюжетами. «Свидетели Иеговы» да еще «Гедеоновы братья» были немногими религиозными организациями, которые находили возможность тусануть на зону свою религиозную литературу. Но осенью 1997-го опера, ссылаясь на приказ свыше, отшмонали все эти брошюры, а их владельцев закрыли в ШИЗО – «за пропаганду религиозной розни».

Сосед по проходняку, когда сворачивал свой матрас и шел в ШИЗО, улыбался. Так же, как улыбаются сейчас этот парень с девушкой. Когда я спросил соседа: «За что тюрмуют?» – он улыбаясь ответил загадочной фразой: «И будете ненавидимы всеми за имя мое. Матфея – десять, двадцать два».

Смысл этой фразы я понял позже, когда мне дали полгода ПКТ «за дезорганизацию работы ИТК». Там мне попала старая потрепанная Библия. Прочитав ее, я многое осознал. Мне даже подумалось, что Бог специально изолировал меня, чтобы дать возможность прочитать Библию и осознать грехи своей жизни. Стал ясен мне и смысл фразы «Матфея – десять, двадцать два». Меня удивило, что в отличие от других книг ходячей буровской библиотеки все листы в Библии были на месте и даже с целыми краями. Видно, не поднялась рука эзика порвать их на «тарочки» для закруток или на другие цели. Тюрма заставляет человека задуматься о многом. Но более всего в тюрьме задумываются о существовании Бога и справедливости в этом мире. Разуверившись в справедливости законной власти, все эзики ищут справедливости у власти Божьей. И уповают на нее как на последнюю судебную инстанцию. Причем, что характерно для многих нормальных эзиков: чем больше срок – тем сильнее «вера».

– Если вы хотите, то мы поможем вам изучать Библию, – предложила девушка.

– Спасибо, я ее уже прочитал. С Божьей помощью. Я здесь проездом. Сейчас уезжаю.

Я протянул девушке журнал обратно.

– Ну, ничего. А это возьмите с собой, в дороге почитаете.

В междугороднем автобусе было непривычно жарко. В окне мелькали «сельские мотивы» и проезжающие мимо авто. Удивляло обилие невиданных ранее иномарок на дорогах. «Живут же люди и не попадают ведь, – завистливо думал я. – Кесарю кесарево, а Богу – Богово: каждому – свое. Кому-то в иномарках газовать, а кому-то на зонах сидеть: как подфартит.

Я подремывал и невольно подсчитывал в уме – сколько «бубнов» белого хлеба я смогу купить на имеющиеся у меня в наличии деньги. Получилось непривычно много, и это меня успокоило. «Жить можно. Главное – полгода, потом полегчает», – рассуждал я кемаря, но в то же время настороженно наблюдая за соседями: кто они «по жизни да по масти»?

– Приехали! – крикнул водила.

Узнав еще в автобусе, как доехать до вокзала, я пошел искать остановку нужного номера троллейбуса. Ноги побаливали и заметно отекали. «Давно уж столько не ходил пешком. Последний год сидел в ПКТ. Прогулка там – полчаса в день. А если поднимут в ШИЗО, то там и вообще без нее», – вспоминал я зоневскую жизнь.

Я вспомнил, как отморозил ступни в первый раз еще на зоне, когда закрыли в ШИЗО на Новый год, а шерстяные носки не пропустили: не

положено – можешь распустить, сделать канат и повеситься. Так, без носок, на бетоне, в тапочках на босу ногу, и пришлось «танцевать» все 15 суток. Второй раз я отморозил «поршня» по второй зиме: уже в ПКТ, когда из-за какого-то базара меня поставили в «стакан», а входную дверь (со двора на продол) «забыли» закрыть. И простоял я на дубняке почти три часа. «Но зато потом уж они побегали!» – ухмыльнулся я: в обоих случаях обмороженные ноги сильно воспалились и опухали. Сначала я не мог надеть на них ботинки, а потом и вообще не мог стоять. Увидев их, главный лепила испугался настолько, что даже нашел для меня дефицитный бициллин. В обоих случаях десятидневный курс лошадиных доз внутримышечного бициллина сбивал воспаление в ногах. Правда, по ходу лечения мне сожгли и всю микрофлору нутра. Поэтому каждый раз после этих доз я еще почти месяц поносил, как при дизентерии (дизентерии): против ветра на три метра, не считая мелких брызг. Но и это прошло. Согласно надписи на перстне Соломона. Мне повезло хоть в этом. Только почки и ступни после этого стали реагировать на погоду. Да вот сейчас, когда непривычно много проходил за день, ноги напомнили о тех веселых днях и днях печали отеком и болями.

«Ничего, голова не жопа – проморгается, поршни расходятся, а мясо нарстет, лишь бы кости были целыми да легкие без дырок», – думал я, стоя в очереди за билетами в кассу на железнодорожном вокзале.

– Куда? – спросила кассирша.

Назвав станцию, куда еду, я добавил:

– Если можно, то в общий вагон. Сами понимаете – не с заработков возвращаюсь, – пояснил я, заискивающе улыбаясь и предъявляя в кассу справку об освобождении.

– На половину одиннадцатого ночи устроит? – невозмутимо спросила перевидавшая справки всех сортов кассирша.

Я кивнул, заплатил за билет и стал думать, чем занять время до отхода поезда. Для начала решил присесть и отдохнуть. Но все было занято. Казалось, вся страна снялась с насиженных мест и решила круто переменить место жительства. Цыгане сидели даже на полу в углу зала ожидания. «Ну что ж, пойдём вдохнём свежака», – решил я, покидая монотонно гудящую и усыпляющую теплоту вокзального нутра.

На привокзальной площади таксисты, скучканувшись, оживленно весело беседовали с размалеванными молодыми шурами: «Халдей обслужил нас, потом по новой... Пес за столиком напротив стал базарить... Я вдутый уже... Торчу как шпала... Въехал он мне с левой, и я ему в рог... Соски визжат... Менты... Думал, не отлягаюсь...»

Какие-то пацаны бегали туда и обратно. Цыганка, тряся грудным, приставала к проходящим с просьбой помочь «чем можете, беженцам с Кавказа». Приехавшие уходили, уезжающие подходили. Все несли какие-то баулы, разгружая либо нагружая багажники машин.

– Ваши документы, – раздалось слева, сзади.

Обернувшись и увидев трех ментов, вопросительно-оценивающе разглядывавших меня, я махом очнулся и машинально ощупал то место на груди, где должна была висеть «личная карточка» – паспорт зэка.

«Шмон! – пронеслось в голове. – Хорошо хоть нож в киоске не купил, а «мойку» в правом “коряке” вряд ли найдут», – подумал я, улыбаясь ментам как можно вежливее.

– Конечно, командир, без бумажки я какашка, а с бумажкой – человек, – предъявил я справку об освобождении.

Молодой младший лейтенант, или по-простому «микроб», и два сержанта уткнулись в справку, сличая меня с фото и читая написанное вслух так, будто другие были неграмотные.

– Это статьи по старому или новому УК? – спросил молодой «микроб» с солидно-строгим выражением лица.

– Когда сажали, нового еще не было, все по старому, – ответил я.

– Ясно. В сумке что? – спросил «микроб», возвращая мне справку и упирая свой оловянный взгляд в мое лицо.

– Одеядло, письма, бумаги – что положено, то и есть, – пояснял я, готовясь к шмону по полной программе – с раздеванием «до нуля», с приседаниями и с прощупыванием всех складок одежды, вплоть до резинки на трусах.

– Малявы-то уже отправил? – спросил пожилой сержант, улыбаясь.

– Какие малявы, командир? Я на поезд опаздываю, между прочим, – перевел я разговор, параллельно соображая: откуда менты узнали про то, что у меня были малявы.

– Билет купил? – спросил «микроб», с раздражением осознавая, что с меня им толку не будет.

– А как же. Есть. Показать?

Я полез в карман за билетом.

– Езжай, ради бога, и больше в наших краях не попадайся. Пошли.

Последняя фраза была уже, слава богу, не ко мне. Менты пошли дальше, осматривая вокзальную площадь и стараясь найти на ней что-либо более достойное своего внимания, чем только что освободившийся «пустой» зэк.

«А мандраж-то есть, – подумал я, почувствовав, как прилипла от пота рубашка на спине. Главное – полгода, потом отвыкнешь. Я такой

же гражданин, как и все кругом. За то, что сделал, я уже отсидел. Я чист перед законом и бояться мне пока нечего», – внушал я себе, не понимая до конца, почему менты не прошмонали ни карманы, ни сумку.

Проходя мимо хлебного магазина я невольно завернул на запах, все еще обдумывая свой разговор с ментами. Обилие разных видов хлеба удивляло и завораживало. «Пожрать нужно по-любому. А то уж и ноги не носят», – понял я и купил буханку белого, пахучего и теплого, хлеба.

Присев на краю скамейки, отщипывая и смакуя хлеб, я наблюдал за проходящими мимо женщинами, прикидывая, как поведет себя та или другая из них в постели со мной. «Давно такого кайфа не терпел», – думал я, сравнивая свое нынешнее положение с тем, что было в зоне.

Курить и пить я бросил еще задолго до «залета». В тюрьме и на зоне, слава богу, так и не начал. Однако это не спасло меня от тубика. Заглушив его на зоне, я после этого старался даже рядом с курящими, по возможности, не находиться. Но теперь вдруг страшно захотелось: и закурить, и выпить.

«А может, вмазать?» – пронеслась в голове шальная мысль. Я вспомнил, что рядом с хлебным в «комке» продают какую-то отраву в красивых бутылках и невиданные в зоне фильтрованные сигареты в ярких пачках. «Бабки еще есть. Можно поймать расслабуху в честь праздничка: не каждый день ведь “звонок”. Все равно в поезде сутки ехать», – подводил я философскую базу под первоначальную мысль. Я уже начал ощущать во рту горьковато-обжигающий вкус водки, теплоту, разливающуюся по телу, и веселую расслабуху в мыслях.

«Осади коней! – сказал кто-то другой в глубине сознания. – Алкашировать будешь, когда на ноги встанешь. А пока угомонись и сиди тихо. Билет есть, вот и шуруй к поезду». Этот голос на зоне заставлял мое тело вставать по подъему, несмотря на холод или болезнь. Именно этот твердый голос заставлял меня оставаться человеком там, где очень легко было стать «сукой», «крысой», «козлом» либо другой нечистью. Он звучал в сознании и сейчас: «Начнешь бухать – подохнешь в зоне. Иди-ка лучше займи место в вагоне – согласно купленному билету». Я поднялся и пошел от греха подальше на перрон, где уже тусовались ожидающие прибытия поезда пассажиры.

– Билеты давай показывай! – кричала полноватая проводница лет тридцати пяти.

«Небось, трахается за бабки с пассажирами, – подумал я, оценивая ее разглядывая ее, пока она изучала мой билет. – Сколько, интересно, запросит за “один раз как водолаз – в резиновом скафандре”?»

– Пройдите до конца, там верхнее боковое свободное, – вернула она мне билет и отвернулась к следующему пассажиру.

В вагоне пахло потом, перегаром и мочой. В конце вагона к этой смеси добавился еще и запах табачного дыма. Трое парней стояли в тамбуре и курили, ожидая, когда поезд тронется и откроют наконец туалет. «Бухие, что ли?» – подумал я, вытаскивая из сумки подаренное «складным» одеяло и расстилая его на верхней боковой полке. Сумку я приспособил вместо подушки. «Авось, колеса до утра не уведут», – понадеялся я, разуваясь и оглядывая окружающее пространство. Толпа цыган, оккупировавшая соседний загон, оживленно о чем-то спорила с проводницей. В нашем же загоне ехали: молоденькая женщина с ребенком, двое дембелей в парадной форме, старуха и два пожилых фиксатых кавказца в кожаных куртках и норковых шапках. Вроде масть не воровская. Я задвинул свои туфли под сиденье и кряхтя залез на верхнюю полку. «Старость – не радость, а молодость – не сладость».

За окном было темно и серо, только ядовито-желтый свет фонарей освещал неусыпную жизнь вокзала. Взгляд настороженно выхватил из толпы троих ментов, что проверяли мои документы. «Ловят кого по ориентировке или ищут, где что урвать?» – оценивал я их поведение. Милицейская форма сменилась за эти годы: герб Союза уступил место двуглавному орлу. «Да и блях на груди ранее вроде не носили, – вспоминал я былые времена. – Интересно, вагон шмонать будут? Ну, с меня и с дембелей им ловить нечего, а вот кавказцев могут постричь. Наркоту подкинут и поставят перед фактом при понятиях», – думал я, растирая онемевшие и опухшие голени и колени.

Как бы угадав мои мысли и стараясь опередить ментов, к кавказцам подошла молодая грудастая цыганка из соседнего загона, предлагая рассказать им «все, что будет, как на духу». Поезд все еще стоял, и казалось, что никакая сила уже не сможет сдвинуть всю эту массу с места. Сидящая у стола женщина предлагала дочке съесть яичко, которое она только что очистила. Дочка капризно качала головой, сосредоточив внимание на цыганке и кавказцах.

«Мне бы предложила, я бы не дергался», – позавидовал я, вспоминая, в каком году в последний раз ел яйца вкрутую. «Пожалуй, на СИЗО – с “дачкой” заходили – от жены». Невольно мысли обратились к жене, теперь уже бывшей. Я вспоминал эпизоды своей семейной жизни, детей, их появление на свет, как смешно начинали говорить. «Узнают сейчас или уже забыли?» Пора бы уже забыть все эти сантименты, осадил я свои непутевые мысли, чтобы не занесли они меня в тоскливые дебри памяти: «Чем веселее будешь, тем раньше все получишь».

Поезд дернулся и начал плавно набирать скорость. Провожающие замахали вслед руками. Кто-то улыбался, кто-то грустил. Поезд – это всегда смена декораций окружающей жизни. Для кого-то она желанна, для кого-то – вынужденная, но все надеются, что в последующей после поезда жизни им всем должно повезти и все изменится к лучшему. Наивность – это мать оптимизма.

Туалет наконец открыли, и двери в тамбур начали хлопать по нервам, не давая возможности сосредоточиться. Поезд набирал скорость, и вагон все сильнее продувало свежаком. «С одной стороны, хорошо – воздух стал почище. А с другой – не дай бог, если продует до костей. Лечиться-то негде. Да и не на что. А если тубик опять откроется, то и помереть будет негде. Потому нам болеть нельзя», – подбодрял я себя, стараясь перейти от семейных тоскливых мыслей на веселую волну. «Может, цыганку трахнуть за бабки? Интересно, сколько заломит за “раком в сортире”? Жалко, “резину” в аптеке не купил. Да ладно, зараза к заразе не пристанет. А каковы вообще сейчас цены за трах?» – начал я раскачивать мысли в веселом направлении, чтобы отвлечься.

Цыганка же в это время мяла левую ладонь одного из пожилых кавказцев и, преданно глядя ему в глаза, вкрадчивым грудным голосом обещала в будущем «богатства, пиковую даму и дальнюю дорогу». Последнее можно было бы и не обещать: в поезде дальнего следования это очевидно и так. Кавказец скалил золотые зубы, кивал и подмигивал блестящими глазами напарнику, периодически одаривая цыганку металлическими монетами непонятного для меня достоинства.

– Молодиз тэбе, ичо скажи далшэ, – говорил он цыганке улыбаясь.

Из соседнего, цыганского, загона молча наблюдал мальчик лет пяти, по-видимому, один из многочисленных детей еще довольно молодой цыганки.

Дембеля, расположившись на боковом столике подо мной, играли в карты, обсуждая: «А как пишется – “хиромантия” или “херомантия”?» Периодически они интересовались у шмыгающей по вагону проводницы: «А сейчас какая станция?» Если же по вагону проходила какая-нибудь «сексапилка», то дембеля дружно начинали предлагать ей сыграть с ними в карты. Дамы улыбались, довольные вниманием голодных дембелей, и, кокетничая, отказывались.

– Как приеду, сразу к телке сгоняю, – говорил один дембель другому. – Правда, она у меня худая, лярва... Я на ней, как на турнике...”

«Тоже, видать, баб давно не мяли, – размышлял я, стараясь не отходить от веселой темы. – Два года на хорошем питании да на воздухе – я бы с ума сошел бы без бабы. Видать, по ночам “передергивали за-

твор” в сортире. Вроде пидоров в армии не держат. А правду говорят, что в армии бромом “столбняк гасят”? Ну, ничего, у них все еще впереди. А у меня?» Я почувствовал, что стою на краю темной мысленной пропасти, куда сейчас могу упасть и не вылезти. «У меня тоже все “хоккей”! – придал я мыслям безопасное направление. – Приеду, устроюсь на работу, комнату сниму у какой-нибудь молодой разведки, и будем жить далее. Лучше прежнего! И сомневаться не стоит, ибо, как говорили древние, сомнение рождает предательство, а предательство рождает смерть. А может, спросить о будущем у цыганки? Так соврет же, падла, да и я в любом случае не поверю ей. Все будет ровно и без цыган, и без копеек на паперти. Главное – полгода: осмотримся, примеримся, и уже там видно будет», – подытожил я этот пласт мыслей.

«Вот только ноги бы не мучили, – думал я, растягивая и массируя схватываемые судорогой икроножные мышцы. – Сам стоять не можешь, а еще цыганку хотел стояком в сортире трахнуть, – веселил я себя, стараясь расслабиться и унять судорожную боль. – Вот была бы картина маслом». Боль потихоньку отпустила, и я лежал неподвижно, стараясь ненароком не напрячь какую-либо ножную мышцу. «Это пройдет, витаминов нажрешь и буду еще бегать, как антилопа в кукурузе. Главное – чтоб “коряки” ночью не увели. Босиком по зиме ходить – тяжело будет. Да кому твоя рухлядь здесь нужна? – спорил кто-то со мной в сознании. – А может, самому приборахлиться, пока народ спит?» Что-то холодное образовалось и запульсировало в животе. «А если поймают? На таких ногах с поезда на ходу прыгать не получится. Хорошо, если просто отметелят и отпустят, а если в ментуру сдадут? Там со мной да еще и при “надзорной ксиве” долго разбираться не будут: навесят все, что пропало в поездах этого направления за последние полгода. Нет, такой хоккей нам не нужен!» – подбил я этот пласт мыслей легендарной фразой известного спортивного комментатора.

«А как же будешь жить? Пока работу найдешь, да куда там – пока доедешь до места, уже бабок не будет. А кушать хочется всегда! Что ж ты умеешь делать?» Я вспомнил, какими профессиями владел до «залета». Но прошло время. Путевой работы на зоне не было: только клеили бумажные мешки под цемент да вязали сетки под лук или картошку. «Квалификация уже не та, сноровки нет. Да и кто работу доверит бывшему зэку?» Опять черная яма показалась в глубине сознания. «Ничего, будет день, будет и пища. Сейчас главное отдохнуть, чтоб завтра “поршни” нормально ходили», – успокаивал я себя, стараясь расслабить какую-то натянутую внутри меня струну: она держала меня в на-

пряжении, вибрируя от горла до копчика, вызывая сухость во рту и жжение в горле.

В середине вагона началась какая-то драка, и дембеля со свободным от гадалки кавказцем пошли смотреть «базар». Женщина за столом упорно уговаривала свою дочь лечь и поспать, чем еще более привлекала ее внимание к событиям внешнего мира. В вагон вошли какие-то дюжие менты с автоматами, в черных шапочках и в камуфляже. «Ну вот, теперь пустят весь вагон под “дубинал” без разбора», – подумал я, вспоминая, как поступал конвой в случае какого-либо нарушения режима на этапе, в «столыпине». Но, к моему удивлению, все закончилось быстро и тихо, без криков и битья. Дембеля и кавказец вернулись, обсуждая, кто там был прав и с чего вообще начался «базар». Оказалось, что менты в камуфляже – это «охрана поезда». Они просто разняли дерущихся и уговорили их успокоиться. «Да, здесь воля и расслабуха – здесь еще уговаривают», – сделал я для себя вывод и тоже успокоился.

«Ну, что? Пора спать? – спросил я себя, укрываясь курткой и вспоминая в какой карман я заховал деньги и документы. – Копыта мыть сегодня отменяется, а то еще судорога в сортире схватит. День прошел и ближе к дому, – по привычке всплыла в сознании зоновская “отбойная”. – Тем более что весь дом при мне». Тоска холодным липким комом запульсировала в горле. «Ну и слава богу. Откинулся успешно да и день на воле прожил без хвостов: никого не убил (я вспомнил Серпа с его “одеколониستم пробором на ботве”), ничего не украл (я вспомнил, как хотел “пощипать” в спящем вагоне), никакую заразу не прихватил (вспомнил, что хотел трахнуть “хоть кого” и даже в сортире), так что спать можно спокойно», – подвел я итог так, чтоб оправдаться перед самим собой и придать мыслям оптимистическую ориентацию.

Ритмичный стук вагонных колес, лязг буферов в тамбуре и хлопанье дверей усыпляли своей гармонией и мелодичностью. Проводница периодически выкрикивала названия грядущих станций, добавляя философски звучащую фразу: «Заранее готовьтесь к выходу!» Мой выход сегодня состоялся, но я не вполне готов к нему: в зоне было привычнее и понятнее.

«Главное – удержись на воле полгода, а там и привыкнешь к этой вольничей постанове вещей», – уверенный голос Синего протискивался к моему засыпающему сознанию через шумы вагонной суеты, стук колес и периодические крики проводницы: «Пассажиры! Заранее готовьтесь к выходу!»

Дмитрий Рыкунов

Кто нас судит?

Я, четырежды судимый, хочу поговорить о тех, кто призван исполнять закон, а вернее, о судах и судьях. Как исполняется закон при отправлении так называемого правосудия, как соблюдаются судами права подсудимых?

В следствие того, что я уже четырежды побывал на скамье подсудимых, а также в силу моих особых, не свойственных большинству осужденных, интересов через мои руки прошло столько приговоров различных судов, что какое-то право иметь свое мнение об этой стороне дела у меня есть.

На обложке Комментариев к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексу есть девиз: *Ignorare legis est lata culpa* (Незнание закона есть грубая неосторожность). Спорить с этим трудно, однако на каждом из этих кодексов указано, что предназначен он для служебного пользования судей, прокуроров, следователей и адвокатов. Лично я считаю, что требовать знания уголовных законов от прочих участников процесса просто глупо. В школе этому не учат и не должны учить. И именно поэтому судьи и прокуроры обязаны соблюдать каждую букву закона.

Между тем я практически каждый день сталкиваюсь с фактами несоблюдения и даже прямого нарушения норм уголовного и уголовно-процессуального права в судах. Более того, там нагло и беззастенчиво пользуются нашим незнанием закона.

В настоящее время я отбываю наказание в учреждении ФКУ ИК-6 города Спасска-Дальнего Приморского края. Находясь здесь, я имел возможность сделать весьма конкретные и вполне обоснованные выводы о работе Спасского районного суда.

Для примера приведу следующую ситуацию. На основании статьи 10 УК РФ и в порядке статей 396, 397 УПК РФ осужденный обращается в

Спасский районный суд с ходатайством об изменении приговора, по которому он отбывает наказание, в соответствии с федеральным законом, которым внесены изменения в Уголовный кодекс РФ, улучшающие положение осужденного. Нормы статьи 399 УПК РФ предусматривают рассмотрение вопроса об изменении приговора в связи с выходом нового уголовного закона только по ходатайству самого осужденного.

В силу того, что осужденные для написания подобных ходатайств обращаются ко мне, то и все ответы из судов ээки в первую очередь несут мне. И я неоднократно сталкивался со случаями, когда Спасский районный суд возвращает такое ходатайство осужденного с требованием обосновать ходатайство. То есть суд требует у осужденного изложить доводы, по которым тот или иной федеральный закон распространяется на него.

Между тем ни одна норма уголовного или уголовно-процессуального закона в целом и, в частности, нормы статей 396, 397, 399 УПК РФ, регламентирующие решение вопросов, связанных с исполнением приговора, не содержат требования к осужденному обосновывать свое ходатайство в случае обращения о пересмотре приговора в связи с выходом нового уголовного закона.

Единственным веским и безусловным основанием для судов для изменения вступившего в законную силу приговора в соответствии с новым уголовным законом (когда новый закон улучшает положение осужденного) является статья 10 УК РФ (положение об обратной силе закона), правовым основанием которой является часть 2 статьи 54 Конституции РФ.

Таким образом, возвращение судом осужденному его ходатайства с требованием обосновать его является не только незаконным, но и нарушением конституционного права осужденного.

Это нежелание работать или сознательное нарушение прав осужденного?

У меня на памяти много случаев нарушения судами норм уголовного и требований уголовно-процессуального права и при отправлении самого уголовного судопроизводства.

Так, В. Азизов осужден Уссурийским городским судом по части 4 статьи 111 УК РФ. Все обвинение построено на показаниях одного свидетеля, который зимой, в вечернее время, на расстоянии 100 метров от городской котельной (у которой был обнаружен потерпевший) увидел двух ругающихся людей и по голосам узнал Азизова и потерпевшего.

Сам Азизов представлял суду сведения, что в день совершения этого преступления он вообще отсутствовал в Уссурийске, так как находился в гостях у своего знакомого, проживающего в деревне. Суду были предоставлены данные этого знакомого и его адрес. Это, разумеется, требовало проверки.

Кроме этого, Азизов ходатайствовал перед следствием и судом о проведении следственного эксперимента на предмет, возможно ли узнать людей по голосам, находясь от них на расстоянии 100 метров, при условии, что люди находятся возле котельной, где работают водозаборные насосы и моторы вентиляционной системы. У Азизова на руках имелось предварительное заключение Бюро независимой экспертизы о том, что такое невозможно.

Судом следственный эксперимент проведен не был, показания свидетеля, на которых было построено обвинение, мягко говоря, вызывают сомнения. Выдвигаемое Азизовым алиби также не проверялось.

Другой пример. В. Радуевич осужден Находкинским городским судом по части 1 статьи 105 УК РФ. Преступление было совершено в ночь с 11 на 12 февраля 2008 года на территории строительной базы, что следует из заключения судебно-медицинской экспертизы, отраженного в приговоре.

Между тем в приговоре приведены показания двух свидетелей, которые показали, что на момент совершения этого убийства Радкевич вообще находился в другом месте, и указали адрес и данные того человека, у которого он ночевал. При этом в приговоре отражены показания еще трех свидетелей, утверждающих, что в ночь убийства на базе дежурили в качестве сторожей именно они, эти трое, а Радкевича там не было.

Сам Радкевич для установления своего алиби ходатайствовал перед следствием и судом о допросе в качестве свидетеля человека, у которого он ночевал в ту ночь. Ходатайство удовлетворено не было. Радкевича признали виновным и осудили на семь лет.

В. Гирля осужден одним из районных судов Владивостока за то, что он три раза стукнул по морде негодяя, который приставал к гражданской жене Гирли и избил ее. Потерпевший скончался в больнице «от многочисленных побоев». Действия Гирли квалифицированы по части 4 статьи 111 УК РФ, отмерили 12 лет. При этом судом не установлено, откуда взялись эти «многочисленные» побои, и не учтено поведение потерпевшего, послужившее поводом для преступления.

Не могу не привести еще один пример «справедливости» и «объективности» нашего правосудия.

А. Ярошенко осужден Спасским районным судом по части 3 статьи 30, части 1 статьи 105, части 1 статьи 105, части 3 статьи 30, части 1 статьи 105 УК РФ. Из приговора усматривается, что оба эпизода покушения на убийство есть одно продолжающееся преступление. То есть действия Ярошенко подлежали квалификации по ч. 3 ст. 30, части 2 пункт «а» статьи 105 УК РФ. Суд квалифицировал его действия как два самостоятельных эпизода, что позволило суду назначить более строгое наказание.

Более того, в материалах уголовного дела находятся первые показания обоих потерпевших по эпизодам покушения на убийство, из которых ясно, что по одному из этих эпизодов Ярошенко не виновен. Он не совершал приписываемых ему действий.

Потерпевшие изменили свои показания через четыре месяца после дачи первых.

Суд не счел нужным выяснять причину этого изменения, а просто осудил Ярошенко. Первые показания потерпевших так и остались в материалах дела не исследованными в ходе судебного следствия.

Если кто вдруг не понимает, о каких нарушениях судов я говорю, то пожалуйста: тут вам и нарушение права обвиняемого на защиту, и нарушение равенства прав сторон на представление доказательств, и нарушение правил исследования и оценки доказательств, и несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, и неправильная юридическая оценка и квалификация действий обвиняемого, и просто несправедливость приговора.

Известно, что закон несовершенен. Слава богу, в него постоянно вносятся поправки с целью его совершенствования. Но идеала не бывает. И когда несовершенство закона подкрепляется некомпетентностью или откровенным саботажем, то...

Причин тут, конечно, немало, но вот одна из самых понятных, лежащих на поверхности. 1 января 1997 года в действие вступил Уголовный кодекс РФ, а Уголовный кодекс РСФСР перестал действовать. Таким же образом в 2002 году перестал действовать Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

С 1993 по 2004 год включительно я отбывал длительный срок заключения и помню, что работа судов повсеместно не прерывалась ни

до, ни после, ни во время изменения Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов.

Между тем в комментариях к статье 14 УПК РФ (презумпция невиновности), данных кандидатом юридических наук О.В. Корнелюк, сказано: «Употребляемый в статье термин “бремя доказывания” является синонимом более распространенного в уголовно-процессуальной литературе термина “обязанность доказывания”. Замена термина влечет за собой необходимость в переучивании профессионалов и населения».

Ну с населением автор, пожалуй, погорячился. Чтобы переучивать, для начала надо научить. А вот что касается профессионалов, в нашем случае судей... Не слишком ли наглядно: изменение одного термина требует переучивания, что же говорить о коренном изменении уголовного и уголовно-процессуального права?

Работа судов не прерывалась, как я говорил. А переучивались ли судьи? Вопрос. Исходя даже из тех приговоров, которые я привел, создается впечатление, что судят нас, руководствуясь законом шестидесятых годов прошлого века, основанном на репрессивной системе того времени.

Так что же нам делать, как бороться с несправедливостью? Во все века, сколько существует понятие «правосудие», всегда были и добросовестные судьи, и те, кто пользовался своим правом судить (которое, кстати, давали этим людям мы сами) либо просто недобросовестно, либо в корыстных целях. Единственный вывод, который я мог сделать из всего вышеизложенного: учить и знать ЗАКОН – необходимо. Необходимо нам же самим, чтобы оградить себя от необоснованных обвинений или защитить свои ущемленные или нарушенные права.

Александр Зимбовский

Дело Торбеева. Милиция не любит файеры

На Красном флаге белый контур звезды
И красный файер зажжен в толпе
На наших устах крик народной души
Об общей проблеме и общей беде

Григорий Торбеев

Слово честного человека

5 марта Мосгорсуд проштемпелевал приговор Григорию Торбееву – 1,5 года колонии-поселения.

Активист левого фронта получил эти полтора года за то, что якобы ткнул файером в лицо правоохранителю.

Интересно, что в этот же день один из двух президентов Российской Федерации, г-н Медведев, опубликовал на своем сайте поручения, возникшие после переговоров с представителями несистемной оппозиции. Одно из этих поручений было адресовано Генпрокуратуре – разобраться с делом политзаключенного Торбеева.

Тыкать файером с выкрученными назад руками

Напоминаем, что Григорий Торбеев был задержан 12 ноября 2010 года.

«Я была на этом митинге, видела, как все происходило, видела, как задерживали людей, – рассказывает член ОНК Анна Каретникова. – У меня есть все основания полагать, что если сотрудника милиции в свалке, образовавшейся из-за действий милиции, и задела файером, то виноват в этом был совсем не Торбеев».

«Мы встали. Зажгли файеры. Начали скандировать “Россия без Путина”, – рассказывает активист ЛФ Дмитрий Талантов. – Милиция подлетела сзади, с боков. Нас скрутили. Торбеева повалили на землю. Его избивали шесть милиционеров одновременно». По словам Талантова,

Торбеев в момент задержания не только не тыкал файером в лицо милиционеру, но и чисто технически не смог бы это сделать.

Также следует отметить, что сцену задержания Торбеева снимали восемь телекамер, однако эпизод с файером почему-то не попал в кадр ни одной из них. Кроме этого, если, по версии обвинения, «ткнувший в глаз» Ковалев пошел в травмпункт сразу же, то Талантов рассказывает совсем другое: «После задержания Торбеева Ковалев еще ходил, продолжал задерживать народ, в травмпункт пошел только потом». Также Талантов обратил внимание автора на то, что пиротехнический факел – вещь довольно горячая, и, если бы милиционера действительно ткнули бы ею в глаз, последствия были бы куда неприятнее тех, о которых заявили правоохранительные органы.

Другие участники акции также объясняли автору, что с закрученными назад руками тыкать файером в лицо правоохранителю трудно.

Торжественный визит к окулисту

Следует отметить, что видеозапись визита Ковалева к врачу была вывешена пресс-центром МВД в открытый доступ.

«Тут на видео потерпевший со Дня гнева следует в больницу, – комментирует Анна Каретникова. – Сотрудника милиции зовут, оказывается, Евгений Ковалев. Вряд ли когда-либо чьи-то визиты к окулисту были оформлены с подобным пафосом. Травма крайне серьезна: у сотрудника слезится глаз, и он это... стал чаще моргать, и внутренняя боль как бы такая...»

Прошу посмотреть внимательно. Травма сотрудника, которую норовят оценить в пять лет лишения свободы для правонарушителя, хорошо видна начиная с шестой секунды видео, задолго до того, как голову потерпевшего с непонятной целью замотают, как капусту. Ну еще бы, как же под камерами РИА «Новости» не оказать хоть какую-то помощь раненному гражданину?

Доктора диагностируют ожог глаза и подозрение на сотрясение головного мозга, и, как следует из сюжета, после этого визита потерпевший отправился на «скорой помощи» в госпиталь. Способность перемещаться самостоятельно действительно могла покинуть его – хотя бы от ужаса перед серьезностью вреда, причиненного здоровью».

СИЗО

В общем, покраснение на лице правоохранителя взывало к мести. Суд избрал для Торбеева в качестве меры пресечения заключение под стражу. Решение было вынесено несмотря на то, что Григорий имел офи-

циальное место работы, постоянное место жительства в Москве, а также личные поручительства от Людмилы Алексеевой, Льва Пономарева и Анны Каретниковой. Кстати, защитника Торбеева, Валерия Шухардина, периодически не допускали к подзащитному, ссылаясь на то, что у него нет разрешения следователя на свидания... А ведь, согласно УПК РФ, «подозреваемый и обвиняемый имеют право на свидание с защитником подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а в соответствии с п. 135 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов, утвержденным Приказом МЮ РФ от 22.11.2005 г. № 950, «подозреваемым и обвиняемым предоставляются свидания с защитником с момента фактического задержания; свидания предоставляются наедине и конфиденциально без ограничения их числа и продолжительности за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ. Свидания предоставляются защитнику по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Истребование у адвоката иных документов запрещается».

13 мая 2011 года Григорий Торбеев вышел из СИЗО под подписку. Активист рассказал прессе, что «следственные действия (в отношении его) не проводились, а следователь просто тянул время, чтобы не выпускать его на свободу». Также Григорий заявил, что тюремное заключение не сломило его и что он продолжит активную общественную деятельность.

Тактика признана успешной

Затем прошел суд. Следует отметить, что сотрудник полиции Евгений Ковалев заявил, что не имеет претензий к активисту Левого фронта. 18 свидетелей дали показания, что Торбеев не только не нападал на милиционера, но и физически не мог сделать это... Впрочем, по словам Торбеева: «Моим адвокатам затыкали рот. Не давали сказать ни слова. Я ждал обвинительного приговора. Хотя надеялся, что приговор будет условным!»

В настоящее время Мосгорсуд подтвердил решение суда первой инстанции. Григорий Торбеев ожидает направления на отправку в колонию-поселение.

А 31 марта 2012 года задержанный на «Стратегии-31» Никита Логачев позвонил товарищам и сообщил, что против него будет возбуждено уголовное дело за то, что он якобы зажег файер, опаливший одного из сотрудников полиции на Триумфальной площади. Сотрудник полиции уже посетил травмпункт, у него зафиксировали ожог лица первой степени.

Судя по всему, новая милицейская методика борьбы с зажиганием файеров была опробована, признана успешной и пущена на поток.

Помогите спасти малолеток!

В «Союз заключенных» поступило обращение от родственников несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в Алексинской воспитательной колонии (Тульская область). Как следует из обращения, после перевода колонии на прямое управление центральным аппаратом регионального УФСИН, «уровень насилия и издевательств превзошел все мыслимые нормы». «Среди наших детей было уже несколько попыток суицида», – заявляют родственники.

Далее публикуем обращение полностью:

Мы, матери несовершеннолетних осужденных, обращаемся ко всем с просьбой о помощи!

Осенью 2011 года в тульских зонах начала вершить беспредел самая настоящая банда из сотрудников ФСИН Полянцева, Афанасьева, Рвачева, Ченского. Эти люди получили власть над бедными осужденными после бунта в Алексинской воспитательной колонии 10–11 сентября 2011 года.

Официально признано судом, что причиной бунта было неправомерное применение спецсредств инспектором Сычевым – и в отношении его даже был вынесен обвинительный приговор. Как всегда в делах о садизме и пытках со стороны людей в погонах, суд проявил удивительную гуманность: по статье, предусматривающей лишение свободы на срок от 3 до 10 лет, он получил 4 года условно.

Бунты происходят от отчаяния и невозможности добиться прекращения беззакония цивилизованными методами – прокуратура по над-

---

Материал опубликован на сайте «Союза заключенных».

Постоянный адрес новости: <http://zeki.su/novosti/2012/3/28022015.html>

зору за исполнением наказаний не реагирует ни на какие тревожные сигналы и жалобы (в лучшем случае проводит формальные проверки и пишет формальные отписки) о насилии в системе ФСИН, а ОСБ УФСИН борется только с коррупцией, однако в случае жалоб на избиения и пытки действует по принципу «рука руку моет».

Однако руководство УФСИН решило тушить пожар бензином: после прихода нового начальства в областной аппарат УФСИН и перевода АВК на прямое управление центральным аппаратом регионального УФСИН, уровень насилия и издевательств превзошел все мыслимые нормы, среди наших детей было уже несколько попыток суицида. Исполняющим обязанности начальника учреждения был назначен некий Доброславский – сотрудник областного УФСИН, ныне переведенный на должность исполняющего обязанности ФКУ ИК-4 в городе Плавске Тульской области, обстановку ему в колонии урегулировать не удалось, так как из всех воспитательных методов он применял только избиения, унижения, ввод в колонию спецназа УФСИН «Гриф» и вывоз осужденных в СИЗО Тульской области опять же для избиений. Об этом писали тульские СМИ (newstula.ru/fullnews_51799.html ; newstula.ru/fullnews_51803.html). Но после не справившегося со своими обязанностями Доброславского на его место опять же в качестве временно исполняющего обязанности был назначен Полянцев, а его команда заняла должности врио заместителей начальника АВК, и тут началось самое страшное.

Дело в том, что после сентябрьского бунта в воспитательной колонии начальником Тульского УФСИН назначили господина Лещева, который пригласил к себе в заместители молодого майора Дениса Полянцева – генеральского племянника, потомственного фсиновца и отморозка, отметившегося пристрастием к избиениям заключенных еще на прошлом месте службы – в Ямало-Ненецком автономном округе. Полянцев в свою очередь захватил с собой в Тулу своего друга и ямальского сослуживца старшего лейтенанта Рвачева. Также в свою зондеркоманду Полянцев и Рвачев взяли Афанасьева и Ченского – людей, устроившихся на работу в УФСИН после того, как их уволили из тульской милиции по компрометирующим основаниям, среди которых было и исключительно жестокое обращение с задержанными.

По приходе в Тульское УФСИН эта четверка начала проводить «зачистки» всех тульских зон, сопровождая свои обходы и комиссии издевательствами над зэками и угрозами изнасилований и избиений. В зонах, где сидит 1000–1500 рецидивистов, эти угрозы большей частью так и остались угрозами, однако когда их откомандировали в АВК

«в связи со сложной оперативной обстановкой», они получили возможность безнаказанно воплотить эти угрозы в жизнь – ведь всего 70 детей в возрасте от 14 до 18 лет, содержащихся в АВК, не имеют ни денег, ни связей, ни юридической грамотности, ни жизненного опыта.

Эти четверо сотрудников, что называется, дорвались: в воспитательной колонии насилие и беспредел стали системой.

За самые малые нарушения режима детей избивали, унижали, угрожали сексуальным насилием, увозили наших детей без каких-либо причин в неизвестном направлении (как выяснилось потом, в СИЗО Новомосковска), где их опять же били, били. Когда к ним в колонию по фактам этого беспредела приезжали различные комиссии за показаниями, та же четверка заставляла малолеток молчать под угрозой сексуального насилия. Запуганные дети и рта побоялись открыть при виде людей из проверяющих инстанций, а те подошли к своей задаче формально и не организовали опрос осужденных в индивидуальном порядке, на условиях анонимности и при отсутствии местных сотрудников.

Нам же на длительных свиданиях они рассказывали обо всех происходящих ужасах со слезами на глазах! Анонимность нашего обращения обусловлена тем, что майор Полянцев обещал «сделать петухами» тех, от кого (или от чьих родителей) будут исходить жалобы. И знаете, у наших детей есть веские основания относиться к этой угрозе серьезно: Рвачев, например, очень любит сковывать детей наручниками и угрожать им своим обнаженным членом за отказ поднять флаг, убрать помойку или унитаза. Также постоянно наши дети сталкиваются с угрозами вставить какие-нибудь предметы в задний проход, окунуть в унитаз, облить мочой, прикоснуться гениталиями к лицу или к ягодицам – и все это в сочетании с избиваниями, сковываниями наручниками. Случаи попыток суицида были связаны с тем, что эти угрозы были выполнены, – для детской и подростковой психики сексуальное унижение особенно тяжелая травма, с которой она может не справиться.

От методов работы майора Полянцева в ужасе и недоумении даже другие сотрудники УФСИН, считающие их провокационными (www.pryaniki.org/view/article/8466; www.zeki.su/novosti/2012/2/01194022.html). Насколько известно, сейчас эту зондеркоманду планируется прикомандировать к ФКУ ИК-4 в Плавске, в помощь их единомышленнику по методам работы с осужденными Доброславскому.

Сейчас всей стране стал известен скандал в Казани – там сотрудники полиции пытали задержанных, выбивая признательные показания, практикуя помимо обычных избиваний еще и пытки сексуального характера. Семеро полицейских уже арестовано, но, судя по количеству

заявлений от потерпевших и по тем фактам, которые вскрыла проверка со стороны федеральных структур МВД и СКР, это не конец, ведь к ужасу всей страны пытки в полиции Татарстана оказались не эксцессом, а системой. Но почему потребовалась смерть задержанного от разрыва прямой кишки бутылкой из-под шампанского, чтобы власть начала реагировать? Ведь жалобы поступали и раньше, на судах люди заявляли о показаниях, выбитых пытками. Но все это игнорировалось, называлось клеветой и попытками ухода от уголовной ответственности. И только смерть заставила руководство силовых ведомств отреагировать и наказать палачей и отмороzków. Что, господа в больших погонах, вы будете ждать, когда и из наших детей кто-то умрет под пытками, и только потом реагировать?

Мы верим в искреннее желание власти гуманизировать систему исполнения наказаний. Но люди, руководящие нашей страной, руководящие ФСИН, должны понять – главное для этого даже не улучшение бытовых условий, а просто прекращение пыток. Любые случаи насилия со стороны сотрудников должны наказываться (тем более к детям, тем более с сексуальным подтекстом).

Конечно, пресечение побегов или массовых беспорядков, захватов заложников, нападений на персонал не просто допускает, но и требует применения силы. Но неужто уборка территории или подъем флага настолько важны для исправления, что за отказ заняться этим необходимо впятером избивать подростка и угрожать ему изнасилованием?

Прекращение пыток не требует денег, не требует времени – оно требует только желаний и воли руководства ФСИН и руководства страны. Чему еще надо произойти, сколько еще нужно смертей, самоубийств, поломанных судеб для того, чтобы в УФСИН прекратили набирать сотрудников, выгнанных из МВД по компрометирующим основаниям; чтобы с пытками боролась сама система ФСИН, а не вяло реагировала на требования общества, когда скрыть преступления уже невозможно?

Безнаказанность поощряет и только распаляет людей с садистскими наклонностями, и, только когда доходит до самого страшного, система вынуждена реагировать: в ручном режиме ставить заплатки, как в Ленинградской области, в Копейске, теперь в Казани. Но необходима последовательная, непреклонная, системная работа по искоренению пыток в силовых ведомствах – главное ведь профилактика преступлений, а не наказание за них.

Насилие порождает в ответ только насилие – тем более у детей, чья психика еще не сформировалась. ФСИН утверждает, что делает из ма-

лолетних преступников нормальных людей, воспитывает их. Но что в них воспитывают в колониях для малолетних преступников – озлобленность, привычку все разногласия решать путем насилия, страх перед сильным и издевательское презрение к тем, кто слабее. наших детей хотят полностью лишить самоуважения и представления о чести – их заставляют доносить друг на друга, избивать друг друга по приказу сотрудников, переступать через любые свои убеждения под угрозой насилия. Неужто вы, господа офицеры, не понимаете – человек, не уважающий себя, не может уважать ни других, ни общество, ни страну...

Господин Реймер, руководитель ФСИН России, недавно заявил, что АВК станет одной из первых ВК в России, преобразованных в воспитательный центр европейского образца в 2013 году.

Господин Реймер, учреждение европейским делает законность, отсутствие пыток и бесчеловечного унижительного обращения, уважение к личности преступника (но не к его преступлениям), формирующее в нем уважение к обществу, а отнюдь не пластиковые окна, металлочерепица и пол-ламинат. Однако постанова АВК на особый контроль областного УФСИН в связи с готовящимися преобразованиями обернулась лишь увеличением насилия и нарушений законности и прав человека.

Мы обращаемся к руководству ФСИН России и просим вас отреагировать на наше обращение и разобраться с ситуацией в АВК УФСИН РФ по Тульской области – это ведь и в ваших интересах: несколько садистов пачкают репутацию огромного количества сотрудников, честно и профессионально выполняющих свою непростую и нужную для общества работу.

Мы обращаемся ко всем неравнодушным людям в госструктурах, в СМИ, в правозащитных организациях: помогите нам, не дайте замолчать факты беспредела, не оставляйте нас и наших детей наедине с болью, унижением и горем!

Мы требуем проведения комплексной проверки в АВК и в центральном аппарате УФСИН по Тульской области с участием представителей отдела собственной безопасности ФСИН РФ, Прокуратуры по надзору за исполнением наказаний, общественной наблюдательной комиссии при ФСИН РФ, детского омбудсмена Павла Астахова, представителей Совета по правам человека при Президенте РФ и членов Общественной палаты РФ.

С уважением,
матери осужденных, отбывающих и отбывавших наказание
в Алексинской воспитательной колонии.

Максим Громов

Тюремные рассказы

Баня на Матроске

Вообще это была не баня, а душ.

В банный день, который полагался через пару дней после того, как я оказался в новой камере, нас повели в душевую в другом конце коридора. Сначала небольшой предбанник, что-то вроде раздевалки, с одной раковиной, как в школьных туалетах. Далее вместо унитазов три или четыре душевые кабинки. Синий кафель, открытое окошко в стене напротив входа, только зарешеченное. Ну точно как в школе. Но вместо туалетных кабинок душевые.

Едва я вошел в душ, сразу заметил, что порог поставлен достаточно высоко. Не знаю, может, это было специально, но водосток в душе работал очень плохо, и вода уходила медленно. А разойдясь по всему полу, включая предбанник, поднималась выше щиколотки, но тем не менее не уходила в коридор.

Вода, конечно, радость большая, тем более в жаркой камере. Кабинок было в два раза меньше, и мы по очереди менялись. Сначала мылись, потом подходили под душ, все как в обычной бане без парилки.

Наша камера была первая в коридоре, и мы шли обычно в душ первыми. Душ был сухим и еще не запаренным. Если, конечно, конвойные не начинали с того конца коридора, что как-то раз случилось. Тогда мы зашли уже в запаренный сырой душ. Мыло и полотенце с мочалкой, сменное белье в пакете, бритвенные принадлежности. Брился я всегда, несмотря на небольшую бороду, которая очень удобна в тюремных условиях. Но правку все равно надо было делать. Шею и немного щеки надо постоянно брить. Все это делать лучше на распаренное лицо.

Зеркала – вот не помню, были ли вообще, все обычно брились на ощупь. Что там в клубах пара разберешь?

Старые эски в бане всегда сразу начинают шутить.

«Раньше заходили в баню, и, если не прикроешь задницу ногой, можно запросто девственность потерять. И не вздумай за мылом нагнуться, если уронишь, также можешь “отъехать”, быстро кто-то может пристроиться сзади».

«Молодой эск – первоход заходит в баню, мыло выскользнуло. Сразу с разных углов раздается – “О, отъехало!” Старые эски, кто был поближе, кидались к мылу. “А мне не запахло, мне пригодится, я не гордый”, – шутили старые мужики».

Разумеется, терли друг другу спины, делились мылом и станками.

В конце помывки заходил конвойный и кричал, что пора заканчивать. Все начинали вдвое быстрее намыливаться и отмываться. Время всегда давали впритык, и помыться должны были все камеры, а их пара десятков на продоле.

Все начинают одеваться во все чистое, кто-то уже постирал и приготовил сменное белье, кто-то еще будет стирать.

Помывшись, мы так же под конвоем шли в хату.

В первый раз, когда мы шли из бани в камеру, меня спросил Володя: – У тебя как со вшами? Ты не подумай, здесь ничего нет зазорного, надо просто курсануть что и как.

– Да вроде удавил, а так бывает, но вот мылом дегтярным помылся...

Ко мне подошел Химик и, смеясь, показал на моей свежей футболке прямо на груди ползущую вшу. Это из-за мыла, загнанного мне ребятами первой же передачей, его запах вытеснил вшу наружу.

Тут же Химик мне стал объяснять, как выводить вшей. Для этого надо было вскипятить полный тазик воды, можно покрошить мыла, если стирка, тем более дегтярного – это вообще отлично. Мыло обеспечивало быстрое намочение одежды, и вши погибали сразу. Потом закрыть тазик на полчаса, тогда гниды успеют созреть и выведутся, и тут же, разумеется, погибнут.

Это была первая ночь, которую я проспал хорошо, гнид не осталось, и сон был очень спокойный.

Так благодаря Химику я стал спать крепко, стирая таким образом почти ежедневно свою одежду и простыни до декабря месяца, пока нас не перевели в осужденку. Хата была старая, и на меня накинута целая армия клопов, но вши меня уже более не беспокоили. И всегда я вспоминал Химику с удовольствием и с благодарностью. Еще я не скоро встречу зэка, который тоже ловко знал, как с ними бороться.

Это будет один древнейший зэк из Екатеринбурга. Но это уже случится в конце зимы, он добавит к моим знаниям мудрость, что на одежде швы после стирки надо смазывать хозяйственным мылом. Точнее промазывать. Тогда вши не могут зацепиться за швы. Так надо делать перед этапом, чтоб в столыпинах и автозаках не мучиться.

Хакер

В конце августа к нам в камеру втокнули новенького. Он был худощавый, от чего казался высоким, совсем молодой. Всех немного удивили его длинные, вьющиеся, русые волосы, достающие до поясницы. Он с порога представился Константином, фамилия его была Василевский. Константин смотрел, как и все первоходы, слегка испуганными, широко раскрытыми глазами на нас. Видно было сразу, что наша камера была первая в его жизни. Только с Петровки.

– Ну, что встал? Заходи, – сказал ему Саид.

Он неуверенно прошел, ему показали на крайней шконке второго яруса единственное свободное место. Он положил на место матрац, положил на дубок кругаль и шлемку и тихо присел за стол рядом.

Я заварил ему двойной бож-пакет, вытряхнул из банки остатки тушенки. Кто-то заварил чифирь. Его накормили, он попробовал глотнуть чифирь и сморщился с непривычки. Но продолжил пить, делая вид, что ему каждое утро и перед сном мама заваривает с детства.

Ощувив тепло и слегка захмелев с чифиря, он явно отошел от первого шока и испуга перед неизвестностью, щеки у него порозовели. Стали знакомиться.

Он рассказал немного о себе. Что закрыли его по ошибке и обвиняют в каких-то компьютерных махинациях. Что-то где-то он взломал или кто-то взломал, а на него свалил.

Правду он не говорил, видимо, не доверяя нам. А может, сам верил в свою невиновность искренне, как и основная часть арестантов, тем более первоходов.

Пообщавшись с ним немного, я сделал вывод, что если он не ребенок по развитию, то подросток точно. Многие зэки страдают инфантильностью, но это уравновешивается наблюдательностью, знанием

практической психологии, привычкой выживать. А у Константина это было очень сильно выражено и не уравновешено ничем.

В камере его прозвали Хакер.

То, что он не говорил сначала правды, я списал на осторожность и некоторое опасение, что в камере может быть стукач, который впоследствии мог бы сдать его следствию. Но он не только не говорил правды о своей делюге, о которой его спросили только при заезде. Он не говорил правды вообще или говорил ее настолько мало, что невозможно было понять, где его маленькая правда, а где ее нет. Это было плохим признаком.

Хотя я более склоняюсь к тому, что говорил он неправду скорее как ребенок-сочинитель. Он просто рассказывал фантазии свои и фантазии, вычитанные им из Интернета. Просто ему веселее было в этом выдуманном им мире. По-моему, Корней Чуковский писал, что если детям не читать сказок, они будут их выдумывать сами. Так и было с Костей-Хакером, который быстро ушел от книжек в Интернет, пропустив Марка Твена, Жюль Верна, отца и сына Дюма, Горького, а за ними Шекспира, Гюго и других романтиков-классиков, которыми зачитывалось большинство моих ровесников в подростковом возрасте. Он эти имена, несомненно, слышал, но не помнил, кто и что из них написал.

Его «несло», и он перебарщивал во многом. Арестанты этого не любят и воспринимают это обычно как угрозу. Но его, видно было, не боялся никто, ну живет он в своем, придуманном, мире и пусть живет. У каждого есть свой мир.

И Хакера никто из арестантов не останавливал. Тюремный закон – пусть делает что хочет, если это не во вред общему. Да и вообще в камере развлечений всегда мало, и подобные рассказы развеивали скуку, считали, видимо, арестанты. И ему самому нравилось, что его слушают. Мне не была приятна эта общая забава, я предчувствовал, что добром это все не кончится, но вроде все было спокойно. К нему никто не цеплялся, за слова не предъявлял, издевок не было. Отношение людское, и я быстро успокоился.

А он, развлекая всех, рассказывал о компьютерах, Интернете, как он раз работал на спецслужбы или на Министерство обороны в каком-то подмосковном секретном бункере в течение года безвылазно. Выходить оттуда было запрещено. Связь с внешним миром также была закрыта, соответственно, никакой почты по Интернету, только письма на а/я номер такой-то в конверте без марки. Под конец года основные вольные продукты были съедены. И ему с коллегами пришлось есть

тушенку пятидесятих годов выпуска и курить сигареты «Друг», популярную в СССР марку.

Еще все посмеивались над его длинными волосами, советуя побриться наголо, как все. Но он был уверен, что со дня на день его выпустят под подписку и он никогда не вернется в тюрьму. Поэтому с волосами, которые растил много лет, расставаться не собирался. Благо вшей в камере благодаря Химику не было.

Никто, в общем, не настаивал, философски наблюдая за молодым сокамерником. Зэки судят не столько по тому, что говорит сокамерник о себе. А по тому, как говорит. По характеру мышления и выводов. По взглядам и оценкам на различные темы. Это, наверное, расскажет любой психолог-студент. Но тюрьмы и лагеря кишат психологами-практиками. Хотя в большинстве своем они не смогут как-то сформулировать и упорядоченно рассказать об этом. Как и не каждый, наверное, дворник, десятилетия проработавший на своем участке, сможет написать ясную книгу о том, как мести улицу и под каким углом держать метлу.

Пытаясь отфильтровать что-то из сбивчивых рассказов Хакера, я составил для себя некоторое представление о его жизни.

Как я понял, он был единственным сыном у одинокой матери. Об отце он не упомянул за все время ни разу. Не знаю, кто была у него мама, но делала она для него многое. Например, компьютер у него появился, когда ему было одиннадцать. Прикинув, я подсчитал, что это было в середине девяностых, в разгар кризиса, когда о компьютере среднестатистический школьник не мог даже мечтать. До этого он был уже знаком с компьютерами, могу предположить, что бегал по компьютерным салонам, тогда они уже были. Может, мама работала в этой сфере, на богатого человека она не была похожа, судя по тому, что Константин сидел, а не был выкуплен.

Судя по поведению, он, видимо, никогда физически не трудился и вообще мало общался, если вообще общался, с коллективом. Он знал, конечно, что нужно делиться, спрашивал, сколько и чего дать на общее, но сверх этого «положенного» делиться не собирался. То есть чувства взаимовыручки или просто что-то сделать просто так, от сердца, ему в голову не приходило.

А с тех пор как у него появился компьютер, он, видимо, окунулся в него с головой. Засыпал и просыпался за ним. Мама помогала развиваться сыну в этой сфере, видимо, не жалея денег.

Мать его явно любила и все прощала, он был избалован, о чем косвенно свидетельствовали его разговоры с ней по «трубе», которую

нелегально затаили эски. Говорил он резко и грубо, иногда переходя на жалобный голос, каким дети просят что-то вкусное у родителей.

Звонил он только ей, и было понятно, что друзей и подруг у него не было. Я знал таких ребят, у которых жизнь в виртуальном пространстве полностью вытесняла обычную жизнь, куда они иногда вынужденно заглядывали, брезгливо озираясь, как в вокзальном нужнике. Все друзья у них там, любимые девушки, с которыми они там же и видятся, там же и недоброжелатели, там же и враги. Там у них всё.

В итоге, когда к нему пришел УБЭП и выключил компьютер, он остался совсем один, без средств и возможностей к нормальному существованию. У него отняли возможность позвонить кому-то и попросить о помощи.

Неприятно, конечно, было наблюдать, как он звонил по полуразвалившемуся сотовому телефону и жаловался, а иногда начинал краснея кричать:

– Деньги?! Х.. ему, а не деньги!!! Гони его в шею, он меня сдал и теперь еще деньги просит...

Мы что-то тихо говорили с Юрой-Химиком, я стоял на шнифтах, он, по обыкновению, что-то готовил на «мамке». Кажется, какое-то безумное варево, которое Юра называл «тюремным пловом». Соя из баланды, обжаренная на сале из передачи, с морковью, с луком и чесноком. Потом туда Юра досыпал мелко покрошенную вермишель из бомж-пакетов. Перемешать все – и «тюремный плов» готов.

Юра готовить умел даже из столь скромных продуктов, половину из которых продуктами можно было назвать лишь условно. Получалось на удивление вкусно, хотя во время готовки меня терзали смутные сомнения, что из этой игры в помойку ничего дельного не выйдет.

Хакер слонялся по хате неприкаянный и потерянный. На него никто не обращал внимания, все были заняты чем-то, и было не до него. Я поговорил с ним о чем-то и ни о чем, предложил попить чаю. Но он явно был каким-то потерянным.

Он что-то бубнил себе под нос и смотрел вокруг блуждающим взглядом. Мне показалось, что он заболел. Ведь, наверное, он впервые за много лет, точнее, за всю свою сознательную жизнь, был лишен матери и компьютера более чем на несколько часов. Подобно ребенку, оторванному от материнской груди, он не плакал лишь потому, что уже начал понимать – слезы здесь не прокатывают.

Мне по-человечески стало его немного жаль. Я понимал, что попал он, как и я, в чуждый для себя мир, и мне захотелось его немного обо-

дрить. Я что-то пошутил, он вроде засмеялся и будто действительно ожил. Но ненадолго.

Потухая окончательно, он отвлеченно, как бы между прочим, обратился ко всей нашей немногочисленной хате из восьми человек: «Ребята, если я чего-нибудь завтра не то скажу, не обращайтесь внимания».

Все вопросительно на него посмотрели.

– А почему именно завтра? – не удержался Саня.

– А завтра у меня день рождения, – печально сказал он.

Немногословный Эдуард не выдержал и усмехнулся.

– Ну, ты прямо как ослик Иа из мультфильма.

Все засмеялись.

– Ложись спать, утро вечера мудренее.

Хакер полез спать к себе на шконку. А камера начинала жить своей обычной ночной жизнью. Потекли «дороги», побежали «кони», началась точковка (регистрация писем тюремной почты), в общем, обычная жизнь тюрьмы, именуемая «движухой». Подлинная жизнь тюрьмы, которая начинается после двадцати часов, когда администрация тюрьмы уходит домой, а остаются только простые надзиратели.

Протусовавшись ночь, парни рано утром, пока еще Хакер спал, достали с «общака» сгущенки и еще чего-то. Печенья, сухарей, у кого-то были орехи, у меня лимон, пара яблок и плитка шоколада. Из этого сделали хитроумный тюремный торт. Не помню, что там было, я даже вкус не особо понял. Помню только, что он мне показался несколько приторно сладким. Но я тогда вообще сладкое не очень ел. Сделали какие-то примитивные из печенья и хлеба коржи или куличи. Как-то скрепили все тюремным маргарином. Сверху его посыпали крошкой от печенья и шоколада. И убрали торт пропитываться кремом из сгущенки до следующего дня.

День рождения

– С днем рождения, Константин! – поздравил я его после кого-то из ранее проснувшихся.

Я лег ближе к полудню, намного позже других, смотрел новости из Беслана, где, оказывается, вчера начался штурм. С экрана по разным каналам все утро кружили вертолеты, из танков и гранатометов рвали и жгли школу. Школа огрызалась автоматическим огнем, изрыгая из себя тела окровавленных детей. Между двумя огнями акушерами металась альфовцы, принимая брызгами **кровных** братьев и сестричек из адской утробы горящего спортзала. А танки палили, трещали ПКТ, металась взрывами мины и снаряды, чихали гранаты, солдаты бегали,

дети молчали и кричали, родители плакали, строем выкладывали где-то трупы и трупики. Подъезжали и уезжали «скорые». Выглядело все кровавым беспорядком большой операционной...

Последующий сон был таким же бредом, и я с облегчением проснулся и тут же вспомнил, что нужно поздравить Хакера. Мне еще по очереди оставалось спать часа три-четыре, потом заступать на шнифты, так что я еще собирался поспать, воздав имениннику должное.

Костя сонно разулыбался.

– Спасибо, Макс! – сказал он и повернулся по-детски на другой бок, продолжал лежать, не желая подниматься, хотя и явно выпался. Время было уже часа четыре, когда стали все просыпаться и поздравлять по очереди Хакера. Умывшись и приведя себя в порядок, мы заварили чифирь. Достали конфет, печенье, и еще что-то было вкусное.

Поздравляли, желали, как всегда, воли. И того, что сам себе пожелает. В общем-то, все, что заключенные желают заключенным в тюрьмах и лагерях на территории всего бывшего СССР. А может, и в тюрьмах всего мира.

Я пытался чифиром не злоупотреблять и, немного посидев для приличия, пошел досыпать.

Проснулся я уже вечером, часов в девять или около того, мне нужно было уже заступать на тормоза. И меня почему-то против обыкновения никто не разбудил. На улице было уже сумрачно. Но проснулся я не от того, что выпался. Просто в камере было какое-то напряжение. Которое ощущается сразу всеми, даже спящими. При этом никто не шумит, не ругается, мусора с обыском не ломаются. Просто в камере накаляется обстановка до такой степени, будто сейчас начнется бомбардировка. Пахнет если не смертью, то ее холодом.

– Смотри, Политический, что Хакер рассказал только что.

Я вопросительно на него глянул. Он как-то растерянно улыбался и потупил безумно горящие глаза.

– Так, что? – ничего не понимая, спросонок спросил я.

– Он сейчас нам рассказывал, как его две девки изнасиловали, – сказал Саня.

– Что за бред? Как изнасиловали, чего вы болтаете?

Я действительно не понимал, что происходит. Просто разыгрывали меня? Или... Но нет, слишком серьезные заточки хоть и у молодых относительно, но сидевших с малых лет блатных пацанов. Несмотря на ухмылки, видно было, что тут не до шуток.

– Как он их изнасиловал? – переспросил я.

– Да не он их, а они его, – сказал усмехаясь Саня.

– Такое бывает? – спросил я.

– Теперь да. Он говорит, что они его чем-то напоили, а потом он проснулся связанный. И они обе сели на него. Одна на член, а другая на нос.

Я с недоумением посмотрел на самоубийцу.

– Так и сказал?

– Ну да. Он до этого начал говорить, что с двумя бабами спал. Я вижу, что он с чифира немного не в себе. Ну и говорю ему, мол, стоп, не наговаривай на себя, приляг, отдохни. Он сначала замолчал, а потом опять начал. Мол, две бабы изнасиловали раз. Я его тут переспрашиваю. Стоп-стоп, ну-ка с этого места поподробнее, пожалуйста. Ну, он и рассказал. Когда мы стали угорать над ним и он понял, что что-то не то взболтнул, начал отмазки лепить. Мол, это рассказ, и он его написал и вывесил в Интернете.

По виду Хакера было видно и понятно, что он не то что двух, он и одной-то женщины не видел живьем обнаженной. Но что тут скажешь, человек назвался сам, а слово не воробей, полезай в кузовок, значит, отвечай за слова...

– Вот и день рождения отметили, – сказал Саид. – Очень весело, я еще никогда и ни у кого не отмечал так дни рождения, как сегодня. Просто зашибись. Сколько тебе исполнилось-то сегодня, цыпочка?

– Девятнадцать, – ответил Костя.

– Ну все. Давай, Хакер, снимай матрас и ложись спать. Отдохни, ты сегодня больше никому не понадобишься.

Димка с Саней и Химиком цинично, по-зэковски, заржали. Мне, правда, было не до смеха. Я впервые был свидетелем того, как человек внезапно из личности превращался в ничто. Не в моих, конечно, глазах, а в глазах навязанного ему коллектива. К которому его насильно посадило государство, посчитав это худое нескладное создание для себя опасным. Впрочем, как и меня.

Только меня оно сажало умышленно, чтобы раздавить. А от него-то чего оно хотело? И президенты говорят в новогодних и других обращениях о «Великой России» и что это «Родина», которую мы обязаны в их лицах непременно «любить»... Да вот попробуй любить все это, глядя на потухшие глаза Константина, который обнаженную женщину-то видел, наверное, только на мониторе компьютера или на обложке журнала с развалов, если вообще выходил после окончания школы на улицу.

Дальше Хакер покатился по наклонной. Матрас ему пришлось постелить на пол. Но не возле параши, в окоп, куда обычно ложатся «оть-

ехавшие» и «пидоры», а с противоположной стороны. Окопа как такового у нас не было, там стояла тумбочка, рядом розетка.

Менты, первое время усмехаясь, спрашивали на проверках:

– А что он не на шконке?

– А, гражданин начальник, он падает.

– Ну, постелите ему на нижнем ярусе...

– Он и оттуда падает... постоянно падает... каждый день все ниже ложится.

– Понятно, – доходило до инспекторов.

Саид

Саид был коренной москвич. Блондинистый татарин. Таких потом, уже в Башкирии, я видел множество среди офицеров и эзков. Не знаю, как его родители, но он родился и вырос в Москве. Он был мой ровесник. Судя по складу ума, родители были какими-то инженерами или техническими специалистами. В нем было заметно советское воспитание. В детстве ему читали те же книжки, что и мне. Всесторонне развитый парень. Но лихие девяностые с преступной романтикой сделали свое дело, он пошел по «воровской теме».

Жил он, придерживаясь общих «воровских» понятий. Его этапировали на пересмотр дела. Саид отсидел уже почти два года, оставалось еще где-то год, и он рассчитывал, что его «нагонят» прямо в зале суда.

Приехал он из Саратова дико обозленный. А мы в свою очередь, зная, какое там положение, относились с пониманием к его раздражительности по пустякам. Хотя если быть объективным, то он еще был в порядке. Гораздо более обозленных мне довелось видеть в последствии уже в Уфе. Да и на централах таких немало. Все, кто был в таких зонах, выходят одичавшими, готовыми сорваться на кого угодно за любой поступок или даже неосторожно сказанное слово. Тем не менее он был на коррумпированной зоне, где за деньги можно купить спокойную жизнь, чем он и пользовался. По его рассказам, он просто в основном занимался «железками».

Ел с утра мюсли с молоком – и на спортугол. «За меня проплачено было, и никто особо меня не беспокоил, – рассказывал он. – Но были разные уроды-провокаторы, которые очень любили кровь попить. Сядут рядом и начинают провоцировать на драку или еще как...»

Впоследствии, сравнивая его рассказы с тем, что я увидел уже в Уфе, Саид стал мне очень понятен. Ненависть к ближнему для многих преступников была единственной отдушиной в заключении. Админи-

страция поощряла конфликты между осужденными, и, как правило, наказывали вместо провокатора его жертву.

Познакомившись поближе, я заметил, что Саид еще постоянно жаловался всем на неволю. Что нет его любимой машины, которой не видел почти два года, что давно не играл в бильярд, который любил, что нет его любимой подруги, которая его ждет. В общем, сплошной дискомфорт. Разумеется, он не перебарщивал, но стоило заговорить на эту тему, как он сразу подхватывал разговор. Он просто тосковал. Эту болезнь у многих я наблюдал, как и за собой, не в самые лучшие моменты. В православии это называется «уныние».

Интересно, что его зона располагалась вплотную к «тринашке», где сидел Лимонов. Он смеясь рассказывал, что видел с какого то пригорка, со своей «двойки», где отбывал сам срок, как «Эдик откидывался, вся зона сбежалась смотреть».

Раз кто-то опять упомянул легкомысленных женщин, увиденных по телевидению. Девчонки в шортиках-бикини танцевали в заставках какой-то викторины.

– Такие бабы моментально ноги раздвигают, – сказал убежденно Саид, – стоит только руку протянуть. Если они так рогатки задирают перед всеми, значит, и в жизни себя так ведут. Так ведь, Революция?

Я пожал плечами:

– Не знаю, никогда не обращал на такие вещи внимания, – наверное, дело не в танцовщицах, а в том, что у них в головах творится, и уровне нравов.

– Ну если не все до одной, то почти все. Да, у них с нравами совсем плохо. Вышел бы, столько баб перетаскал бы! Только, конечно, вот подруга... Если бы сюда хоть одну, – мечтательно протянул Саид.

– Да, бабу, конечно, все бы попользовали, кроме Политического, – сказал Саня смеясь.

– А что, Политический разве не человек? Согласись, если тебе пригнать сюда красивую корову, то тоже не отказался бы.

Я ответил на шутку шуткой, потому что не люблю подобные разговоры. Сказал, что берегу свою девственность для жены, тоже девственницы, чтобы все плотские радости познавать вместе.

Обычно зэки смакуют такие разговоры и затягивают надолго. Они выглядят немного сумасшедшими, плавно переходя на такие вопросы: есть ли под мышками у твоих подруг волосы или бреют ли они между ногами? Тяжелый юмор – неотъемлемая сторона камерных разговоров.

Но тут Саня влез в разговор и в шутку и всерьез сказал тихонько:

– А ты попробуй Хакера крутануть, вон лежит и мечтает о чем-то. Может, Саид, о тебе...

Все тихо засмеялись, потому что Константин лежал на матрасе уже не первый день, неотрывно глядя в потолок.

Саид тяжело сказал:

– Бля, я Ленку люблю, даже не знаю...

– Да ладно, Саид, что ты как в первый раз прямо, – сказал Саня, сразу поняв, что Саида надо просто уговорить, только поднажать немного.

Все невольно обернулись от телевизора и глянули на ничего не подозревавшего, спящего у себя на матрасе Константина. Он, став изгоем, постоянно пребывал все в том же созданном в своем сознании мире и ничего не замечал вокруг.

– Давай, давай, Саид, – подключился Дима, – смотри, какой у него рот рабочий, грех его оставлять без дела. Все равно он этим кончит с такой шевелюрой. Давай, это же мечта поэта!

Саид в нерешительности и сомнении стал поглядывать в сторону Хакера. Но, скидывая с себя всякие мысли, отворачивался.

За Саидом и Хакером наблюдала вся хата, посмеиваясь. Правда, мне это не понравилось, и я еще надеялся, что Саид не станет заниматься подобной ерундой.

Саид долго еще сомневался, но через пару часов Саниных уговоров похоть взяла верх, и он принялся за дело.

Телефон Хакеру перестали давать еще после дня рождения. Он не мог понять почему. И пытался спрашивать об этом блатных. Сначала они просто говорили, чтобы отстал, мол, занят пока или ждут звонка. Потом начали просто игнорировать. Вот за эту нитку Саид и взялся тянуть.

– Слушай. Вот смотри, в хате тут от всех есть польза. Этот на дороге стоит, мы малявы разгребаем, Митя дороги плетет. Химик татухи бьет и рисует «марки» отлично. Политический, и тот на шнифтах стоит. Единственный, кто ничего не делает, – это ты. Лежишь балластом и все.

– Но я оплачу звонок...

– С оплатой пока нужды, как видишь, нет. Что ты можешь предложить, в чем есть необходимость? Налички у тебя нет, у тебя вообще ничего нет.

– А что я могу сделать, чтобы тоже польза была? – спросил наивно Костя.

Вот этого вопроса Саид как раз и ждал, подводя всячески его к этому.

– Ну, например... ну, пойдём я тебе объясню, например.

Саид вылез из-за стола. И подошел к Хакеру. Мы с Юркой находились рядом. Юрка, как всегда, что-то готовил, а я, как всегда, стоял рядом на шнифтах. И диалог их мы слышали полностью. Остальные эзки хоть и болтали о чем-то, но все равно с любопытством искоса поглядывали в их сторону. Зная заранее, о чем идет речь.

Я, отсидев всего месяц и не понимая всего, услышал, что ему предлагает Саид и начал объяснять Юре, что не надо парню ломать жизнь и надо Саида урезонить. Зачем это ему – ради пяти минут удовольствия портить человеку жизнь?

Саид не грубо, но настойчиво предлагал Хакеру, чтобы тот удовлетворил Саида, взяв член в рот. Хакер отказывался, но отказывался как-то невнятно и жидковато.

Я шепнул Химику:

– Юрик, это что такое, он же не понимает ни фиги! И так у плинтуса лежит. Он же больной на всю голову.

– Макс, что ты, успокойся. Эти люди живут в другом измерении. У них, в отличие от тебя, другие жизненные ценности, как и восприятие. Для него что в рот взять, что чай попить – одно и то же. Он еще жить во многом лучше тебя будет, в несколько раз. Это всё другое поколение, другая порода, другие во всем. Ты просто не сталкивался с ними никогда и поэтому не понимаешь. Главное, его никто неволить не собирается, подожди немного, он сам согласится. Он скоро от этого сам кайф будет ловить. Его что, насилует кто-то? Просто подводят к тому, чего он сам, может быть, хочет. Согласится – хорошо, нет – еще лучше. Поверь, я за несколько лет видел таких, как он, – работающих механически «каской»... Повторяю, не захочет – не возьмет. Здесь же не беспрельдешники какие собрались.

Минут через двадцать Саид с Хакером удалились за ширму дальняка.

Для меня это все равно был шок. Одно дело слышать о таких вещах от разных других эзков, другое – быть свидетелем подобного. И, как ни странно, это часть бытовухи, часть той жизни, которая происходит в тюрьме каждый день. Она принимает разные формы, но, по сути, невыносима для восприятия нормального человека.

Я, потрясенный, попросил Юрку подменить меня на шнифтах. Заварил себе кружку, насыпал сахар и сел, задумавшись, ждать, пока он слегка остынет. Совсем горячий я не пью.

Дима, выросший на малолетке, видя, как я воспринял происходящее, как-то вдруг по-дружески сказал:

– Политический, ты не принимай так близко к сердцу. И вообще, пусть это в твоей жизни будет самое страшное, что придется пережить.

Спасай тех, кто, по крайней мере, тебя просит об этом, это первый признак, что действительно человеку нужна помощь. Вот, например, помоги мне, мне столько всего надо.

– Я, Саня, не «скорая помощь», – сказал я, уже смирившись и в чем-то согласившись с парнями.

Я допил чай и вернулся к шнифтам. Те двое все не выходили из-за ширмы. Оттуда периодически доносилось звуки, полусшепотная и не-терпеливая ругань Саида: «Не так! Не так!» – «Языком?» – «Да, языком... не так!!!»

Арестанты еле сдерживали смех. Я попросил включить телевизор погромче.

Вдруг раздался грохот тормозов. Открылась кормушка, и я встретился глазами с инспектором. Тут же подошел Юра, инспектор назвал фамилию Саида. Саид откликнулся из-за ширмы. Надзиратель сказал, что он завтра «судовой» и ему завтра на суд ехать в семь. И исчез. Многие опять заготовали.

Из-за ширмы вывалился вспотевший Саид:

– Бля, хорош ржать, весь кайф ломаете, я уже полчаса из-за вас кончить не могу! Базарьте потише!

Все опять ухмыльнулись. Саид опять исчез за ширмой...

На мой взгляд, тот мальчик не осознал, что живет не в виртуальном мире. Что жизнь и все, что к ней прилагается, это не навечно. Жизнь нельзя вернуть, перезагрузив как игру, и в жизни нет, как на клавиатуре компьютера, сочетания кнопок Ctrl+Z.

Разумеется, Хакеру телефона не дали. Через несколько дней его дернули с вещами, и я его больше никогда не видел. Впоследствии я был свидетелем многих других ошеломляющих сцен. Ужасных и кровавых, но меня уже ничто не напрягало так, как эта, для меня нелепая и нелогичная, история, увиденная собственными глазами.

И на все я уже реагировал более спокойно.

Да и потом я, проанализировав Костю-Хакера и его поведение, подумал, что, по-моему, он совершенно вне тела своего был: как ты пользуешься прихваткой или обувью, когда надо, так у него тело вроде спецкостюма или скафандра, необходимого в этой среде.

Люди, которых по беспределу насилюют, переживают очень сильно, а многие сразу кончают жизнь самоубийством. А этот нормально – отряхнулся и пошел...

Уже в лагере у нас был дневальный из другого отряда, «пинч» (обиженный), который занимался уборкой в туалете отряда. Так вот, его еще на централье чурки изнасиловали в тюрьме, он был дорожник и

спалил «маляву». Этот дневальный впоследствии не стал заниматься подобными вещами. А Хакер наверняка – и потом, получив срок, или пока еще был под следствием – стал жить этим ремеслом. Потому что не видел в этом ничего страшного для себя. За это ему будут платить сигаретами, сладким и сытым.

Один согласился добровольно, второй был подвергнут изнасилованию, в этом и разница.

Так что со временем равновесие по отношению к этому случаю у меня восстановилось, и я особо не переживал.

У меня закончилось ознакомление с материалами уголовного дела. И нужно было готовиться к процессу.

Конец этапа. Уфа

Уже почти совсем стемнело. Мы по очереди сыпали под краткие команды из «столыпина», на край перрона. И сразу садились на корточки, ставя перед собой баулы, опуская руки на голову. Так, сидя друг за другом гуськом, мы ждали, пока нас пересчитают. Конвойные вели себя очень сдержанно и непривычно тихо, почти шепотом, отдавали прерывистые, редкие и короткие, но привычные приказы: «Руки за голову, баулы перед собой», «Друг за другом», «Смотреть только вниз».

Я еще сотни тысяч раз буду слышать эти и подобные приказы, но никогда и никто так тихо их не произносил. Паузы были какие-то продолжительные и многозначительные. Ощущение – будто нас привезли на место казни... Хотя в итоге так оно и было, только казнь растянута на годы. Обычная казнь – это отделение души от тела. Здесь несколько иное – длительное отделение души от тела. Затем ритуальное ее убийство, потом такие же ритуальные, но очень длительные похороны души или части ее на протяжении всего срока. Только этого я пока не знал, только чувствовал.

Менее чем в десяти метрах, правее от вокзала, к нам повернулась пара молодых и красивых супругов. Он одет в строгий костюм с белой сорочкой, а она в какое-то праздничное вечернее, кажется, розовое с красным платье, похожее на свадебное. По всей видимости, встречали или провожали кого-то. Наверное, встречали.

Им было на вид лет двадцать пять – тридцать. Они молча наблюдали за нами. Любопытство и в то же время полное понимание происходящего. И никаких комментариев. По крайней мере, пока я посматривал на них исподлобья. У нее в руках были цветы. Цветам я, помню, невольно улыбнулся.

«Встречают цветами, – усмехнулся я. – Ну, что ж, здравствуй, Уфа!»

Город, с жителями которого я буду разговаривать каждый день. Небо, осколки которого я буду видеть каждый день сквозь щели щитов на окнах или вглядываясь через дыры шифера прогулочных дворишков ШИЗО-ПКТ. Город, запахом промзоны которого я буду дышать каждый день. Находящиеся в объятиях этого города лагерные, в которых я буду находиться круглые сутки. И город, которого я так и не увижу до самого своего освобождения.

И спустя ровно два года два месяца и две недели меня встретят у ворот лагеря Гриша с Колей. Отвезут меня в аэропорт. Откуда самолет меня поднимет и, дав круг почета, даст возможность осмотреть бегло этот город. Город, где я оставлю или даже похороню часть себя и своего сердца. И который совсем не заметит моего исчезновения...

Но я сидел и смотрел на молодых и счастливых людей, а они смотрели на меня. Это были последние живые вольные люди и вместе с ними – осколки воли, вольного ландшафта, которые я успел заметить, глядя на здание вокзала с экзотической над крышей надписью – «ЭФЭ».

Конвойные без суеты продолжали разгрузку эзков, не обращая внимания на единственных зрителей этого печального представления.

Судя по выражению их лиц, они явно не были простыми обывателями. Лица у них были изучающими, ни веселья, ни развлечения в них не было. Подобные лица у людей бывают, когда они сталкиваются со случайной смертью на улице. ДТП с трагическим исходом или что-то подобное. Но явно не впервые такое видят. Первый испуг остался при первой встрече со смертью, а это – второй раз.

Самих лиц я не помню, но хорошо помню их глаза, с нахмуренными слегка бровями. В такие моменты люди, наверное, чувствуют некоторую свою уязвимость и, становясь суровее, пытаются подтянуться. Но в то же время испытывают ощущение чего-то большего, что над нами и сильнее всех нас в тысячи, а может, в миллионы раз. Что не обманешь и не обведешь.

Нас повели к «воронку». И я пошел своим путем, а молодые, проводив наверняка нас взглядом до люка – двери автозак – и подождяв, пока мы все утонем в этом автомонстре, отправились по своему, счастливому пути.

Через полчаса автозак нас привез на Уфимский централ...

Екатерина Матвеева
История одной эзчки
 М.: Corpus, 2010. 702 с.

Алексей Мокроусов

Одна страна, два языка, две географии

Человеку, лишенному лагерного опыта, тот представляется невыносимым. Но, наверное, самое страшное в лагерной жизни – не то, что было *там*, а то, что наступает *после*. Вырвавшемуся из ада неволи невозможно передать свой опыт другим. Но его невозможно и носить в себе.

Героине романа «История одной эзчки» после освобождения снятся сны. Даже пробуждение не освобождает из плена прошлого.

«Огненный шар, ослепительно переливаясь голубовато-сиреневым светом и вибрируя лучами-щупальцами, на мгновенье завис над Надиной головой, как бы позволяя рассмотреть себя, затем резким скачком взмыл ввысь и понесся в сторону, к востоку, где чернели в ночи отроги Уральского хребта.

“Что это? Что за диво такое? Сейчас оно перелетит Урал и появится над Лабитнанги и Салехардом, там его непременно заметят, возможно, и определят, что за диковинное чудо!” – подумала Надя.

Вдруг раздался выстрел, и она резко обернулась. Сзади, совсем близко, увидела вышку со стрелком. Яркий свет прожектора шнырял по тундре, слепя глаза».

С этого сна начинается книга.

Сны будут возвращаться к Наде (книга автобиографична, но героиня не носит имени автора) на протяжении многих лет. Страшны были не столько сны, сколько невозможность рассказать о них окружаю-

щим, даже близким. Вынужденная немота оказывалась наказанием, не обозначенным в приговоре, настигавшем уже после освобождения.

Надя получила срок не по политической статье, а по обвинению (ложному) в уголовном преступлении. Этим роман Екатерины Матвеевой отличается от множества других книг, посвященных лагерям сталинской поры, где главными рассказчиками являются осужденные по статье 58-10 либо по статье 58-8 как члены семьи изменника родины.

Впрочем, Наде все равно предстояло общение с политическими. Лагеря не знали разделения по статьям УК, да и круг общения ей конечно же был ближе неуголовный. Хотя, росшая в подмосковной Малаховке, она была из числа тех, кто никогда ни о чем особенном в своей жизни не задумывался, к происходящему не приглядывался, а политический режим воспринимал как данность. Лишь в лагере началось ее медленное прозрение, не завершившееся, следует признать, и с освобождением: даже о смерти Сталина она горюет как о потере человека, чей взгляд с газетных страниц и плакатов сопровождал ее всю жизнь.

Хорошо певшую девочку, готовившуюся поступать в консерваторию, новая, лагерная, судьба могла бы сломить. Но роман завершается сценой убийства. Героиня, влюбившись в одного из охранников «Речлага», не успевает стать его женой: жениха убивают бандиты. В финале она совершает возмездие: в огне подожженного ею дома сгорает убийца ее возлюбленного.

Что же должно было произойти между этими двумя событиями, чтобы наивная абитуриентка превратилась в способную отомстить за свою любовь женщину? Или взросление не связано с пережитым, является частью другого, неподконтрольного внешнему миру опыта?

Абсурд лагерной жизни проявлялся не только в том, как человеческие чувства ломали установленные законом отношения между заключенными и охранниками. Режим пытался воспрепятствовать самой возможности думать самостоятельно. В романе описывается история, как москвичке Наталье Лебедевой к десяти годам заключения добавили еще пять лет ИТЛ за стихотворение, найденное в ее вещах:

Тиран душой,
сапожник родом,
себя вознес на пьедестал,
и стал народ «врагом народа»,
а он один народом стал,
и подхалим, и льстец бесстыжий,
миллионы расстреляв людей,

зато был знатоком марксизма,
а это ведь куда важней!

В книге реальные персонажи смешаны с вымышленными (точнее, теми, чьи имена изменены). Здесь упоминаются судьбы известных людей, например, рассказано о сестре актрисы Зои Федоровой, умершей в лагере. Ее вина, как и вина ее арестованного мужа, Николая Сеницына, состояла в том, что сестра полюбила американца. Это оказалось поводом, чтобы посадить даже далеких членов семьи. В лагере Надя подружилась и с Мери Красновой, внучкой атамана Краснова, – та звала ее после освобождения приехать к ней в гости в Париж.

Видимо, благодаря Мери на зоне знали, каким образом Краснов попал в руки НКВД: англичане выдали. «Проститутская нация!» – восклицает одна из героинь романа. Вряд ли она знала о судьбах казаков, выданных англичанами из оккупированной ими зоны Австрии Сталину в рамках Ялтинских соглашений. Но отношение советских лагерников к тем, кто выдает на верную гибель, в этой реплике очевидно.

Пространства частного при диктатуре не существует, любовь оказывается такой же сферой государственного контроля, как и время, отводимое для сна, количество пищи и круг чтения. Не зря Надя так боится своего романа с начальником режима, прозванным заключенными Клондайк (он, надо сказать, своей работы в лагере не любил и перевелся в город при первой возможности). Отношения охранников и пленниц, судя даже по косвенным упоминаниям в романе, выходили далеко за рамки предписанных норм. Но Надя боится переступить черту, отделяющую платоническую любовь от физической, – не столько из-за боязни санкций («секретов в лагере держать невозможно»), сколько из-за понимания сословных различий, выглядящих глубже самой глубокой пропасти: «я – зэчка, ты – конвоир». Она согласна на отношения лишь после того, как их социальные права уравниваются. Кто же знал, что вскоре поле освобождения Нади Клондайка убьют уголовники.

Многие герои книги так и остаются безымянными – например, пленные немцы, которые строили в этих краях канатку. После работы их караулили уголовники, «топили несчастных в котловане, в жидкой глине, лопатами забивали», рассказывает одна из героинь романа. Ответственный же за пленных майор «все знал и морду отворачивал».

Задача у охраны была иной: «Кроме побегов и эпидемий начальство в лагерях страшилось массовых отказов от работы, невыходов за зону без уважительных причин. Любое неповиновение каралось стро-

го: карцер, бур, штрафная пайка, лишение переписки, а на мужских ОЛПах были случаи расстрелов за саботаж. Любыми путями нарячники и коменданты выталкивали работяг за зону».

Примечательно, что именно этот фрагмент, с которого начинается глава «Когда крокодилы льют слезы», предваряется эпиграфом из Еврипида: «И рабство – разве ты не видишь, злом каким оно само уж по себе является».

В Воркутлаге мало кто считал рабство злом, предпочитая не присматриваться и уж точно не обсуждать увиденное краем глаза. Но и зверствовали далеко не все. Конечно, готовых покуражиться среди охраны хватало. «Конвоиры и надзиратели разговаривали отрывистыми, односложными фразами, похожими на лай: “Встать!”, “Подравняться”, “Разобраться!”, “Бегом!”, “Марш!”, “Пошел!” – и прятали глаза, встречая насмешливые женские взгляды. Иногда Наде казалось, что злятся они от стыда за свою работу, но это было неверно. Многим из них доставляло истинное удовольствие, заслышав в строю разговор или смех, скомандовать: “Ложись!” – прямо в грязь, в воду, в снег – и так держать строй, пока не надоест потешаться».

Как вспоминает Матвеева (этот глагол применительно к «Истории одной зэчки» можно употреблять смело), «встречались и такие, про которых можно было сказать: “Человеком родился”. Такой запомнилась зэчкам “Речлага” надзирательница Шура Перфильева. Когда случалось дежурить по зоне старшине Перфильевой, бараки запирались поздно ночью и зэчки бегали из барака в барак “в гости” друг к другу. В праздники Пасхи или Рождества, если дежурила Шура, можно было допоздна собираться и петь песни, которые так любили западнячки».

Без этого прорыва человеческого в пространство насилия жизнь была бы невозможна. Условия Крайнего Севера лишь усиливали потребность в исключениях из общего негативного отношения к заключенным: «В конце сороковых – пятидесятые годы Воркута начала усиленно строиться. Улицы покрылись траншеями под водопровод и канализацию, которые копались зэчками. Женские бригады водили с “Предшахтной”, но дело двигалось плохо. Нормы никто не выполнял. Кайловать вечную мерзлоту было очень тяжело. Кусочки мерзлой глины, не больше дубового листика, отлетавшие при каждом ударе кайла, в течение всего рабочего дня не могли покрыть и четверти нормы. Не помогали никакие коэффициенты на мерзлоту, на категории грунта. Бригадиры измышляли всевозможные способы приблизить выработанное за день к норме, заряжая немислимую “туфту”. Прорабы не хотели закрывать наряды на несуществующую работу – такую, как подноска ин-

струмента к рабочему месту, уборка инструмента с рабочего места и тому подобная чушь». То есть кто-то эти наряды все же пытался выписывать, понимая, что нормы выработки на тридцатиградусном морозе в условиях вечной мерзлоты должны восприниматься как условные.

Решающей же для выживания становилась та странная субстанция существования, которую одни готовы назвать характером или силой духа, другие – врожденным оптимизмом. Судя по происходившему с Надей, ее спасало и то и другое. Несмотря на все ужасы, описываемые в книге, читателя не покидает светлое чувство, вызванное ощущением, что будущее – будет.

Человеческого в отношениях на зоне оказывается неожиданно много. Собственно, это и спасало заключенных – даже в большей степени, чем письма из дома, редкие посылки и надежда на освобождение. Саму рассказчицу выпустили сперва по амнистии 1953 года, тут же подоспело и решение Верховного суда о прекращении дела за отсутствием состава преступления. Но вернуться в родную Малаховку ей уже не пришлось: дом был занят, да и капитан в милиции (причастный, кстати, в свое время к ее посадке) ей посоветовал начинать жизнь в другом месте, «с чистого листа». Несмотря на освобождение в связи с пересмотром дела, то есть полное признание невиновности, шлейф за сидевшей тянулся бы годами.

Надя устроилась в Москве на работу строителем. Контора находилась в Черемушках. У современного читателя этот топоним вызывает ассоциации с хрущевскими новостройками, символом новой эры. Но, когда героиня едет к месту работы, она мучительно думает, где же слышала это слово. И «уже подъезжая к Москве, вспомнила: “Да ведь это Манька Лошадь говорила: лагерь там был, ОЛП № 3 Спецстрой МВД, п/я 1753, где она срок тянула”. И еще вспомнила, что называла та начальника лагеря, капитана Ганелина, который им “гужеваться” давал, и что два опера, Сафонов и Леонов, – гады!».

В этом смысле у России сидевшей и несидевшей всегда различные топоры, разные языки, разная география. Кажется, их совмещение невозможно. По крайней мере, Надя никому не рассказывала о своем прошлом. И даже выйдя замуж, не смогла признаться мужу в том, где и как провела важнейшую часть жизни. В романе решающий разговор в семье состоялся несколько лет спустя, после того как героиня сводит счеты с убийцей Клондайка.

Екатерина Матвеева (это псевдоним) относится к числу тех редких авторов, чей роман выходит уже в третьем издательстве, и тем не менее о самой писательнице в «Википедии» нет ни слова. Известно, что

в последние годы она живет в Западной Европе, а вот юность ее, пришедшаяся на годы войны, прошла в подмосковной Малаховке. Там ее и арестовали.

Ее роман уже выходил в 90-е годы, сперва в Москве, затем в Красноярске. Нынешнее издание было заново отредактировано, сократилось и название романа – из длинного «История одной зэчки и других з/к, а также некоторых вольняшек» оно свелось к «Истории одной зэчки».

Два года назад по нему был снят 16-серийный телевизионный фильм, который демонстрировался лишь на украинском ТВ, а также – под названием «Жить сначала» – в Латвии. В России же его пока что не видели.

Российские рецензенты не очень доброжелательно отнеслись к книге. Так, автор интернет-сайта «Частный корреспондент» посчитала, что «"ребра жесткости", предложенные автором, вспаривают до полного уничтожения ткань повествования. Конструкция дешевого любовно-криминального романа с разнообразной кровью-любовью никак не сопрягается с горестным знанием автора про тюремно-лагерную и, шире, общесоветскую жизнь». Вывод критика беспощаден: «Было бы не о чем говорить, если б это была просто спекуляция на лагерную тему, которая уже вышла из зоны общественного внимания. Но в книге есть страницы, заставляющие поверить в искренность автора, называющего себя Екатериной Матвеевой, в выстраданность ее взгляда. Может быть, страсть к кровавостям и красивостям, как и бесценный опыт, наследие ее прошлого?»

Конечно, нельзя отвечать такому рецензенту советом в духе «посиди сам, а потом попробуй описать свой опыт». Но в этой формуле – многое для понимания матвеевского высказывания. Всякий жизненный опыт может и должен быть переработан в литературную форму, наиболее автору близкую. «История одной зэчки» оказывается на перекрестке мемуара и романа, и ничто не обязывает автора делать выбор в пользу одного жанра. В конце концов, действительность, которую он описывает, выглядит гремучей смесью сказки и ужаса, внешнего ада и внутреннего рая.

Екатерина Матвеева

Из книги «История одной зэчки»

На этап!

С вечера всем этапникам приказали быть готовыми к утренней отправке. Дежурный лейтенант, по прозвищу Карлик Нос, зачитал дополнительный список – еще несколько контриков, в том числе и Сობоль. Уголовниц всего четыре, с большими сроками, с двумя-тремя судимостями каждая. Но это только из Надиной камеры...

До последней минуты в суете сборов она ни разу не вспомнила о доме, а вспомнив, затосковала, горько, без слез. Ей живо представилось, как мать придет с передачей, а ей скажут:

- Выбыла на этап!
- Куда же? – похолодев, спросит мать.
- Неизвестно!

А даже если и известно, все равно не скажут.

Но гудяще-снующая камера не располагала к слезливым размышлениям. Заключение, объявленные в списке на этап, метались по камере, отыскивая свои ложки, кружки, расчески и прочие убогие пожитки. Остающиеся поспешно прятали свое, чтобы ненароком не прихватили отъезжающие. Роза с мрачным видом сворачивала самокрутку и смотрела, как Надя коленом запихивает в холщовый мешок свое немудреное барахлишко.

– Говорю тебе, херовину ты затеяла, – пробасила она и глубоко затынулась.

- Наверное, только теперь поздно! Изменить ничего нельзя.
- Можно! Смастерить мастырку и закосить. Да ведь ты не захочешь, – с сожалением сказала Роза.

Потом она обернулась в свой закуток и позвала:

- Муха! На цырлах!

Тотчас к ним подскочила молодая блатнячка с хитрыми, вороватыми глазенками, которые она с ходу запустила в Надин мешок.

– Ну ты! – перехватив взгляд Мухи, отстранила ее рукой Роза. – Я вот чего! Тебя тоже на этап вызвали. Присматривай за артисткой, чтоб все в ажуре было.

– Шестерить не стану, пусть не надеется, – бойко отбрила Муха.

– Да кто тебя просит шестерить, дура! Я говорю, помоги ей, она по первой, многого не знает, что и как! Человеком надо быть! – угрожающе повысила голос Роза.

– Человеком? Это хоть сто порций! – оживилась Муха. – Это всегда пожалуйста!

– И вот еще: коли где встретишь Короля, скажи ему, если он, подлина... – И дальше пошел уже совсем нецензурный разговор.

Надя поморщилась и отвернулась.

– Привыкай, другого не будет, – недобро сказала Роза и отошла.

– Говори, чего помочь? – предложила Муха.

– Тебя как звать-то? – спросила Надя.

– Звать? Меня? – удивилась Муха. – Ну, Зойка, а что?

– Ничего, есть ведь имя у тебя.

– Смотрю, вещей у тебя много, давай помогу нести.

«Далеко занесешь, не найду!» – подумала Надя, умудренная горьким опытом, но обижать Муху не хотела и сказала:

– Спасибо, тут не тяжело, сама справлюсь.

Где-то в углу слышно было глухое рыдание.

– Кто это так плачет? – встревоженно спросила Надя.

– А, контрики! Мать с дочерью разлучают, одна на этап идет, вот и ревут обе. Да черт с ними! Фашистки!

– Почему это они фашистки? – не поверила Надя.

– Потому против советской власти, вот почему, – безапелляционно заявила Муха. – Статья у обеих какая? Пятьдесят восьмая, первый пункт, самая расфашистская статья, и жалеть их нечего.

Но хоть и были они контриками, Надя в душе все же очень пожалела их. Ей представилось, что на месте этих двух оказалась бы она со своей матерью. А может быть, это ошибка и они вовсе не против нашей власти? Какая же им власть нужна?

Не все события одинаково хорошо удержались в Надиной памяти, кое-что как бы выпало из ее сознания, потерялось. Плохо помнила она, в частности, как очутились этапники с пересылки у столыпинских вагонов. Смутно помнилось, что колонна их, не менее сотни человек, долго, до полного изнеможения, шагала, спотыкаясь о шпалы, подго-

няемая окриками конвоиров и свирепым лаем собак, пока не остановилась у бесконечно длинного состава. Рядом с ней, вконец охромевшая, ковыляла в лаковых лодочках космополитка Соболь. И тут же была бойкая Муха. Четыре конвоира с одной стороны и четыре – с другой, с немецкими овчарками, с автоматами наперевес гнали хуже, чем немцев по Москве, обессиленных женщин: «Давай, давай!», «Шевелись быстрее!», «Подтянись!».

«Как хорошо, когда мало вещей!» Надя подвигала спиной, за которой висел нетяжелый мешок.

Наконец последние, едва волоча ноги, подошли к общему строю, и два конвойных встали в голове колонны, а начальник неожиданно высоким, срывающимся на фальцет голосом заорал:

– Всем слушать мою команду! Разобраться на пятерки, встать лицом к эшелону! Быстрее, быстрее!

Когда этапники разобрались на пятерки, конвоиры с двух сторон дважды их пересчитали, и начальник конвоя скомандовал:

– Первая пятерка, ко второму вагону бегом, арш! Вторая пятерка туда же бегом, арш!

Надя с Мухой и Космополиткой угодили в третий вагон, где уже в коридоре их ожидали очередные охранники. Столыпинский вагон отличался от обычного, купейного, только тем, что вместо перегородки, отделяющей коридор от полок, была крупная решетка из стальных прутьев. В этой решетчатой стене имелись тяжелые, тоже решетчатые, двери. На окнах решетка помельче, и уже совсем мелкой решеточкой были прикрыты лампочки в коридоре и в клетках. Вагон оказался наполовину заселенным.

«Точно как мартышки в зоопарке», – невесело подумала Надя, увидев, как прильнули к прутьям подернутые желтизной лица женщин.

– Откуда этап? – интересовались они.

Надя повернулась, чтобы ответить, да не успела – получила чувствительный толчок прикладом по спине.

– Проходи, не задерживайся!

– Осторожней, вы! Не скот гоните! – возмутилась она.

– Но-о, разговорчики, в карцер захотела? – взвился конвоир.

– Карцер – это плохо, даже на Лубянке, – прошептала за ее спиной космополитка Соболь.

И Надя замолкла – кому охота в карцер? Другой охранник чином постарше, с двумя звездочками на погонах, видимо начальник конвоя, с пачкой формуляров в руке, открыл тяжелую дверь-решетку.

– Сколько вас тут? – спросил он обитателей клетки.

– Полно нас, пять, пять! – закричали из темноты.

– Где пять? Четверо вас, – посчитал он. И к Наде: – Фамилия? Имя, отчество? Год рождения? Статья? Срок? Проходи!

Вместо верхних полок – сплошные доски, свободным оказалось место в середине. К огорчению Нади, Муха и Соболь попали в другое купе. Две женщины, похоже, что блатнячки, уже заняли места ближе к стенкам. Одна из них, худая, с большим крючковатым носом, покосилась на Надю, услышав ее статью. Надя тут же про себя окрестила ее Носатой. Другая, помоложе и даже хорошенькая, приняла ее за свою и заговорщически подмигнула:

– Ничтак, корешок, здесь теплее! – И объяснила, как нужно поставить ногу на край нижней полки, затем другую – на ячейку решетки – и тогда легко будет запрыгнуть наверх, где можно только сидеть, упираясь головой в потолок, или лежать.

Помнилось Наде, состав не отправляли около суток.

– Пока всех не разведут по вагонам да раз двадцать не пересчитают, не тронемся, – подала голос из своего угла Носатая.

– Да, этап большой.

Надя повернулась к ней с намерением поддержать добрососедские отношения.

– Ха! Большой! Разве это большой? – охотно откликнулась Носатая. – Когда я первый срок тянула, нас в Казахстан отправляли, так это был этап! Одних политиканов больше тысячи!

– Батюшки! Куда же их? – спросила Надя, вспомнив симпатичную космополитку Соболь.

– Куда-куда? Известно. Караганда, Джезказган, Экибастуз – все шахты. Срока у них будь-будь. С врагами народа не якшаются.

Надя задумалась: «Она сказала: “с врагами народа”, что ж это я жила на свете, а с врагами не встречалась, а их, оказывается, так много». И тотчас припомнила, что уже слыхала про врагов, давно, еще в детстве, когда пошла в первый класс. Сидела впереди нее на парте девочка, Ксана Триумфовская. Была она соседкой тети Мани, через два дома. И случалось, вместе бежали, опаздывая в школу. Незадолго до Первого мая Ксана в школу не пришла. Случайно услышала тогда Надя, что забрали самого Триумфовского прямо с работы, а ночью подъехала легковушка и увезла мать Ксаны. Тетя Маня забрала девочку к себе и хотела удочерить, но за ней приехал военный – забрать в детдом. Ксана со страху кричала как резаная на всю Малаховку. Но военный сказал ей, что везет к маме, а тете Мане пояснил: дети «врагов народа» должны воспитываться надежными воспитателями, чтобы выраст-

ти достойными гражданами своей Родины. Надя, как ни старалась, не могла вспомнить Триумфовского-врага. Смутно припоминался ей маленький человечек в больших очках и калошах – он возвращался с работы из Москвы и проходил мимо их забора. Дом их заселили другими людьми, а потом началась финская война, морозы, и о Триумфовских больше никто не вспоминал. Забыла о них и Надя.

Вечером всех по очереди сводили в уборную и выдали кусок хлеба и по половинке ржавой селедки, потом из жбана – по кружке рыжеватой-мутной бурды – «чай».

– Не ешь селедку, пить захочешь, до утра воды ни за что не дадут, – посоветовала та, что помоложе.

Во время вечерней поверки она назвала себя Марией Семеновной Бурулевой, 1928 года рождения, статья 62, срок пять лет, но Наде сказала:

– Зови меня Мери, меня так все зовут.

На нижней лавке, где-то под сплошняком, не переставая ни на минуту, надсадно заливался скрипучим плачем ребенок. Надя свесилась вниз посмотреть на жильцов нижнего этажа. Совсем еще юная женщина, повязанная по-деревенски платочком, подняла на Надю темные глаза, обведенные черными кругами. На руках она держала крохотного ребенка и совала ему в ротик свою грудь. Малыш вертел головой и сердито скрипел.

– Ну, буде, буде, сынку, спи, спи...

На другой, через проход, лавке лежала с головой укрытая фигура. «Точно покойник. Зачем она так укрылась?» – подумала Надя и улеглась на свое место.

Положив голову на свой мешок, она задремала. Сквозь сон слышала, как звякнули буфера, и тихо, словно стесняясь своего груза, состав тронулся.

– Куда нас теперь? – тихонько спросила она Мери.

– Ты что же, не знаешь куда? – подала голос Мери. – В Горький, на пересылку, оттуда во все стороны, кому куда. – И сердито добавила: – Кончай болтать, спать надо. Эй, там, внизу, угони ребенка!

Надя вытянула ноги и опять попыталась заснуть. Скверные, тяжелые мысли тотчас полезли в голову. «Зачем я еду? К чему напросилась к черту на кулички!» «Иди-отка, иди-отка», – отстукивали мерно колеса.

– Верно, верно, иди-отка, – в такт колесам повторила она и заснула, точно провалилась в бездну. Но, как ей показалось, тотчас проснулась от громкой перебранки.

– Заткни ему пасть, что он вопит, не переставая, день и ночь, спать никому не дает! – яростно кричала Мери.

– Сейчас я ему сама рот заткну, – гудела Носатая.

Надя свесилась вниз:

– Чего он все время плачет?

– Исти хочет! – горестно прошептала женщина.

– Так покорми его!

– Не маю молока, во, дивись! – И она сунула ему обвислую, тощую грудь с большим, как палец, коричневым соском.

Ребенок разинул беззубый рот и пронзительно закричал.

– Заткни его иль я его придушу, падла! – бесновалась Мери.

– Сука бандеровская, придуши своего ублюдка, все едино сдохнет! – вторила Носатая.

В обе стенки застучали разбуженные зэчки. Густой мат повис в воздухе.

– Що вы, громадяне, хиба ж я виновата, колы не маю молока, – испуганно оправдывалась женщина.

– Молока нема? – завопили из других клеток. – Ты о чем думала, морда твоя бандеровская, когда ноги растопыривала? Молоко было и сало было?!

– Придушите его там, да и дело с концом.

– Господь с вами, опомнитесь, люди! Побойтесь гнева Господня! Или озверели вы совсем? Креста на вас нет, – впервые подала голос нижняя полка, молчавшая до сих пор. – В чем виновато несчастное дитя?

– Спать не дает! Мы вторые сутки маемся, – раздалось отовсюду.

– Ты, баптистка, Христова невеста, и на камнях с боем барабанным уснешь, а мы не можем!

– Стойте, постойте! – закричала Надя. – Сейчас мы его накормим! – Она вспомнила, что в ее мешке на дне давно болтается банка сгущенного молока из самой первой передачи от тети Мани. – Вот! – обрадовалась она, вытаскивая банку. – Сейчас он поест и уснет.

– Храни тебя Господь, добрая душа! – пробормотала баптистка и опять укрылась с головой.

– А чем открыть? Нечем!

– Зови вертухая, пусть откроет, – приказала Мери. – Будите его!

– Не станет открывать, не положено нам железные банки, – засомневалась Носатая.

– Давай зови! Перельет в кружку, – горячилась Мери и забарабанила ногой по решетке.

В соседних купе-клетках тоже завозились, загорланили:

– Дежурный, эй, конвой!

– Будет спать, зэки разбежались!

По коридору, громко топая сапогами, примчался надзиратель:

– Что еще за крики? А ну, смолкните! В чем дело?

– Гражданин начальник, ребеночек у нас с голоду помирает, – жалобно, словно не она только что вопила как одержимая, проговорила Мери. – Крошка совсем, а у матери молока нет, – добавила она и сокрушенно вздохнула, сморщив лобик.

– А я что? У меня таких приспособлений нет! – развел руками конвоир.

– Вы банку со сгущенкой нам откройте, а мы его сами покормим.

– Жестянку? Не положено!

– А вы ее в кружку перелейте да кипяточку добавьте, чтоб не слишком сладко да тепленькое было.

– Не положено! – мотнул головой вертухай, но все же дверь открыл и взял банку.

Из клеток послышались оживленные голоса.

– Сейчас принесет, погоди, натрескаешься, будешь толстенький, скорее лопнешь! – пошутила Мери и дотянулась до низу рукой потрогать пальцем крохотный носик на красном, сморщенном личике.

– Ишь, надрывается, и откуда сила берется?

– Сама дивлюсь, другой день крохи не ив, – с отчаянием покачав головой, прошептала мать.

Минут через десяток вернулся конвоир с алюминиевой кружкой, от которой валил пар.

Мери с ловкостью обезьяны соскочила вниз и схватила кружку.

– О! Горячее! – обжигая пальцы, воскликнула она. – Спасибо, гражданин начальник!

– Спасибо! – нестройным хором раздалось из клеток по коридору.

– Надо попробовать, не горячее ли, руку жжет, – сказала Мери и отхлебнула глоток. Радостное выражение ее лица вдруг сменилось недоумением. Она сделала еще глоток, и лицо ее исказилось гневом.

– Что это? – закричала она на весь вагон. – Это вовсе не молоко – попробуй! – протянула она кружку Наде.

– Горячая вода, забеленная молоком, как после мытья молочного бидона, – объявила во всеуслышание Надя.

Больше проверки не требовалось.

– Эх, гад! Вот гад! Слышите все? У голодного ребенка молоко схавал!

Какие только не посыпались проклятья в его адрес! Весь гнев, всю злобу и затаенную обиду на охрану, вынашиваемую скрыто, в душе,

выплеснули в ярости зэчки. Чего только не пожелали ему! Сгнить от сифилиса, утонуть в нужнике, захлебнуться собственной мочой, подавиться своим дерьмом и еще много подобных пожеланий, каких самая лихая фантазия не придумает. «Удивительный этот уголовный мир! Только что готовы были душить дитя, чтоб не мешал спокойно отдохнуть, и тут же весь гнев обрушили на такого же жулика, как они сами», – подумала Надя, наблюдая, как бесновались ее соседки. Взбудоражился весь вагон. Требовали начальника конвоя. Стучали кулаками и ногами, сотрясая двери и стены.

Наконец появился лейтенант – начальник конвоя:

– В чем дело, почему ночью шум? Кто меня требовал?

– Мы, мы! – закричала Мери и, возмущенно размахивая руками, объяснила причину.

– Откуда банка? – скосив глаза в сторону, не глядя на нее, спросил он.

– Моя это банка, – поспешно вмешалась Надя.

– Фамилия, статья, срок? – как заведенный, выпалил лейтенант.

Надя ответила.

– Где проходили обыск? Почему не изъята? Кто разрешил?

– Нас нигде не обыскивали.

– Воров не обыскивают, они свои! – крикнули из соседних клеток.

– Разговоры! – повысил голос лейтенант и приказал подошедшему в этот момент конвоиру: – Позови Капустина.

Едва завидев виновника переполоха, женщины пришли в неистовство.

– Он, он сожрал молоко у голодного ребенка!

– Молчать всем! – натужно гаркнул лейтенант, покрываясь багровой краской.

– Старшина, вы брали у заключенных банку?

– Не брал, товарищ лейтенант.

– Как не брал? Брал, взял, сожрал, схавал! – завопили из-за решеток.

– Ступайте, старшина, – скомандовал начальник.

Конвоир повернулся на каблуках, тявкнул:

– Слушаюсь! – и поспешил по коридору под улюлюканье зэчек.

– Врет он, врет, сожрал, мы жаловаться будем, писать Вышинскому, – не унималась Мери.

– Молчать! Я вам пропишу жалобу в небесную канцелярию, – рявкнул лейтенант и обратился к матери: – Что с ребенком?

В общем гомоне никто не заметил, что ребенок затих – не пищит больше.

– Молока у меня нет, а вина хочу.

Она осторожно положила рядом с собой на скамью маленький сверток и приоткрыла рваное, из разноцветных лоскутков одеяльце, желая показать, как исхудало дитя на соске из черного хлеба. Маленькая головка, покрытая редким пушком, на нитяной шейке покатила набок, и лейтенант увидел судорожно разинутый ротик и остекленелые глазки.

– Боженька милая! Сыну, сыну, он умер! А-а! – свалилась мешком в проход несчастная женщина, заламывая руки.

Лейтенант с перепуганным лицом отпрянул от дверей и бросился прочь.

– Слава Божественному, отмучился, ангелочек, – перекрестилась Христова невеста.

– Звери, хуже зверей, – всхлинула Мери.

– О-и, батенька ридный! – каталась по полу мать.

– Не вой, – сказала Носатая, – тебе же лучше, все равно заберут в приют, и не увидишь его, что есть – что нет. Срок-то у тебя четвертак! На всю катушку огребла!

Надя, как привороженная, не могла оторвать глаз от скрюченного трупика.

Четвертак! Это двадцать пять лет, больше, чем я прожила на свете. Что надо было натворить, чтобы получить срок, равный трети человеческой жизни? Убить? Ограбить? Но за это больше десяти не давали. Взорвать склад с горючим? Что? И как можно не пощадить женщину-мать, уморить ребенка?

На очередной остановке за женщиной пришли лейтенант и двое конвоиров. Один из них брезгливо, одной рукой, подхватил грязно-рваный сверток и понес, отставляя его подальше от себя, как нечистоту.

– Куда ее теперь? – дрожа всем телом, как в ознобе, прошептала Надя.

– Скорее всего в больницу, не здесь же ей оставаться. Один вопил, другая вопить будет, этак мы сами чокнемся умом, – ответила Носатая, устраиваясь в своем углу.

– Может, пожалеют ее, отпустят?

– Да ты что? С какого... сорвалась? Бандеровку отпустят? Чего захотела! – презрительно фыркнула Носатая. – Ложись! Может, успеет еще минут шестьдесят придавить клопа.

– А кто такая бандеровка? – спросила Надя шепотом, повернувшись к Мери.

– Хо! Ты что? Не знаешь, кто такие бандеровцы? – живо откликнулась та. – Это твари будь здоров и не кашлай! Сволочь, каких поискать. Украинские националисты. Они против нас воевали.

– Ну, эта, наверное, не воевала, куда ей воевать, в чем душа держится, – попробовала возразить Надя.

– Воевать не воевала, под бандеровцем лежала, вот ребетеночка и состряпала, – гоготнула Мери.

Но Наде такой оборот разговора показался кощунственным, и она переменяла тему, спросив еще:

– А вот «космополиты безродные» – кто это?

– Эти-то? – пренебрежительно сморщила хорошенький носик Мери. – Это все жиды пархатые, хотели нас американцам продать, да не вышло у них. Товарищ Сталин с ними быстро разделался.

«Что-то не то...» – подумала Надя и замолчала.

– Да ты что, в натуре-то, из какой глубинки появилась, ничего не знаешь, совсем политически неграмотная, чисто деревня!

– Придурок иль притворяется, – поддакнула из своего угла Носатая и стала собирать вещи, намереваясь захватить нижнюю лавку.

Надя обиделась и больше не задавала вопросов. «Болтают они все, сами ничего не знают и врут, – успокоила она себя. – Нечего к ним лезть».

Уже больше часа, по мнению Мери, стоял состав. Слышно было, как где-то под брюхом вагона, около колес, стучали по металлу в два молотка и матерно перекликались люди. Потом паровоз пронзительно свистнул и так дернул состав, что многие повалились с полок в проход, на пол. Потирая ушибленные места, зэчки нещадно сквернословили, ругая машиниста.

– Это он нарочно, знает, кого везет, сучий хрен, лярва! – поднимаясь с прохода, воскликнула Носатая. Она только что успела перелезть на освободившееся нижнее место.

– Зачем ему? – удивилась Надя.

– Для потехи! Думаешь, он не знает, что сейчас в вагонах творится? Педераст несчастный, смеется поди! – заключила Мери.

На другой день, едва открыв глаза, Мери поспешила сообщить всем радостную весть:

– Вертухая, который молоко схавал, отправили в стройбат!

– Откуда ты знаешь?

– Дежурняк баб на opravку водил, сказал им.

Но Надя не порадовалась. Глупый вертухай, надо же было доказать до того – у голодного ребенка последнее съесть! Вспомнив вчерашнего генерала, она подумала: «Интересно, стал он есть или все еще считает баланду несъедобной? Дойдет старик! Сразу не помрет, а пеллагру получит. Зря не ест! От хлеба и баланды никто еще не помер. Жаль, что не уговорила его есть. Слов не знаю». Она всегда жалела тех, кому хуже, кто обижен, не охотника, а преследуемого, независимо от того, кто прав, кто виноват.

Эшелон все еще стоял, и, как видно, встал надолго. Окна в клетках наглухо заколочены, да еще забраны решеткой. В коридоре они хоть не забиты, только зарешечены, но такие грязные, едва свет дневной пропускают.

– Где мы? Чего стоим?

– Приехали! Скоро вызывать будут, – послышалось из соседнего купе.

И действительно, вскоре пришел конвоир с раздатчиком, выдали по большому куску хлеба, граммов по четыреста, а то и больше, без баланды и селедки.

– Хлеб на целый день, – предупредил раздатчик, а вертухай, запирая дверь, сказал:

– Всем собраться, быть готовым на выход.

– Шире шаг, с вещами на парашу, – пропела Мери и первая оказалась внизу у выхода.

Загремели ключами, завизжали железные двери, забегали конвоиры. Туго натягивая поводки, прошли трое с собаками. Три немецкие овчарки важно шествовали в ногу со своими проводниками, не обращая внимания на припавших к решеткам эзек. Им, этим натасканным псам, нужны только бегущие, на сидящих в клетках они не смотрели.

Георгий Демидов
Чудная планета. Рассказы

Сост., подготовка текста, подготовка иллюстраций
В.Г. Демидовой. Послесловие М. Чудаковой.
2-е изд., испр. М.: Возвращение, 2011. 358 с.

Георгий Демидов

Люди гибнут за металл

Посвящается Н. М.

Годы войны на почти всей территории Советского Союза, в том числе и на его Крайнем Севере, совпали с годами температурного минимума на этой части земного шара едва ли не за целое столетие. Для колымских заключенных это явление стало тяжелейшим дополнительным бедствием, унесшим множество жизней. Особенно пострадали те, чьи лагеря, подобно нашему, затерялись между прибрежных сопок реки Яны, бассейн которой уступил мировое первенство по холоду соседнему Оймякону лишь в результате скрупулезных метеорологических изысканий, да и то на какую-то пару десятых градуса. Но здесь оказался запрятанным один из богатейших кладов желтого металла, «стратегического материала номер один», который мы добывали тогда для нужд войны.

В ту предпоследнюю военную зиму морозы в этой части «района особого назначения» месяцами удерживались на уровне шестидесяти градусов. Для малочисленных тогда приисковых механизмов особо морозные дни активировали, так как нагруженные части горных машин, работающих на таком холоде, становились почти стеклянно хрупкими и часто ломались, а при острой нехватке запасных частей рисковать ими было нельзя. Другое дело заключенные-работяги. На место спи-

санных в «архив-три» в очередную навигацию пришлют новых. Колымское начальство было уверено, что здешнее «святое место» пусто быть не может. И поэтому – никаких скидок заключенным на морозы, пургу, нехватку питания, рваное обмундирование! Если миллионы полноправных и полноценных граждан страны гибнут ради победы над врагом, то почему для достижения той же цели надо дорожить жизнями каких-то преступников? В этом рассуждении дальстроевских генералов резон, несомненно, был. И их солдаты, колымские каторжники, загибались тысячами, особенно зимой, от голода и холода, бесчисленных травм и конвоирских пуль.

«Полюс холода» отнюдь не совпадает с географическим полюсом. Он расположен южнее даже Северного полярного круга. Поэтому здесь нет полярных ночей в школьном понимании этого слова. Солнце, согласно календарю, всходит над Яной и Оймяконом ежедневно, даже в декабре и январе. Другое дело, что мы, заключенные довольно большого приискового лагеря, жившие и работавшие в узком распадке между высокими сопками, могли об этом только догадываться. Непроницаемая темь двадцатичасовой ночи сменялась тут на короткое время почти такой же непроницаемой морозной мглой. Круглосуточный туман, выжимаемый на воздухе жестоким морозом, был так плотен, что когда колонна подневольных работяг, возвратившись вечером с прииска в лагерь, останавливалась перед воротами, сильный прожектор с крыши вахты мог выхватить из тумана только ее головную часть. Остальная тонула в темноте, и об ее длине можно было судить только по доносившемуся оттуда надрывному кашлю, постаныванию, кряхтению, постукиванию деревянных дощечек, заменявших в наших каторжанских «бурках» подметки. Ждать перед закрытыми воротами приходилось долго, нередко добрых полчаса. Ленивые «вахтмены» у печки в дежурке, из трубы которой вырывались искры и пламя, не торопились их открывать. Тем более что шуровать эту печку и «травить баланду» им помогали теперь наши конвоиры. Эти сытые парни, одетые в длиннопольные бараньи тулупы, обутые в крепкие валенки, в меховых шапках с вязаными «подшлемниками» сразу же ныряли в блаженное тепло вахты, как только приводили нас на утопанный плац перед ней. О своих подконвойных охранники могли не беспокоиться. Куда они здесь денутся, да еще в этакий мороз?

И нам оставалось только с тоскливой завистью поглядывать на дверь вахты, ожидая, когда же наконец вахтмены и наш конвой соблаговолят выйти оттуда и устроить сдачу-прием доставленного этапа. Есть же счастливицы, которые могут сидеть и стоять у раскаленной печки,

испытывая на себе острое блаженство исходящего от нее тепла! Люди, постоянно страдающие от жестокого холода, мечтают, собственно, даже не о тепле, а о некоем жгучем зное, близком по силе к непосредственному действию огня. И хотя это действие вызывает у всех нормальных живых существ инстинктивный ужас, в колымских лагерях была широко распространена поговорка «лучше сгореть, чем замерзнуть».

В тот день, как, впрочем, во все предыдущие и последующие дни, мы замерзали уже около двух третей суток кряду и столько же времени ничего не ели. Первый из двух ежедневных приемов пищи происходил у нас перед выходом на работу, в пять часов утра, теперь же было около восьми вечера. Чтобы попасть в относительное тепло лагерьной столовой, получить там вечернюю пайку и вторую миску баланды, надо было перебежать только неширокую площадку за воротами. Но они оставались закрытыми. Сегодня на вахте дежурил отъевшийся на почти бездельной службе ефрейтор, бывший сверхсрочник. Этот особенно любил потешить себя властью над бесправными людьми. Обычно он выдерживал заключенных на морозе до тех пор, пока в их рядах не начинались выкрики, что стоять-де уже невтерпеж. Этого жирному коту только и нужно было. Теперь он мог мурыжить людей уже за нарушение ими дисциплины – никакие выкрики в строю не разрешаются. Вот и сейчас, когда кто-то прохрипел из скрытых в темноте рядов: «Сколько можно ждать, гражданин дежурный?» — гражданин дежурный выглянул с вахты и сказал, что сам он может ждать хоть до двенадцати ночи, когда ему надо будет сменяться. Что же касается нас, то мы будем ждать столько времени, сколько он найдет нужным. Не к теще в гости приехали! А если кому скучно, пусть слушает музыку, благо она вон как хорошо слышна на морозе...

Из зоны, со стороны барачка КВЧ, возле которого на специально врытом столбе был установлен громкоговоритель, действительно отчетливо доносилась музыка. Магаданская радиостанция передавала в грамзаписи ежевечерний концерт. Включение радиорепродуктора на столбе составляло одну из несложных обязанностей дневального нашей культурно-воспитательной части. По прошлой профессии это был художник-мазилка, схвативший небольшой срок за продажу неприличных картинок. Теперь незадачливый торговец растлевающим товаром должен был по идее прямо и косвенно содействовать нравственному исправлению людей, соскользнувших на стезю преступности. Он топил в бараке КВЧ печку, мыл полы, смахивал пыль с висящих на стене почти безо всякого употребления музыкальных инструментов и изредка рисовал плакаты, восхваляющие доблестный труд заключенных-ста-

хановцев и клеймящие позором нерадивость и лень. Ее начальник, бывший «затейник» какого-то санатория на материке, быстро смекнул, что он нужен здесь только для заполнения соответствующей графы штатного расписания ОЛПа. В таких лагерях, как этот ОЛП, обычно даже не пытались организовать из заключенных самодеятельные кружки. Истина, что на голодный желудок не запоешь, принадлежит к числу самых старых и общепонятных.

Сегодня подборка грамзаписей для концерта была сделана из популярных оперных арий, и притом весьма неплохо. Бывший протодьякон Михайлов пропел свой коронный номер, арию Сусанина «Ты взойди, моя заря»; прозвучало сопрано Обуховой, спевшей арию Марфы из «Хованщины». Затем мягкий, торжественно-слащавый баритон запел «эпиталаму» из «Нерона». Пел он хорошо, и хвала богу супружеской любви и семейного очага красиво звучала на лютном холоде, отражаясь от невидимого сейчас склона угрюмой сопки, почти вплотную подступившей к лагерному ограждению.

Нечего и говорить, что обычно почти никто из голодных и до костей промерзших людей, стоявших перед воротами, этой музыки не слушал. Да и мало здесь было таких, которые при всей ее популярности были к такой музыке приучены. Массовое зимнее вымирание эзков в нашем лагере шло уже полным ходом, а начиналось оно всегда с самых интеллигентных и образованных заключенных. И тем не менее нашелся один, который, видимо, слушал очень внимательно. Вообще, слушавший эпиталаму молодой арестант производил впечатление куда более подтянутого и аккуратного человека, чем большинство его товарищей. Кроме самодельного воротничка его лицо защищало еще плотно обмотанное вокруг рта и носа «кашне» – оторванная от старого лагерного одеяла полоса байки. На самых красивых нотах хвалы Гименею парень в кашне непроизвольно водил в воздухе руками в рукавицах и слегка поворачивался всем корпусом. Странное впечатление производил этот с ног до головы заледеневший любитель музыки на своих соседей по ряду.

– И охота тебе, Локшин, слушать эту тягомотину! – сказал ему один из них, тоже молодой заключенный покрепче остальных. – И чего это вам, музыкантам, нравится то, чего другим и слушать-то неохота?

Локшин сделал умоляющий жест: не мешай...

На последних нотах эпиталамы пожилой заключенный, стоявший крайним в одном из рядов со странной на таком морозе неподвижностью, покачнулся, сделал слабую попытку ухватиться за плечо впереди стоящего и свалился на утоптаный снег. Упавшего пытались поста-

вить на ноги, но он только елозил по снегу своими деревянными подметками, невнятно мыча, и тяжело свисал с рук поддерживавших его людей.

– Переохлаждение! – уверенно поставил диагноз кто-то из окружающих. – Уже третий сегодня...

Теряющего сознание человека положили на снег. Он продолжал негромко мычать, стараясь, видимо, произнести какое-то слово, слабо сучил ногами и руками в драных рукавицах – не то скреб, не то поглаживал плотный снег. Глаза старика были полуоткрыты, и в них светился тоскливый страх. Тот, который только что определил переохлаждение, сделал и прогноз:

– Хана пахану... Освободился, видать, досрочно...

Категоричность приговора имела под собой достаточные основания. Из пораженных «низкотемпературным шоком» выживали только очень немногие, хотя большинство из них агонизировало по нескольку дней.

То, что один из ожидавших впуска в зону свалился с переохлаждением, давало нам право напомнить вохровцам на вахте, что мы ожидаем благоволения. Кто-то постучал в ее дверь:

– У нас тут один дуба режет!

На крыльце показался ефрейтор в расстегнутой телогрейке и заломленной на затылок кроличьей шапке – вот как надо противостоять здешнему морозу! Вразвалку, с засунутыми в карманы руками он подошел к лежавшему на снегу старику и зачем-то потрогал его ногой. Затем сделал знак своему помощнику открывать ворота и, подумав, приказал:

– Волоки его в санчасть!

Нетяжелую ношу с трудом подняли четыре человека и на подкашивающихся ногах потащили к воротам. Вместе с заболевшим они составили ту пятерку, которая вне очереди будет пропущена в вожделенную зону.

– Первая! – отметил дежурный и тут же скомандовал: – Вторая...

«Тянуть резину» с приемкой заключенных и дальше он уже не собирался, так как явно переоценил свои возможности наплевательски относиться к сегодняшнему морозу. Уже в первой шеренге какой-то из эков поскользнулся на своих деревяшках и упал перед самыми воротами. Остальные четверо прошли в зону, а он все никак не мог подняться на негнущихся ногах, скользил и падал. Пятерка очередного ряда – шары у них повылезали, что ли? – обошла барахтавшегося на снегу человека и заслонила его от приемщика. Пришлось кулаками

проделать в ней брешь, а отставшему пинком в зад помочь пересечь линию ворот.

– Шестая... Седьмая...

Дальше, как обычно, дело со счетом пятерок пошло еще хуже. В одной из них двое под руки вели третьего. Он еще не потерял сознания, как тот, которого отнесли в санчасть, но был, видимо, близок к подобному состоянию. Немногим крепче его были и те, кто попытался помочь ему добраться до ворот; троица доходяг «потеряла разгон» и замешкалась как раз тогда, когда мороз, как волк зубами, впился в правое ухо дежурного. Левой рукой он слегка двинул по заливку ближайшего к нему доходягу. Упали, однако, все трое. И даже не пытаюсь подняться на ноги, на локтях и коленях ползли в зону.

– Эх, мать вашу... – досадливо поморщился ефрейтор, хватаясь руками уже за оба уха. Из репродуктора в это время насмешливый бас Мефистофеля пел свою знаменитую арию про золотого тельца. «Люди гибнут за металл!» – провозгласил он торжествующе, когда обессиленные дистрофики повалились на землю, напоминая собой неустойчиво поставленные кегли. «Гибнут, гибнут, гибнут, гибнут...» – подхватил этот возглас хор, которому визгливо вторили скрипки и флейты. «Сатана там правит бал!» – и снова хохотал дьявольский хор: «Правит, правит, правит, правит». <...>

Примо Леви
Передышка

Перев. с итал. Е. Дмитриевой.

М.: Текст: Книжники, 2011. 315 с.

Примо Леви

Оттепель

В первые дни января 1945 года под натиском уже близкой Красной армии немцы спешно эвакуировали Верхнесилезский каменноугольный бассейн. Если до этого при сходных обстоятельствах они без колебаний уничтожали лагерь, сжигая бараки и расстреливая их обитателей, то с Освенцимом поступили иначе: приказы сверху (по всей видимости, исходившие от самого Гитлера) требовали «сохранить» любой ценой каждого трудоспособного заключенного, поэтому здоровых угнали в Бухенвальд и Маутхаузен, а больных бросили на произвол судьбы. Многие указывало на то, что первоначально немцы планировали уничтожить в концентрационных лагерях всех поголовно, однако массированные ночные налеты и быстрота наступления русских вынудили их изменить намерения и обратиться в бегство, не исполнив долга и не завершив дела.

В больничных бараках лагеря «Буна-Моновиц» нас осталось около восьмисот человек. Примерно сто пятьдесят умерли от болезней, холода и голода до прихода русских и еще двести, несмотря на помощь, в следующие дни.

Первые русские появились днем 27 января 1945 года. Первыми, кто их увидел, были мы с Шарлем, потому что как раз несли к общей яме тело венгра Сомоши – первого умершего в нашей палате. Мы опрокинули носилки в загаженный снег, так как яма уже переполнилась, а

иной возможности похоронить товарища у нас не было. Шарль снял шапку, прощаясь с мертвыми и приветствуя живых.

Русские – четверо молодых солдат – верхом, с автоматами в руках, настороженно ехали по дороге, ведущей к лагерю. Перед колючей проволокой они остановились и, тихо переговариваясь, растерянно уставились на груду разлагающихся трупов, на разрушенные бараки, на нас, живых.

Словно парящие над своими огромными конями (дорога пролегла выше лагеря), на границе серого снега и серого неба, неподвижные под порывами влажного, напоенного оттепелью ветра, они, как ни странно, не были похожи на призраков.

Казалось, да так оно и было на самом деле, что в мертвой пустоте, по которой мы десять дней блуждали как потухшие звезды, сконденсировалось ядро, возник центр притяжения: четыре вооруженных человека, чье оружие не было направлено против нас; четыре вестника мира в теплых меховых шапках с простоватыми мальчишескими лицами.

Они не сказали нам ни слова, не улыбнулись в знак приветствия; скорее не сочувствие, а смущенная сдержанность запечатала их губы, приковала их взгляды к зрелищу смерти. Нам было хорошо знакомо это чувство, мы испытывали его после селекции, всякий раз, когда на наших глазах унижали других и когда мы сами подвергались унижению; имя этому чувству было стыд, тот самый стыд, которого не ведали немцы, но который испытывает честный человек за чужую вину, мучаясь, что она существует, что она стала неотъемлемой частью порядка вещей и его добрая воля – ничто или слишком мало, чтобы что-то изменить.

Вот почему и для нас час освобождения пробил скорбно и глухо, наполнив сердца не только радостью, но болью и мучительным стыдом, из-за которого хотелось поскорей смыть с совести грязное пятно, вытравить его из памяти. Нестихающая боль напоминала, что это невозможно, ибо нет и не может больше быть такой доброты и такой чистоты, которые позволили бы нам забыть прошлое. След от нанесенного оскорбления останется навсегда – в памяти тех, кто это пережил, в местах, где это случилось, в написанных нами свидетельствах. Потому что – такова уж чудовищная привилегия нашего поколения и нашего народа – никто не способен лучше нас разобраться в природе оскорбления, этого заразного и неизлечимого недуга. Нелепо думать, будто с ним можно справиться при помощи правосудия: оскорбление – неистощимый источник зла, оно искалечило тела и души тех, кто канул, проклятьем нависло над угнетателями; оно клокочет ненавистью в тех,

кто остался жив, мучая их жаждой отмщения, доводя до ожесточения, до изнеможения, уничтожая морально, убивая.

Все эти чувства, тогда еще почти безотчетные, принимаемые большинством за неожиданно нахлынувшую смертельную усталость, сопутствовали радости освобождения. Поэтому немногие из нас бросились к освободителям с распростертыми объятьями, немногие обратили благодарные взоры к небу. Мы с Шарлем постояли немного у заваленной человеческими останками ямы, глядя, как другие сбивают колючую проволоку, а потом, прихватив пустые носилки, отправились назад, сообщить новость товарищам.

В этот день ничего больше не произошло, но мы, давно ко всему привычные, ничего и не ждали. В нашей палате место умершего Сомоши тут же занял старый немец Тилле, отчего буквально передернуло обоих моих французских товарищей.

Тилле, насколько я знал, был «красным треугольником», то есть политическим заключенным, и одним из лагерных старожилов, что обеспечивало ему место в кругу лагерной аристократии; он не работал руками (по крайней мере, последние годы) и получал из дома продукты и одежду. Именно по этим причинам «политические» немцы были очень редкими гостями в санчасти, где они, впрочем, тоже пользовались привилегиями, главная из которых – гарантия от селекции. Поскольку к моменту освобождения он один был такой среди больных, эсэсовцы перед своим бегством назначили его старостой двадцатого блока, где кроме нашей, самой заразной, палаты имелось еще два отделения – туберкулезное и дизентерийное.

Как истинный немец, он очень серьезно отнесся к своему назначению. В течение десяти дней, отделявших уход эсэсовцев от прихода русских, когда каждый боролся не на жизнь, а на смерть с голодом, холодом и болезнью, Тилле тщательно обследовал свои новые владения, проверяя состояние полов, чистоту мисок и количество одеял (по одному на человека, живого или мертвого – безразлично). Во время такого визита в нашу палату он даже похвалил Артура за аккуратность и поддержание порядка, на что Артур, не знавший немецкого, не говоря уже о саксонском диалекте, на котором изъяснялся Тилле, ответил: – *Vieux degoutant! Putain de boche!*¹

Тем не менее Тилле, явно злоупотребляя своими полномочиями, взял с того дня за правило ежедневно приходить к нам для того, чтобы спра-

¹ Отвратительный старик! Шлюха немецкая! (фр.)

вить нужду, поскольку в нашей палате, единственной во всем лагере, параша сохранилась в чистоте и стояла возле теплой печки.

До этого дня я относился к старику Тилле не просто как к чужаку, но как к врагу: он был наделен властью, а потому опасен. Для людей вроде меня, иными словами для большинства обитателей лагеря, других оценок не существовало. За долгий год, проведенный в заключении, у меня не было ни желания, ни возможности разобраться в сложностях лагерной иерархической структуры: мрачные силы зла давили на нас всей своей монолитной мощью, не позволяя оторвать глаз от земли. И надо было так случиться, что именно Тилле, этот старый боец за идеалы своей партии, закаленный в постоянных схватках с внешними и внутренними врагами, сердце которого окаменело за десять лет жестокой и двойственной лагерной жизни, стал мне товарищем и собеседником в первую ночь свободы.

Днем из-за множества дел у нас не было времени обсудить случившееся, хотя мы и понимали, что в нашем существовании наступает решительный перелом; впрочем, мы, возможно бессознательно, сами искали себе занятия, старались убить время, потому что перед лицом свободы чувствовали себя неуверенными, опустошенными, беспомощными, неспособными к новой роли.

Но вот наступила ночь, мои больные товарищи уснули, уснули сном праведников и Артур с Шарлем, ведь они провели в лагере всего один месяц и не успели впить в себя его отраву. Один я не спал: усталость и болезнь мешали мне уснуть. Все тело болело, в висках стучало, я чувствовал, что у меня поднимается температура. Но дело было не только в этом: словно прорвалась плотина, причем как раз в тот момент, когда меньше всего можно было ожидать опасности; едва надежда на возвращение перестала казаться безумием, подступила глубоко заправанная боль, которую прежде удерживали за гранью сознания другие, более настоятельные боли. Это была боль изгнания, утраты родного дома и близких друзей, одиночества, потерянной молодости; боль при мысли о множестве трупов вокруг.

Лежа в полузабытьи, я погрузился в мрачные мысли. За год в Буне я видел, как исчезли восемьдесят процентов моих товарищей, но никогда не ощущал конкретного присутствия смерти, не слышал, как она подступает к окну, к нарам соседа, зловонно дышит в спину, холодея в венах кровь.

Очень скоро, однако, я заметил, что в палате еще кто-то не спит. К тяжелому дыханию спящих добавлялись то и дело хриплые прерывистые всхлипы, покашливание, стоны, сдавленные вздохи. Это плакал

Тилле тяжелым и бесстыдным плачем старика, нестерпимым, как старческая нагота. Возможно, он услышал в темноте, как я ворочаюсь, и догадался, что одиночество, которого мы оба, пусть и по разным причинам, искали до этого дня, стало в тягость и ему, и мне.

– Ты не спишь? – спросил он и, не дожидаясь ответа, с огромным трудом вскарабкался ко мне на нары и бесцеремонно уселся рядом.

Нам нелегко было понять друг друга, и не только из-за языка: множество разных мыслей, самых фантастических и ужасных, теснилось в ту долгую ночь у нас в головах, но все они были путаные. Я признался ему, что тоскую по дому, а он, перестав плакать, сказал:

– Десять лет, десять лет! – и после десяти лет молчания тонким дрожащим голосом затянул с комичной торжественностью «Интернационал».

Меня это взволновало, смутило и растрогало.

Утро принесло и первые признаки свободы. Появился человек двадцать поляков (очевидно, присланных русскими), мужчин и женщин в гражданской одежде, которые принялись без особого энтузиазма наводить порядок перед бараками и очищать территорию от трупов. В полдень мы увидели испуганного мальчика, который тянул за собой на веревке корову. Кое-как он объяснил, что корова для нас, ее прислали русские, и, бросив скотину, пустился наутек. Не берусь описывать, как бедное животное было за пару минут забито, выпотрошено, расчленено и растащено оставшимися в живых по баракам.

На следующий день появились польские девушки. С жалостью и отвращением они приводили в порядок больных, как могли, обрабатывали язвы. В центре лагеря они развели огромный костер из обломков разрушенных бараков и стали варить на нем суп в той посуде, которую им удалось найти. Наконец на третий день в лагерь радостно въехал на повозке хефтлинг² Янкель – молодой русский еврей. Едва ли не единственный выживший русский, он, естественно, взял на себя роль переводчика и посредника между нами и советскими командирами. В промежутках между звонкими ударами кнута он успел сообщить нам, что ему поручено всех живых доставлять в центральный лагерь Освенцима, превращенный теперь в огромный лазарет, но в день он сможет перевозить человек по тридцать – сорок, не больше, в первую очередь – самых тяжелых.

---

² От нем. Häftling – заключенный.

Тут еще началась оттепель, которую мы давно уже со страхом ждали, и, по мере того как таял снег, лагерь превращался в гнилое болото, сырой туманный воздух наполнялся невыносимой вонью от трупов и нечистот. А смерть продолжала косить людей: умирали десятки больных на своих холодных нарах, умирали на грязной земле те, кого, точно молния, сражала их собственная жадность, когда, слепо повинувшись настойчивым требованиям пустого желудка, первобытному чувству голода, они объедались тушенкой, которую русские, продолжая вести бои в непосредственной близости от нас, доставляли в лагерь нерегулярно, так что с мясом бывало то пусто, то, наоборот, слишком густо.

Но все происходящее вокруг я воспринимал бессвязно, как в тумане. Казалось, болезнь и усталость, словно дикие хищники, только и ждут, когда я потеряю бдительность, чтобы неожиданно на меня напасть. Я маялся от высокой температуры, то и дело проваливаясь в забытие, испытывая нестерпимую жажду и острую боль во всех членах. За мной с братской заботливостью ухаживал Шарль; ни врачей, ни лекарств не было. Кроме того, у меня болело горло, половина лица распухла, кожа покрылась красной сыпью и горела как обожженная. Возможно, к моей scarлатине добавилась какая-то другая болезнь, а то и сразу несколько. Когда настал мой черед садиться в повозку Янкеля, я уже не держался на ногах.

Шарль и Артур положили меня рядом с умирающими, от которых я больше ничем не отличался. Моросил дождь, надо мной было низкое темное небо. По мере того как лошади Янкеля медленным шагом везли меня навстречу далекой свободе, перед моими глазами проплыли в последний раз бараки, где я мучился и мужал, площадь для переключек, на которой до сих пор стояли бок о бок виселица и огромная годоводняя елка, и ворота в рабство с еще отчетливо различимыми, но уже утратившими всякий смысл тремя издевательскими словами: «Arbeit Macht Frei» – «Труд делает свободным».

Легендарные тюрьмы

Аттика, или Кровавый мятеж

В 1971 году в американской тюрьме Аттика в результате подавления бунта заключенных, требовавших улучшения условий содержания, погибли 26 человек.

В 1971 году Чарльз Горацио Кроули отбывал срок наказания в Аттике. До сих пор об этом человеке мало что известно, равно как и о совершенном им преступлении, в результате которого он и попал за решетку, в тюрьму, расположенную на севере штата Нью-Йорк. Доподлинно известно только то, что его прозывали Братец Флип и что накануне штурма, предпринятого 13 сентября 1971 года полицией штата с целью подавить мятеж заключенных, он заявил корреспонденту журнала «Тайм»: «Если уж мы не можем жить как человеческие существа, то хотя бы попытаемся умереть как люди». В своем журналистском расследовании, опубликованном 27 сентября, «Тайм» не уточняет, выжил ли Братец Флип или его тело было среди 26 изрешеченных пулями заключенных, усеявших двор корпуса «Д» тюрьмы Аттика. Автор статьи в «Тайм» признает, что доподлинно даже неизвестно, что именно послужило непосредственной причиной этого мятежа. А может быть, и даже скорее всего, этих причин было много.

После 21 августа 1971 года, когда в калифорнийской тюрьме Сан-Квентин в результате предполагаемого побега был убит один из лидеров «Черных пантер»¹ Джордж Джексон, атмосфера в Аттике все больше накалялась. 9 сентября в 8.30 утра примерно 1200 заключенных

По материалам французской газеты «Либерасьон».

¹ «Черные пантеры» – афроамериканская организация, ставившая своей целью продвижение гражданских прав чернокожего населения; была активна в США с середины 1960-х по 1970-е годы.

после столкновения с охранниками забаррикадировались в одном из блоков тюрьмы, взяв в заложники 38 человек из числа персонала. Сразу же полиция окружила плотным кольцом здание тюрьмы, а губернатор Нельсон Рокфеллер в это время пытался разрешить возникшую ситуацию путем телефонных переговоров.

В последующие часы представитель пенитенциарной службы Рассел Освальд, продемонстрировав известное мужество, в одиночку проник в захваченное здание. К своему огромному удивлению, он обнаружил, что в здании все было прекрасно организовано. Царило спокойствие, а заключенные, вооруженные свинцовыми трубами и заточками, сделанными из ножниц, окружали заложников. Было件件но, что они не столько их караулили, чтобы они не сбежали, сколько охраняли от любых проявлений агрессии по отношению к ним. Особенно Освальда удивило то, что все заключенные – белые, черные, пуэрториканцы и другие – держались вместе и выдвигали одинаковые требования.

В большинстве своем требования носили элементарный характер, заключенные лишь хотели соблюдения своего человеческого достоинства: возможность посещать душ более одного раза в неделю, доступ к обучению и к книгам, свобода совести, отмена цензуры почтовых отправок, право на получение более одного рулона туалетной бумаги в месяц. Заключенные также требовали, чтобы 383 охранника тюрьмы, которые все были белыми, прекратили ежедневные расистские выходы, в частности не называли бы впредь свои резиновые палки, с которыми они не расставались, не иначе как «дубинка для ниггеров».

Такое владение ситуацией со стороны арестантов стало возможным благодаря действиям нескольких ультраполитизированных заключенных, таких как Акил Аль-Джунди из «Черных пантер» или Сэм Мэлвилл, ультралевый активист и бомбист, близкий к «Уэзерменам»², который погиб во время штурма. Именно они, как, впрочем, и ряд других заключенных, составили перечень требований и добивались, чтобы был создан специальный комитет, уполномоченный вести переговоры. В этот комитет, в частности, входили Том Викиер – издатель газеты «Нью-Йорк таймс», Джон Дюннэ – сенатор-республиканец и Уиль-

² «Уэзермены» («Метеорологи») – подпольная организация, сформированная в 1969 г. членами экстремистской фракции организации «Студенты за демократическое общество». Выступала за применение насилия против существующей в стране власти, ушла в подполье и занялась террористической деятельностью. Название организации взято из песни Б. Дилана: «Не нужен метеоролог, чтобы определить, в какую сторону дует ветер».

ям Кунстлер – адвокат, близкий к «Черным пантерам» и «Молодым лордам»³. В течение трех дней заседания комитета следовали одно за другим, и большинство требований заключенных были приняты. Кроме амнистии, применение которой мятежники считали обязательным условием, без которого заложники не могли быть освобождены.

Но последовавшие затем два события привели ситуацию к хаосу. Во-первых, 11 сентября от ран скончался один из охранников, раненый в стычке, произошедшей 9 сентября. Затем лидер «Черных пантер» Бобби Сел, которому разрешили переговорить с заключенными, обнадежил мятежников и призвал их бороться до конца.

В воскресенье 12 сентября более 500 вооруженных человек сосредоточилось перед Атиккой. Телевизионные съемочные группы вошли в тюрьму и засняли во дворе сидящих на земле мятежников. Сняли они и заложников, которые заявили, что с ними обращаются хорошо. То же самое заложники подтвердили и позднее. Вечером Освальд потребовал от мятежников, чтобы они освободили захваченных заложников. Без этого, заявил он, дальнейшие переговоры будут невозможны. В ответ мятежники через мегафон заявили, что в случае, если силы полиции войдут в тюрьму, заложникам перережут горло. Поздно ночью губернатор Рокфеллер дал приказ к атаке. Несколько дней спустя он заявил в свое оправдание: «Ситуация продолжала ухудшаться, и мы решили действовать, пока еще не поздно».

В 7 часов утра следующего дня во двор тюрьмы с вертолетов был распылен слезоточивый газ, и одновременно с этим вооруженные штурмовыми винтовками полицейские начали стрелять по всему, что движется. Лайонел Сайфонте, врач из Буффало, видел все своими глазами: «Многие были ранены и падали. Другие, сдаваясь, поднимали руки вверх, третьи ложились на землю». Но в первом коммюнике для прессы, опубликованном Освальдом, была сплошная ложь. В нем он сообщил, что в результате штурма было убито 26 и тяжело ранено 83 человека. Все это якобы случилось потому, что заключенные попытались начать резать полицейских ножами. Он также утверждал, что 9 из 38 заложников были казнены, им перерезали горло, а еще одного кастрировали. Все это было опровергнуто уже на следующий день судебно-медицинскими экспертами: и заложники, и заключенные были убиты пулями, выпущенными полицейскими. Но это было потом, а в

---

³ «Молодые лорды» – политическая группа, боровшаяся за признание прав испаноговорящих американцев.

первые часы после штурма Аттики «ущелевшие» подверглись жуткому избиению.

В результате зверских репрессий и лжи со стороны властей разразился небывалой силы скандал. С обвинениями против властей выступили Джон Леннон, Чарльз Мингус, Аллен Гинзберг; семьи погибших 13 сентября заключенных, а равно и охранников, направили в суды многочисленные иски. Мятеж в Аттике повлек за собой реформу всей американской пенитенциарной системы.

Тюрьма Рединг – сплошная боль и насилие

Это британское пенитенциарное учреждение стало знаменитым потому, что с 1895 по 1897 год здесь содержался Оскар Уайлд.

В длинном и подробном письме от 28 мая 1897 года, которое было адресовано главному редактору газеты «Дейли кроникл», 42-летний Оскар Уайльд, только что освободившийся из тюрьмы Рединг, пишет: «Жестокость, с которой и днем и ночью сталкиваются дети в английских тюрьмах, кажется невероятной. Но не для тех, кто присутствует при этом и знает о каторжных условиях системы». Автор «Баллады Редингской тюрьмы», приговоренный в 1895 году к двум годам каторжных работ, максимально возможному наказанию за гомосексуализм, размышляет в своей балладе о грустной судьбе тех, кто там еще остался.

До Редингской тюрьмы, расположенной в шестидесяти километрах к западу от Лондона и, по общему мнению, одной из самых суровых в стране, Уайльд уже побывал в не менее страшном Пентонвилле и даже в Уондзуорте⁴. Обращаясь в письме к охраннику Томасу Мартину, ирландский писатель беспокоится об обращении с арестантами. Кстати, позднее Томас Мартин будет уволен с работы за то, что давал печенье голодному ребенку. В письме Оскар Уайльд в деталях описывает страх, одиночное заточение, голод – все то, что пришлось перенести этим совсем юным и неприспособленным душам, и советует смягчить условия отбывания наказания. «Обращение с детьми, практикуемое в настоящее время, – пишет Уайльд, – это настоящий вызов человечеству и общепризнанным представлениям».

После своего заключения в тюрьму Оскар Уайльд написал лишь «Балладу Редингской тюрьмы». Покинув Англию, чтобы больше никогда туда не вернуться, во французском городке Бервеналь-сюр-Мер, что около Дьеппа, он начал писать новую поэму. Через три года он умер,

⁴ Тюрьмы, предназначавшиеся для совершивших особо тяжкие преступления и рецидивистов.

одинокий, в абсолютной нищете, в отеле на улице Боз-Ар, в Париже. «В ту ночь тюрьма сошла с ума, / В ней выл и веял Страх – / Визжал в углях, пищал в щелях, / Орал на этажах / И за оконным решетом / Роился в мертвецах». На эти строки 7 июля 1896 года его вдохновили воспоминания об одном казненном сокамернике. Тюрьма графства Беркшир Рединг служила местом приведения в исполнение смертных приговоров. Первая смертная казнь здесь была проведена в 1845 году в присутствии 10 000 зрителей, последняя – в 1913 году.

Баллада была опубликована под странным псевдонимом «С3.3» – регистрационный номер Уайльда в Рединге. Как объясняет Элизабет Хью, долго изучавшая различные альбомы фотографий каторжников, сделанных в период с 1883 по 1915 год, номера заключенным присваивались в зависимости от их размещения в тюрьмах. В Рединге преступники размещались в трех крыльях здания – А, В, и С. Таким образом номер С3.3 означал, что заключенный содержится в блоке С, в камере № 3, на третьем этаже. К сожалению, о некоторых периодах заключения Уайльда никаких сведений не сохранилось. Зато его следы сохранились в «криминальных списках королевства». Кстати, Министерство внутренних дел отказалось убрать из этих списков упоминания об Оскаре Уайльде, хотя с такой просьбой в МВД обращались в связи со столетием со дня его ареста. Сохранились и некоторые фотографии того времени. На первых снятых по времени фотографиях большинство заключенных показывают свои кисти рук. Пальцы немного расставлены в стороны, возможно, это какой-то отличительный знак. Начиная с 1889 года фотограф использует зеркало, чтобы на одном негативе было сразу два профиля. Еще позже фотограф начинает делать два снимка: профиль и фас. Одно время маленькая фотостудия располагалась во дворе, предназначенном для наказаний. Позже в этом дворе стали проводиться казни.

История тюрьмы Рединг восходит как минимум к XVI веку. Здесь рядом с аббатством, около реки Кеннет, уже тогда находилось место заключения для преступников. В 1884 году было решено полностью перестроить здание, обновив его по архитектурной и философской моде того времени. Некто Джордж Скотт руководил проектом. План был скопирован с тюрьмы Пентонвилль, построенной в 1842 году, она же, в свою очередь, была скопирована с Филадельфийского пенитенциарного учреждения (США), построенного в 1829 году. Для Пентонвилля были использованы идеи Джереми Бентама, а также его паноптическая концепция, позволявшая одному охраннику, расположенному в центре, вести постоянное и одновременное наблюдение за всеми

заклученными. Тюрма Рединг была построена в виде креста и имела четыре крыла – А, В, С и D. Преступников содержали в соответствии с популярным тогда «принципом разделения», что позволяло минимизировать их контакты между собой.

В XX веке, уже после того, как в Рединге отбыл свой срок самый знаменитый заключенный, тюрма использовалась в самом разном качестве: во время двух мировых войн это был центр для интернированных, затем – тюрма для ирландцев, принимавших участие в «Пасхальном восстании»⁵, исправительно-воспитательное учреждение для молодых правонарушителей в период с 1961 по 1969 год. С 1992 года Рединг является центром предварительного заключения на 300 мест для правонарушителей в возрасте от 18 до 21 года. Большинство камер здесь до сих пор располагаются в викторианских крыльях здания, в том числе и в крыле С, в котором находился Оскар Уайльд. Рединг является самым маленьким и в то же время самым известным пенитенциарным учреждением Великобритании, потому что имя этой тюрьмы закрепил в поэзии узник СЗ.3, иначе говоря – Оскар Уайльд.

Шатле – тюрма смерти

С XII по XVII век самые жуткие пытки происходили в парижских тюрьмах. Те, кто им подвергался, предпочитали смерть в застенках.

Прежде чем стать одной из достопримечательностей для туристов, район Парижа, где располагалась тюрма Шатле, в течение долгого времени был местом, которое старались обходить стороной. С XV века по начало XIX века это был квартал с мрачными, узкими улочками, зловонными и опасными. Территория здесь была поделена между парижскими бандитами, собиравшимися в тавернах, и владельцами скотобоев, из которых исходила тошнотворная вонь. Днем на задворках этих уличных лабиринтов резали животных, а ночью та же участь постигала случайно или по незнанию забредших сюда жертв разбойников. Впрочем, сами названия улиц рассказывают о социопрофессиональных категориях обитавших здесь жителей: улица Большая Скотобойня, улица Требухи, улица Пьера-Рыбака, улица Резни, улица Живодерни... Не забыть бы еще улицу, которая называется Долина Несчастья – тут уж никакой комментарий не нужен.

Парижане боялись посещать этот район и по другой причине: поблизости находилось здание, вселявшее ужас, – Большой Шатле. Это

---

⁵ Восстание, поднятое лидерами движения за независимость Ирландии на Пасху 1916 года.

импозантное строение причудливой архитектуры с 1190 года являлось официальным местопребыванием парижского прево⁶ и месторасположением полицейских и криминальных служб юстиции. В течение шести сотен лет задержанные сначала представляли перед магистратами⁷, которые в зависимости от тяжести злодеяния решали, должен ли тот или иной мерзавец пройти через руки палача для «предварительного допроса», чтобы заставить его признать свою вину. В основном принималось именно такое решение. Вне зависимости от состава преступления человек неизбежно становился калекой после пытки водой (воронка вставлялась в рот и в глотку вливалось несколько литров воды), пытки веревками (обвязывали таким образом, чтобы веревки впивались в кожу), растяжения (привязывался за руки и за ноги и растягивался во все стороны с помощью специальных механизмов), «испанским сапогом» (дробившим ступни и лодыжки). После этого несчастного вновь приводили в суд, чтобы он официально признался во всем, что ему ставилось в вину. Проблем с признанием конечно же после всего перенесенного не возникало.

Наконец выносился приговор, так или иначе варварский. Убийцы приговаривались к повешению или колесованию, воры ссылались на галеры, колдуны, отравители и прочие еретики сжигались заживо. Нечестные торговцы, банкроты и сводники привязывались к позорному столбу. Двоеженцам выдирали волосы, бороду и брови, иногда прямо с кожей, а вора́м-домушникам отрезали уши. Откуда пошла традиция заживо варить фальшивомонетчиков в кипятке, до сих пор неизвестно. Наконец, в исключительных случаях лиц, причастных к царубийству, четвертовали при стечении народа. Это зрелище в народе считалось очень живописным культурным мероприятием.

Однако для многих смерть была лучше, чем заточение в Шатле. Если заключенный был в состоянии заплатить за проживание, его направляли в камеры, где заключенные могли питаться за собственный счет. Эти камеры располагались на первом этаже. Это, конечно, было значительно лучше, чем общая камера, куда набивали по сто человек, располагавшихся на полу, покрытом грязной соломой. В такой камере пришлось побывать нескольким известным личностям, среди которых

⁶ Прево – во Франции XI–XVIII веков королевский чиновник или ставленник феодала, обладавший до XV века на вверенной ему территории судебной, фискальной и военной властью; с XV века выполнял лишь судебные функции.

⁷ Во Франции магистратами называются судебные и прокурорские чины, а также и высшие административные чиновники.

Франсуа Вийон, написавший в Шатле свою знаменитую «Балладу повешенных». Сидели там и Клеман Маро⁸, и знаменитый бандит Картуш. В качестве особо строгого наказания заключенных сажали в подземные камеры, в которых никогда не было света и отовсюду сочилась вода. Были и еще более радикальные наказания. Например, некоторых помещали в яму – специальную камеру в виде перевернутой воронки, – привязывая за веревки. На дне такой камеры постоянно находилась зловонная вода, а прислониться к стенам человек не мог, поскольку сделать это не позволяли веревки. В результате он вынужден был постоянно стоять. В таком положении заключенный мог прожить не более пятнадцати дней, и то, если у него был крепкий организм.

В дополнение к рассказу об этом страшном месте можно добавить следующее. На первом этаже Шатле находилась небольшая комната, в которую через небольшое окошко проникал свет с улицы. Это был морг, в который сваливали трупы утопленников, выловленных в Сене, а также, по всей видимости, многочисленных жертв, убитых ночью на парижских улицах. В XVII веке количество свозившихся сюда трупов достигало в среднем до 15 в сутки. Монахини из монастыря Святой Екатерины, который находился на улице Сен-Дени, их обмывали, заворачивали в саван и затем хоронили на кладбище Невинных.

Тюрьма Шатле внушала такой ужас парижанам, что они не рискнули к ней приблизиться даже 14 июля 1789 года и разрушили Бастилию. У революционеров не возникло желания выпустить из Шатле самых жестоких преступников, которые там содержались. Позднее, чтобы раз и навсегда решить проблему Шатле, вооруженные банды «почистили» эту тюрьму во время погромов 1792 года, когда слухи о роялистском заговоре стали распространяться по всей Франции. Однажды утром возбужденная толпа ворвалась в Шатле, чтобы линчевать всех заключенных и, в частности нескольких аристократов. Но в основном были изрублены саблями и заколоты пиками обычные преступники, не имевшие никакого отношения ни к какому заговору. Из 350 узников лишь дюжине чудом удалось избежать смерти.

В связи с упразднением в 1790 году должности прево, Шатле исполняла лишь функции тюрьмы, а после этого ужасного избиения здание тюрьмы стало вообще никому не нужным. Наполовину разрешенное, оно было окончательно снесено по решению Наполеона в начале 1800-х годов. После того как Шатле не стало, изменились и все прилежавшие к тюрьме улочки. В связи с тем, что скотобойни стали органи-

⁸ Французский поэт эпохи Ренессанса, видный гуманист.

зовывать в пригородах Парижа, было запрещено приводить скот в этот район города. Одна за другой закрывались лавочки, а на их месте стали возникать кабаре с дурной репутацией, в которые артисты, художники, другие интеллектуалы, а также и состоятельные буржуа приходили из интереса, чтобы пообщаться со всяким сбродом.

Однажды утром, 26 января 1855 года, именно в этом районе, на пересечении улиц Резни и Старой Лампы, нашли тело Жерара де Нерваля⁹, который повесился на фонарном столбе. Ну а чуть позже Наполеон III и барон Осман¹⁰ взялись за дело и окончательно сравняли с землей этот старейший район средневекового Парижа.

«Ангола» – тюрьма рабов

В конце XIX века в США было открыто пенитенциарное учреждение, которое до 70-х годов прошлого века считалось самым жестоким во всей стране.

«Worst America's Prison» – наихудшая тюрьма Америки. Такой заголовок дали своей статье-расследованию Джон Лир и Е. В. Стаг, опубликованной в 1952 году в иллюстрированном журнале *Collier*. Такой заголовок вовсе не был пиар-уловкой ради привлечения читателей. В ней рассказывалась правда о том, что происходило на протяжении более чем 70 лет существования в самой суровой тюрьме в США, которая называется Ангола. При всеобщем к тому безразличии...

Все началось с весьма сомнительного юмора. На месте, где располагается тюрьма, была плантация, владелец которой Исаак Франклин направлял сюда трудиться рабов, захваченных в африканской стране Анголе. Когда он умер, его вдова продала земли, часть из них досталась Сэмюэлю Джеймсу, который во время Гражданской войны в США был майором в армии конфедератов, а в 1869 году стал начальником тюрьмы, находившейся в Новом Орлеане (штат Луизиана). Бывший неплохим бизнесменом и одновременно почти садистом, Джеймс перевез заключенных в поселения, где когда-то ютились рабы из «Анголы», а затем на законных основаниях взял практически за бесценок все это дело себе в аренду.

Дела шли настолько хорошо, что в 1901 году губернатор, построив новые здания, сделал «Анголу» главной тюрьмой штата, а на прилега-

⁹ Французский поэт-романтик.

¹⁰ Французский государственный деятель, префект департамента Сена, сенатор, член Академии изящных искусств, градостроитель, во многом определивший современный облик Парижа.

ющих плодородных землях в изобилии выращивались хлопок и кукуруза. Несмотря на высказываемое иногда недовольство в связи с тем, что в «Анголе» умирало много заключенных и зачастую вовсе не своей смертью, все предпочитали закрывать на это глаза. В 1917 году новый директор тюрьмы, более здравомыслящий, чем другие, использовал сокращение бюджетных ассигнований как повод, чтобы выгнать часть охранников – «безграмотных скотов, которые по большей части сами в прошлом были заключенными и которые варварски относились к заключенным». Увы, это была лишь разовая акция.

Много лет спустя в архивах тюрьмы были обнаружены сведения о том, что примерно каждый десятый заключенный проходил лечение от ножевых ран. Списки заключенных постоянно подделывались, в результате каждый год куда-то «пропадали» десятки постояльцев тюрьмы. Заключенных здесь избивали до смерти, стегали кнутом, оставляли связанными возле муравейников или в клетках, находившихся на солнцепеке... Осужденные, которым посчастливилось выйти из «Анголы» живыми, в будущем предпочитали умереть, чем сюда вернуться.

В отделении для смертников тюрьмы «Ангола» была установлена «Жуткая Герти». «Жуткой Герти» называли электрический стул, сделанный из дерева и установленный в корпусе D тюремного комплекса. Здесь ожидали смерти более 500 мужчин и одна женщина. Здесь же находился и Вилли Френсис, 16-летний мальчишка, признавшийся, судя по всему под пытками, в убийстве фармацевта из Сент-Мартенвилля. 3 мая 1946 года его должны были казнить на электрическом стуле, но в нем что-то разладилось. Полуобгоревшего, до жути испуганного мальчишку лечили шесть дней, а потом губернатор штата и прокурор приказали его казнить 9 мая во второй раз. На этот раз казнь прошла «удачно». В 30-х годах двое журналистов попытались настроить общественное мнение против «Анголы». Не на юге США, нет, там всем было на это наплевать. Они попытались это сделать в больших городах, расположенных на Восточном побережье. Они говорили, в частности, о том, что в «Анголе» «в тридцатые годы все еще больше рабства, чем где бы то ни было в мире». Эти откровения вызвали скандал в Вашингтоне, но потом постепенно о них забыли.

Об «Анголе» вспомнили в 40-х годах, когда упоминание о ней вновь появилось в заголовках газет. Один бывший заключенный тюрьмы Уильям Сэдлер, по прозвищу Деревянное Ухо (прозвище было ему дано из-за того, что он носил муляж слухового аппарата, сделанный из дерева; настоящий же слуховой аппарат был им утерян в результате поножовщины в «Анголе»), опубликовал серию статей, в которых рассказал обо

всех тех унижениях и бесчеловечном обращении, которому подвергались заключенные, в то время как и сама тюрьма, и штат Луизиана извлекали за их счет немалую прибыль.

Тем не менее лишь в начале 50-х годов, после публикации статьи Лира и Стага, федеральные власти начали расследование. Оно последовало сразу после того, как в ноябре 1951 года в «Анголе» произошли массовые беспорядки и более 50 заключенных в знак протеста против условий содержания перерезали себе ахилловы сухожилия.

Десятью годами позже американский писатель Джеймс Ли Барк, бывший в то время профессором университета, побывал в «Анголе» с целью записать несколько блюзов, исполняемых заключенными еще с давних времен. «Один заключенный рассказал мне, что хуже всего обращаются с лицами, находящимися в так называемом “Доме красных шапок”. Это небольшое здание, в котором содержатся самые опасные заключенные, обязанные носить соломенные шляпы, покрашенные в красный цвет, чтобы охранники всегда их видели. Однажды утром я шел вдоль реки. Один из заключенных улыбнулся мне и сказал: “Мистер Барк, более сотни человек похоронены под вашими ногами”. И я ему поверил».

Постоянные протесты со стороны заключенных и статьи в СМИ принесли кое-какие плоды, но только в конце 70-х годов условия заключения в «Анголе» стали такими же, как в других американских тюрьмах. Впрочем, существующие ныне условия вовсе не гарантируют комфортного заключения. В тюрьме были введены в действие различные обучающие программы, а также сюрреалистичное шоу – родео, которое проводится два раза в год и целью которого является сбор денег. Это жестокое представление собирает до 10 000 зрителей. Заключенные имеют право участвовать в нем, но предварительные тренировки запрещены.

Как и во всех государственных учреждениях США, в настоящее время в «Анголе» постоянно уменьшается бюджетное финансирование. За последние три года были уволены десятки охранников, вместо них установлены камеры видеонаблюдения. Все койки заключенных были переделаны в парные кровати, чтобы увеличить вместимость пенитенциарного учреждения. Но посетителям этого не показывают. Зато улыбающийся охранник с удовольствием отведет вас в полностью отреставрированный «Дом красных шапок», внутри которого стоит настоящая «Жуткая Герти», полностью готовая начать свою работу.

«Святая Пелагия» – тюрьма для богемы

По поводу тюрьмы «Святой Пелагии» Александр Дюма сказал: «Кажется, она кончит тем, что будет представлять собой справочник “Кто есть кто”». Перечень знаменитостей, побывавших в этой необычной тюрьме, впечатляет: Луи Арагон, Гюстав Курбе, Распай, Бланки, Прудон, Жюль Валлес... Единственная вина этих и других интеллектуалов состояла в том, что они противоречили монархам и сильным мира.

Ранее прибежище для кающихся грешниц, «Святая Пелагия» находилась на месте, где сейчас располагается Большая парижская мечеть, в Пятом округе. В тюрьму этот монастырь был преобразован в 1792 году, а снесли ее в 1898 году. В течение бурного XIX века в нее направляли политических преступников и представителей прессы, что в ту эпоху было практически одно и то же. Тогда Виктор Гюго официально возглавлял газету «Событие», Прудон стоял во главе «Представителя народа», а Жюль Валлес получил три месяца тюрьмы за статью о полиции, появившейся в газете «Мир» в 1868 году.

Во времена Июльской монархии и Второй империи цензура была особенно жестока. Памфлетисту попасть в «Святую Пелагию» было обычным делом. А для многих это составляло и предмет гордости. Чемпионами среди журналистов, побывавших в этой тюрьме, оказались республиканцы, поскольку цензура в первую очередь занималась оппозиционными изданиями, имевшими недостаточную финансовую поддержку, и их постоянно душили штрафами.

Первая жертва того века – карикатура. Газета «Гвалт», провозвестница этого направления, «отправила» в тюрьму, своего директора Онуоре Домье и художника Филиппона – на шесть месяцев каждого – за четыре рисунка короля Луи-Филиппа, изображенного в виде груши. А популярные у читателей памфлеты ультралевого направления будут преследоваться во времена Второй империи. Эти памфлеты не будут давать спуска власть предержащим. Одна из самых саркастических газет, «Лампа», свой первый номер открывала следующими словами: «Во Франции, учит нас журнал “Имперский альманах”, имеется 36 миллионов сюжетов, о которых можно писать. Но это – не считая сюжетов, связанных с недовольством граждан». Анри Рошфор, директор «Лампы», за эти слова был приговорен к 13 месяцам тюрьмы и к 13 000 франков штрафа.

Все враги режима сидели в тюрьме в очень комфортабельных условиях. Политические пользовались различными поблажками. Размещались они в самом лучшем помещении тюрьмы, которое называлось «корпус принцев», и вели там приятную жизнь. А все остальные, обыч-

ные, заключенные были плотно набиты в разные камеры. С редакторами газет также обращались очень хорошо. Тому же Анри Рошфору, например, обеды приносили из ресторана, и он даже имел собственного слугу. Каждый из таких привилегированных лиц имел право покидать тюрьму четыре раза в месяц и в любое время. С 1834 года по распоряжению Адольфа Тьера, министра внутренних дел, все политические были освобождены от работы.

Тюрьма «Святая Пелагия» была веселым местом. Ходить по ней можно было свободно, никакого режима изоляции не существовало. Родственники и друзья могли прийти в гости в любое время. Заключенные отмечали различные праздники, а столы сервировались заказанными на воле блюдами. По сути, это был салон, как и множество других парижских салонов. В 1833 году здесь даже был организован сольный концерт, на котором исполнялись произведения для рояля и арфы.

В сентябре 1831 года свобода политических заключенных была такова, что префект полиции хотел наложить запрет на посещения камер, но натолкнулся на сопротивление со стороны заключенных. Привыкшие к своим привилегиям, они взбунтовались и поломали всю мебель в комнате для свиданий. К каждому из них пришла жена, и все вместе они поднялись в общие камеры и в спальни, чтобы вместе пробыть весь день. В «Святой Пелагии» этот знаменитый день останется в памяти под названием «Похищение сабинянок». Такое разное отношение в обращении с различными категориями заключенных возбуждало зависть, и однажды вечером, когда политические вовсю отмечали какой-то праздник, осужденные за общеуголовные преступления также потребовали себе различных поблажек. Чтобы успокоить страсти, их пригласили в гости к политическим.

В общем, жизнь продолжалась: карты, игры в прятки и в чехарду во дворе тюрьмы. В один из дней в стенах «Святой Пелагии» даже состоялась свадьба Пьера-Жозефа Прудона с Евфразией Пьегар. Ведя вполне комфортабельную жизнь в тюрьме, политические заключенные продолжали заниматься своими делами вне стен «Святой Пелагии», как если бы они полностью находились на свободе. Каждый продолжал свою деятельность, политическую или журналистскую. Жюль Валлес, например, организовал в тюрьме газету. Эта газета, под названием «Journal de Sainte-Pélagie», вышла два раза. Заключенные на общем собрании избрали Валлеса главным редактором. Газета распространялась за пределами тюрьмы и в виде вкладки появилась в газете «Париж». Что касается Прудона, то его в конце концов перевели в тюрьму

Консьержери. Мотив: постоянные публикации во время заключения статей в газете «Голос народа».

Радостная и одновременно рабочая атмосфера. С таким количеством оппозиционеров на один квадратный метр «Святая Пелагия» стала настоящим храмом идей, в котором политические дебаты проходили с такой же регулярностью, как и раздача обедов. Политические собрания следовали одно за другим. В тюрьме схлестнулись два клана. С одной стороны – легитимисты, с другой – республиканцы. Во время прогулок каждый клан выходил со своим отличительным знаком. У легитимистов это был зеленый колпак. У республиканцев – кто б сомневался – красный. Коридоры, в которых размещались камеры, также получили свои названия, например, «якобинский», «пожиратель королей»... В одном из тюремных помещений республиканцы установили стол и выгравировали на нем надпись «стол прав человека», вокруг которого устраивали дискуссии на самые разные темы.

Сценка из тюремной жизни: «вечерняя молитва», придуманная заключенными. В центре двора стоит трехцветное знамя, республиканцы поют либо «Марсельезу», либо созвучную эпохе песенку: «Филипп принесет свою голову/ На твой, о Свобода, алтарь». Церемония заканчивается тем, что каждый целует знамя. Ирония истории: именно из тюрьмы «Святая Пелагия» вышли многие политические течения XIX века. Там были написаны и знаменитые произведения, например «Исповеди революционера» Прудона. Как коротко сказал Жюль Валлес, «после того как попал в заключение за то, что почти ничего не сказал, здесь можно было говорить все, что угодно».

Тюрьма апостолов Петра и Павла

Мамертинская тюрьма, или «Туллианум», – наверное, единственная, сохранившаяся на земле тюрьма, история которой уходит в глубокую древность.

По существовавшей в Древнем Риме традиции она была вырыта у подножия Капитолия в VII веке до нашей эры во времена правления Анка Марция. Затем при Сервии Туллии, в VI веке до нашей эры, она была значительно расширена. Но кто бы сейчас помнил этого правителя, если бы не тюрьма, которой он оставил свое имя – «Туллианум». При римском императоре Тиберии тюрьма была еще увеличена. Впрочем, от Тиберия этого и стоило ожидать. Этот император вошел в историю не только как гонитель христиан, но и как успешный правитель, правивший Римской империей твердой рукой и безжалостно подав-

лявший любое инакомыслие и неподчинение. Свое же нынешнее название – Мамертинская – тюрьма получила в Средние века.

Что собой представлял «Туллианум»? Это было подземное здание в два этажа. Вот как описывает тюрьму знаменитый римский историк Саллюстий в своей книге «Заговор Катилины»: «В тюрьме имеется нижний уровень, который называется “Туллианум”, который спускается на двенадцать футов под землю. Стены у тюрьмы толстые, свод ее также выложен из камня. Это грязная темница, мрачная и зловонная, и впечатление она оставляет страшное и ужасное». На нижний уровень можно было попасть только через дыру в потолке.

Тюрьма служила не только местом заключения, в ней же проводились и казни. Здесь в разное время казнили Югурту, царя Нумидии, и Верцингеторикса, вождя кельтского племени арвернов в Галлии. Сначала эти два плененных вождя находились какое-то время в тюрьме, пока их не провели в цепях по улицам Рима во время триумфа. Затем их возвратили в тюрьму, где и уничтожили, как и других пленных, кого с помощью петли, а кого уморили голодом.

Верцингеторикс провел в тюрьме целых шесть лет, пока не состоялся триумф Гая Юлия Цезаря. Большинство же заключенных казнили очень быстро, буквально в течение нескольких дней.

В «Туллиануме» содержались, а затем и были казнены участники знаменитого заговора Катилины. Заговорщики планировали провести отмену долгов и устроить проскрипции для улучшения своего финансового положения. Катилина также обещал раздать своим сторонникам различные гражданские и жреческие должности. Участниками заговора были многие известные римляне, в том числе и бывшие консулы. Возможно, к нему были также причастны Марк Лициний Красс и Гай Юлий Цезарь. Вскоре заговор был раскрыт, во многом благодаря действиям Цицерона, бывшим в то время консулом. 5 декабря 63 года пятеро из числа находившихся в Риме заговорщиков были казнены по решению сената, но без формального судебного решения. Саллюстий так описывает казнь заговорщиков: «Как только Лентула спустили туда (в “Туллианум”. – *Ред.*), палачи, исполняя приказание, удавили его петлей. Так этот патриций из прославленного Корнелиева рода, когда-то облеченный в Риме консульской властью, нашел конец, достойный его нравов и поступков. Цетег, Статилий, Габиний и Цепарий были казнены таким же образом». Сам же Катилина был убит несколько позднее, во время битвы при Пистории, в которой его войска потерпели полное поражение.

Тела казненных в «Туллиануме» выбрасывались на Гемониеву террасу¹¹.

Здесь же в течение нескольких дней содержался, а затем был казнен Сеян, государственный и военный деятель Римской империи, командующий преторианской гвардией с 14 (или 15) года, консул до 31 года. Сеян при императоре Тиберии был вторым лицом в государстве, но замышлял свергнуть Тиберия и захватить власть. Однако Тиберий, лишив с помощью интриг Сеяна массовой поддержки, вызвал его в сенат под предлогом передачи трибуната. Когда 18 октября 31 года Сеян пришел в сенат, командование гвардией захватил ставленник Тиберия – Макрон, а сам Сеян был арестован. В тот же день сенат приговорил его к смерти и постановил уничтожить саму память о Сеяне: его имя было стерто со стен домов, документов и даже с монет. Постепенно, в течение года, были убиты и все родственники бывшего могущественного командира преторианцев, в том числе и дети.

По средневековой легенде, именно здесь содержались и были казнены апостолы Петр и Павел. Согласно сохранившимся легендам и письменным источникам, апостолы Павел и Петр были брошены в тюрьму императором Нероном. Там они явили тюремщикам и заключенным чудо и обратили их в свою веру. Петр был распят головой вниз в 64 году н.э. По преданию, его захоронили на холме, на котором 250 лет спустя император Константин построил первую базилику Святого Петра.

В 2010 году археологи под руководством доктора Патриции Фортини из департамента археологии города Рима обнаружили свидетельства, подтверждающие, что до распятия апостол Петр содержался в заключении именно здесь – в подземной темнице императора Нерона.

Это место продолжало использоваться в качестве тюрьмы до конца IV века нашей эры. После этого Мамертинская тюрьма стала местом паломничества, над которым в XVI веке была построена церковь Св. Иосифа Плотника, которая возвышается над древним узилищем и в настоящее время.

Сегодня Мамертинская тюрьма – это музей, открытый для посещения. По современным ступеням можно спуститься на верхний уровень античной тюрьмы. Двери, которые ведут в Мамертинскую тюрьму, также современные. На стенах, выложенных из блоков туфа, можно про-

---

¹¹ Терраса, или ступени, в античном Риме, на которых при императорах выставлялись на показ тела казненных преступников; впервые упоминается при императоре Тиберии; терраса вела от Капитолия к Форуму мимо Мамертинской тюрьмы к Тибру, куда затем и сбрасывались тела казненных.

читать имена наиболее знаменитых узников, включая и христианских святых.

Вздохните на прощание, или Пьомби, Поцци и Карчери

Прекраснейший итальянский город Венеция является одним из самых посещаемых туристических мест в Италии. Часами можно ходить по его узким улочкам, передвигаться на катере по его каналам (а если есть деньги, то и нанять гондолу – это, надо сказать, недешевое удовольствие), пить, как считается, самый лучший в мире кофе на площади Святого Марка, любоваться дворцами, называемыми здесь «палаццо», возникающими прямо из воды...

Но здесь есть и места особенно интересные не только для обычных туристов, но и для сотрудников пенитенциарного ведомства любой страны. В Венеции находятся три знаменитые средневековые тюрьмы – Пьомби, Поцци и Карчери.

Дворец (Палаццо) дожей – самый известный и, без сомнения, самый красивый дворец в Венеции. В Средние века именно в нем располагались власти этого города-государства, именно здесь решались важнейшие дела, заключались союзы, подписывались соглашения, осуждались на смерть или вечное заключение провинившиеся граждане.

На фасаде Дворца дожей ровным рядом расположились белые колонны. Но если присмотреться, то посередине можно увидеть две розовые. Это место, где дожди появлялись перед жителями Венеции во время торжественных случаев, основными из которых являлись карнавалы и смертные казни. Есть во Дворце дожей и Зал пыток (*sala de Tormenti*), где демонстрируются прикрепленные к потолку блоки, на которые жертву подвешивали со связанными за спиной руками.

Надо сказать, что в Венецианской республике большое распространение получили доносы. Причем, анонимные доносы не рассматривались: необходима была подпись самого доносчика и двух свидетелей. В подвалах дворца имелся огромный зал с документацией на венецианских граждан. Здесь можно было отыскать сведения на любого. И в нужное время эти сведения извлекались, человек арестовывался и попадал в знаменитые венецианские застенки, где спустя какое-то время после суда его либо казнили, либо приговаривали к заключению.

Тюрем при Дворце дожей было две: подземная тюрьма Поцци и Пьомби, тюрьма, находившаяся под самой крышей.

Свое имя «Поцци» подземная тюрьма получила оттого, что ее камеры представляли собой каменные колодцы (по-итальянски – *pozzo*).

В этой тюрьме некоторое время провел и знаменитый итальянский авантюрист Казанова. Вот как он описывает в своих воспоминаниях эти казематы: «Во Дворце дождей в распоряжении государственных инквизиторов есть девятнадцать ужасных подземных темниц; туда отправляют преступников, заслуживающих смерти. Эти девятнадцать подземных тюрем в точности напоминают могилы, но называются Поцци, колодцы, ибо там всегда стоит на два фута морская вода, попадающая через то же зарешеченное отверстие, откуда проникает в камеры немного света; размером эти отверстия всего в квадратный фут. Узник, если не предпочитает стоять целыми днями по колено в соленой воде, должен сидеть на козлах, где лежит его тюфяк и куда на рассвете кладут ему воду и кусок хлеба; хлеб ему надобно съесть сразу, ибо, если он замешкается, жирнейшие морские крысы вырвут его из рук».

Казанову схватили 26 июля 1755 года по доносу и обвинению в ереси и общении с духами. Впрочем, в список обвинений вошли также разврат и мошенничество. Казанова с успехом облегал кошельки богатых венецианцев. Чтобы его арестовать, инквизиция прислала сотню солдат во главе с начальником стражи – настолько власти опасались его способности одурачить кого угодно и незамедлительно скрыться.

В тюремных камерах, находившихся в полуподвальных помещениях, почти ничего не было видно. Из-за высокой влажности тюремные условия в венецианской тюрьме были особенно тяжелыми. Узники часто болели и умирали.

Заключенные сидели на хлебе, воде и... вине. Хлеб закупался по весу, поэтому булочки, чтобы сэкономить, добавляли в него воду, ну а вино разбавляли водой уже сами тюремные надзиратели.

Нужно также отметить, что после отбытия назначенного тюремного срока узники, если они умудрились выжить, могли покинуть тюрьму, но только после оплаты за свое содержание. Кто не в силах был собрать указанную сумму денег, оставался в застенках на неопределенное время. Правда, в помощь таким малоимущим в Венеции был создан религиозный орден, занимавшийся сбором пожертвований для этих заключенных.

Легко представить все эти ужасы, блуждая по подземелью в полном одиночестве. Здесь с непривычки можно даже заблудиться. Некоторые подземные коридоры вроде ведут к свету, но, прибыв туда, оказываешься прямо во внутреннем замкнутом дворе тюрьмы, выхода из которого на волю нет.

Но подземелья тюрьмы Поцци не единственное место во Дворце дожей, где томились узники. Камеры для заключенных имелись и на чердаке дворца, под самой крышей, покрытой свинцом, отсюда и их название Пьомби, что значит «свинцовые» (piombo по-итальянски «свинец»). Эти камеры не заливала вода, но ее узники страдали летом от жуткой жары, доходившей до 60 градусов, а зимой от холода и сырости.

Тюрьма Пьомби также связана с именем Казановы. Великий авантюрист и сердцеед, переведенный в эту «поднебесную» тюрьму из тюрьмы подземной, единственный за всю ее историю умудрился из нее сбежать.

После того как знаменитого авантюриста перевели из Поцци в Пьомби, он сразу же стал готовить план побега. В общей сложности он провел здесь больше года. Наконец план побега был разработан. Сначала он проделал дыру в полу своей камеры, располагавшейся прямо над одним из залов дворца. Казанова собирался спуститься туда в праздничный день, когда там никого не будет. Но когда все было готово к побегу, Казанову (вот невезение!) неожиданно переводят в другую камеру. А вскоре один из надзирателей обнаружил дыру в полу его старой камеры и собирался доложить об этом своему начальству. Но Казанове удается договориться с охочим до денег тюремщиком и замаять дело. И хотя побег сорвался, Казанова не утратил воли к свободе и тут же начал разрабатывать новый план, оказавшийся более удачным. Через несколько месяцев с помощью заключенного из соседней камеры он проделал дыру на крышу дворца, через слуховое окно они пробрались в одно из дворцовых помещений и затем, минуя стражу, выбрались на свободу.

Его побег до сих пор представляет собой нечто феноменальное: Казанова сумел вырваться из самых охраняемых застенков, за которыми следили не только стражи Дворца дожей, но и служители Совета Трех – страшной венецианской инквизиции.

Казанова покинул Пьомби чуть ли не при мистических обстоятельствах: при звуке полночного колокола. Во всех красках эта история, как и вся история жизни великого авантюриста, описана в его воспоминаниях, которые называются «История моей жизни».

Реальный Джакомо Джироламо Казанова был личностью выдающейся и, как отмечают историки, намного более интересной, чем все легенды о нем вместе взятые. Тайный агент, алхимик, маг, авантюрист, литератор, один из образованнейших людей своего времени, Казанова был и остается именем нарицательным. Однако любовные похож-

дения, ныне в первую очередь ассоциирующиеся с его именем, были далеко не главным увлечением самого Джакомо.

Казанова много путешествовал по Европе, лично знал Вольтера, Моцарта, Гёте, не говоря уже о крупнейших аристократах и правителях различных стран, начиная от Фридриха Великого и заканчивая российской самодержицей – императрицей Екатериной II. Согласно одной из версий его биографии (а их существует множество помимо той, что предложил он сам), Казанова был тайным агентом на службе Франции. Именно этот факт, а вовсе не очередная любовная авантюра или богохульство, как это указывается порой, привели Казанову в венецианские тюрьмы Поцци и Пьомби. А спустя двадцать лет после своего феноменального побега он вернулся в Венецию и стал агентом уже той самой инквизиции, от которой сумел так ловко ускользнуть. Затем он вновь не угодил властям, снова бежал и осел в Чехии, где тихо и мирно доживал свои дни личным библиотекарем графа Вальдштейна. Там он и скончался 4 июня 1798 года, не зная, что спустя века его имя по-прежнему будет известно всему миру.

Но вернемся к венецианским тюрьмам.

Когда для узников, томящихся в камерах Поцци и Пьомби, стало не хватать места, была построена новая тюрьма по соседству с Дворцом дожей, на набережной Скъявони. С дворцом ее соединил мост, известный как Мост вздохов.

Эта тюрьма Карчери (*carceri* по-итальянски и означает «тюрьма») окутана легендами и тайнами, не менее ужасными, чем Пьомби и Поцци. Достоверно известно, что в одной из ее камер добровольно провел ночь великий английский поэт Байрон в надежде пережить то, что чувствовали узники Карчери.

Условия в этой тюрьме едва ли были более комфортными, чем в двух других венецианских тюрьмах: тесные камеры, мощные решетки, вездесущие крысы, сырость, отвратительное питание, пытки.

Тюрьма Карчери выполняла свои функции вплоть до конца Второй мировой войны. Затем она была закрыта и превращена в музей, куда с удовольствием заходят туристы. Чтобы войти в нее, необходимо пройти через знаменитый, недавно отреставрированный Мост вздохов, названный так потому, что именно с этого моста заключенные могли бросить последний взгляд на волю, увидеть кусочек моря, вдохнуть воздух свободы, перед тем как, возможно, навеки проститься с родными и близкими.

Адрес редакции:
119992, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 450
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: (495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 10.04.2012 г.
Отпечатано в типографии ИПК «Информкнига».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно